STEPHANOS

СТЕФАНОС

2025

№ 5 (73) || Сентябрь

#5 (73) || September

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-1-138

Stephanos
Сетевое издание
Рецензируемый мультиязычный научный журнал
Электронный проект
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Registration certificate EL № FS 77–53145 from 14.03.2013

Содержание

Contents

Articles

Communications and Materials

Bibliography

Critique. Bibliography

Статьи

Articles

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-7-14

Памяти профессора Александры Вранеш

In memory of Professor Alexandra Vranesh

К. Кончаревич (Белград, Сербия)

Вклад профессора Александры Вранеш в популяризацию сербской лингвистической русистики в России

Аннотация: Статья посвящена деятельности профессора доктора филологических наук Александры Вранеш по ознакомлению российской и зарубежной славистической общественности с историей и современными достижениями сербской славистики. Рассматривается ее работа по редактированию книг из библиотеки «Язык и литература», изданных на русском языке в четырех сериях под общим названием «Труды по языку и литературе» филологическим факультетом Белградского университета в 2015 г. Автор рассматривает значение издания книги «Русский язык в исследованиях сербских славистов» и анализирует работу Александры Вранеш как главного редактора и составителей (академик Предраг Пипер, проф. д-р Ксения Кончаревич), отмечая ее высокий профессионализм, опыт и готовность оказать любую помощь коллегам.

Ключевые слова: сербская русистика в международном контексте, историческая и современная лингвистическая русистика в Сербии, книга «Русский язык в исследованиях сербских славистов», редакторская работа Александры Вранеш, Александра Вранеш (1960–1925)

K. Koncarević (Belgrade, Serbia)

Contribution of Prof. Dr. Aleksandra Vraneš to the Promotion of Serbian Linguistic Russian Studies in Russia

Abstract: The paper is dedicated to the work of Professor, Doctor of Philology Aleksandra Vraneš in introducing the Russian and international Slavic public to the history and contemporary achievements of Serbian Slavic studies. Her work in editing books from the Library “Language and Literature”, which were published in four editions under the joint title “Works on Language and Literature”, in Russian by the Faculty of Philology, University of Belgrade in 2015, is discussed. The author discusses the significance of publishing the book “Russian Language in Research of Serbian Slavicists” and describes the work of Aleksandra Vraneš as the editor-in-chief with the compilers (Academician

Predrag Piper, editor Dr. Ksenija Končarević), emphasizing her great professionalism, experience and willingness to provide any kind of collegial assistance.

Key words: Serbian Russian studies in international contexts, historical and contemporary linguistic Russian studies in Serbia, book "Russian language in research by Serbian Slavicists", editorial work by Aleksandra Vraneš, Aleksandra Vraneš (1960–1925)

Начало изучения русского языка в Сербии в литературе по истории педагогики и методики преподавания русского языка обычно связывается с серединой XIX столетия, точнее с 1849 годом (включение этого предмета в учебный план Белградской духовной семинарии). Таким образом, Сербия относится к странам с наиболее богатыми традициями в институциональном изучении русского языка как иностранного: напомним, что русский язык как учебный предмет за пределами его исконной территории впервые был введен в Румынии (1828), а потом в Болгарии (сер. 40-х годов XIX в.). Однако есть основания считать, что в сербской образовательной системе русский язык представлен уже 280 с лишним лет, если начало его изучения отнести к деятельности двух училищ, основанных в третьем и четвертом десятилетиях XVIII столетия в г. Сремски-Карловцы (Воеводина) – Славянского училища Максима Суворова (1726–1731) и Славяно-латинского училища Эммануиля Козачинского (1733–1737). Преподавание церковнославянского языка и катехизиса в карловацких школах велось на русском (славянороссийском) языке, который в них функционировал в качестве языка педагогической коммуникации (подробнее см.: [Пипер 2006: 17–23; Дамљановић, Кончаревић 2010: 15–17]).

Крупнейшая роль в деле официального введения и изучения русского языка в сербской образовательной системе во второй половине XIX в. принадлежала Сербской Православной Церкви и, в частности, Белградской духовной семинарии (основанной в 1836 г.) как ведущему в то время церковному учебному заведению, готовившему будущих церковно- и священнослужителей и учителей. Первым преподавателем русского языка в Семинарии был Дмитрий Алексеевич Рудинский, кандидат богословских наук, которому было поручено преподавание церковнославянского языка, литературы и русского языка в третьем и четвертом классах, с целью обучения воспитанников Семинарии чтению русской богословской литературы, а также подготовки одной группы государственных стипендиатов к продолжению учебы в духовных академиях Русской Православной Церкви (о деятельности Рудинского см. Радевић 1965: 85–93). После его возвращения в Россию в феврале 1854 г. преподавание русского языка велось выпускниками российских духовных академий, из которых наиболее известными являются Савва Сретенович, Никола Новакович, Алимпий Василевич, Никанор Зисич [Дамљановић, 2000: 63–66]. Василевич и Зисич впоследствии сыграли важную роль в обосновании политики изучения русского языка – первый в качестве инициатора введения его преподавания в сербские гимназии и Лицей (1859; текст инициативы см. в: [Радевић 1971: 499]), а второй в качестве первого сербского университетского преподавателя (с 1863 г.) и первого автора учебника русского языка для сербоговорящих [Учитель рускогъ езика 1862].

Белградская духовная семинария почти тридцать лет являлась единственным сербским учебным заведением с преподаванием русского языка. Его распространение началось в середине 70-х г. XIX в., когда он вводится в учебные планы Высшего женского училища (1873), Учительского училища (1877), Военной академии

(1880) [Дамљановић 2000: 88–91]. Важнейшим событием в деле дальнейшего распространения русского языка явилось открытие кафедры русского языка и литературы на историко-философском факультете Университета (1877) [Дамљановић, Кончаревић 2010: 34–43].

Основные знания из области славянских языков студенты белградского Лицея получали в рамках предмета «славянская филология», введенного в его учебные программы еще в 1844 г. С возведением Лицея в ранг высшей школы в 1863 г. вводится факультативный курс русского языка. С 32 студентами, которые выбрали этот курс главным образом из-за любви к русской литературе и культуре и стремления к научному усовершенствованию, занимался Алимпий Василевич (1822–1911), ставший впоследствии министром просвещения и дипломатическим представителем Сербии в Петербурге [Дамљановић 2000: 66–68; Дамљановић, Кончаревић 2010: 55–61]. С приездом Платона Андреевича Кулаковского (1848–1913), филолога с дипломом Московского университета, создаются условия для создания кафедры русского языка и литературы (1877). Платон Кулаковский создает первый вузовский учебник русского языка для лиц, говорящих на сербском языке, – русскую хрестоматию для высшей школы (1879). Однако его деятельность в Белграде продолжалась всего лишь четыре года (о Кулаковском см. [Дамљановић 2000: 77–84]). После его ухода министр просвещения, знаменитый сербский филолог Стоян Новакович предлагал это место видным славистам Вальтазару Богишичу, Ватрославу Ягичу и Ивану Александровичу Бодуэну де Куртенэ, но его усилия остались тщетными [Дамљановић 2000: 99–105]. Лишь в 1895 г. благодаря ученому слависту Радовану Кошутичу (1866–1949) кафедра продолжает свою деятельность, причем не только в области русистики, но и полонистики и богемистики [Дамљановић 2000: 112–118]. Труды Р. Кошутича были высоко оценены современниками – Ф.Е. Коршем, А.Л. Погодиным, И.И. Замотиным, К. Кадлецом, М. Решетаром, Н. Кульманом, С.П. Обнорским. В частности, в «Записке об ученых трудах проф. Радована Кошутича», написанной Б. Ляпуновым, Е. Карским и П. Лавровым в качестве предложения для избрания заведующего кафедрой славистики Белградского университета в члены-корреспонденты Академии наук СССР, отмечается, что он «оказал большую услугу изучению славянских языков своими трудами, представляющими прекрасные и, по своей исчерпывающей точности, беспримерные пособия для изчения польского и русского языков» (избрание состоялось 14 января 1928 г.; [Марojевић 1986: 21–30]). Основные положения методического подхода проф. Кошутича, основанного преимущественно на учете межъязыковой интерференции («дифференциальный метод»), остаются вплоть до настоящего времени тем прочным фундаментом, на котором строится система обучения русскому языку в сербской среде: ее цели и задачи, стратегия обучения, методы, методические приемы, отбор и презентация содержаний обучения на всех уровнях языковой системы и во всех видах речевой деятельности (о восприятии и дальнейшем развитии методического подхода проф. Кошутича сербскими славистами второй половины XX – начала XXI в. см. [Марojевић 1986; Дамљановић, Кончаревић 2010: 238–250]).

В период между двумя мировыми войнами, в силу неблагоприятных политических обстоятельств (разрыв дипломатических отношений между Королевством сербов, хорватов и словенцев и СССР), происходит заметная редукция преподавания русского языка в сербских школах. Из высших учебных заведений, помимо философского факультета, русский язык изучается лишь на Православном бого-

словском факультете, в Военной академии и в Музыкальной академии [Дамљановић 2000: 143–145]. Сокращается и выпуск учебников, учебных пособий, научных трудов по русистике, поскольку не было новых книжных и журнальных поступлений. Во время Второй мировой войны русский язык начинает изучаться на курсах, организованных на освобожденных территориях и в подразделениях Народно-освободительной армии (так, Верховным штабом НОАЮ, по имеющимся сведениям, были выпущены 9 учебных пособий для практического овладения русским языком). Сразу же после освобождения Белграда, уже в ноябре 1944 г., организуются курсы русского языка, выходят первые самоучители М. Маринковича (1944), С.М. Живковича и Н. Чернышева (1945), а также первый учебник русского языка для учащихся средних школ П.А. Митропана и Н. Санукевича («Учебник русского языка», 1945). Отметим, что решением Комитета по делам просвещения (1945) русский язык вводится в сербские гимназии в качестве обязательного учебного предмета (об изучении русского языка в Сербии во время Второй мировой войны см. [Дамљановић, Кончаревић 2010: 232–237]; [Кончаревић 2023]). Однако новый разрыв дипломатических отношений между Федеративной Народной Республикой Югославией и СССР после принятия Резолюции Информбюро о состоянии в Коммунистической партии Югославии (1948) привел к повторной редукции преподавания русского языка в сербских школах и вузах, а также к спаду научной продукции. Кризис будет продолжаться вплоть до 1960-х гг., когда начинается экспансия изучения русского языка на всех уровнях и во всех профилях обучения [Дамљановић, Кончаревић 2010: 255–256]. Лингвистическая русистика, пройдя через этап ее зарождения (с 20–30-х до конца 50-х гг.), в последующий период проходит этапы ее научного оформления (60-е и первая половина 70-х гг.), этап усовершенствования (середина 70-х и 80-е гг.) и этап нового научного синтеза (вторая половина 90-х гг. до сегодняшнего времени) (обзор см. в: [Дамљановић, Кончаревић 2010: 251–264; Пипер 2018: 21–170]).

По имеющимся полным библиографическим данным ([Пипер 1984; Пипер 1990; Кончаревић, Трнавац 2004; Вићентић, Пипер 2006, см. также Пипер 2018: 305–461]), в период с 1945 по 2000 г. в югославской (сербскоязычной) и сербской научной периодике было опубликовано 536 работ, посвященных сопоставительному анализу русского и сербского языков (в этой области, по подсчетам Н. Айджанович [Ајџановић 2007], было опубликовано 217 работ, причем в период с 1945 по 1975 г. вышло 69 публикаций, с 1976 по 1985 – 71, с 1986 по 1991 – 23 и с 1991 по 2000 год – 54 публикации), и 648 теоретических работ по методике обучения русскому языку (наибольший интерес проявлялся к вопросам усвоения сербскоязычными говорящими русской лексики – 52 работы, грамматики – 49 работ и фонетики – 23 работы), а немало публикаций – 48 – было посвящено также феномену межъязыковой интерференции). Следует также упомянуть монографии Веры Николич (лексикология), Боголюба Станковича (синтаксис, интерференция), акад. П. Пипера (грамматология, семантика), Р. Мароевича (грамматология, лингвистика и поэтика перевода), Б. Тошовича (грамматология, стилистика), Б. Човича (стилистика), Е. Матияшевич (словообразование), М. Радич-Дугонич, М. Стефанович (концептуальный анализ, картина мира), А. Терзича, Е. Гинич (фонетика), Д. Дамлянович (история русистики в Сербии), К. Кончаревич (лингвокультурология, лингводидактика, история русистики в Сербии), А. Мушовича, А. Пеянович, Л. Раздобудько-Човић (фразеология и паремиология).

Итак, огромный, разносторонний материал был недостаточно известен российской и международной лингвистической общественности, особенно потому, что подавляющее большинство монографий и научных или научно-практических статей было написано на сербском языке и опубликовано в журналах и сборниках, которые печатались в республиках бывшей Югославии и потом (с ее распада в 1991 г.) в государствах, сформировавшихся на ее территории. А югославские, сербские, хорватские, черногорские, боснийские лингвисты активно участвовали в мероприятиях, во всех коммиссиях и органах МКС, МАПРЯЛ и других интернациональных организаций. Надо было серьезно, планомерно заняться культурной дипломатией, представить богатство идей и материалов сербских русистов России, правда, лишь некоторую часть их. К этому замыслу и решительному претворению его в жизнь пришла в 2014 г. декан филологического факультета Белградского государственного университета, видный славист, лучший в стране специалист по библиотечному делу, профессор, доктор филологических наук Александра Вранеш. С присущей ей незаурядной энергией она создала творческий коллектив, который осмыслил систему работы над библиотекой «Язык и литература» – капитальным проектом, осуществленным на русском языке[1]. Первая серия под названием «Труды о языке и литературе» была выпущена в 2015 г. Издательством филологического факультета Белградского университета, под покровительством Президента Республики Сербии Томислава Николича, при поддержке Министерства культуры и информации Республики Сербии, Министерства иностранных дел Республики Сербии и АО «НИС» – Нови-Сад.

В состав всех четырех серий вошло более 20 книг, из которых большинство предлагает российскому или русскоязычному читателю ознакомление с сербской народной и художественной литературой и работами национальных языковедов и литературоведов по сербистике, но важное место в коллекции занимают и книги, дающие обратную перпективу – взгляд на русскую литературу, культуру и язык из перспективы сербских славистов, такие, как «Русский язык в исследованиях сербских славистов» (сост. акад. П. Пипер, К. Кончаревич), «Русский литературный Белград» Б. Чурича, «Сербская мысль о русской литературе» (сост. Т. Попович), «Утопия Михаила Булгакова» М. Йовановича. Главным редактором всех упомянутых книг была профессор Александра Вранеш. Она была и архитектором всего проекта, и консультантом, и соавтором, и психологом, и мотиватором наших творческих коллективов.

Мне посчастливилось сотрудничать с проф. Вранеш в работе над первой книгой серии «Труды о языке и литературе» – «Русский язык в исследованиях сербских славистов», составителями которой были академик Предраг Пипер и я. Сначала мы с проф. Вранеш обсуждали концепцию книги. Она, как блестящий знаток книговедения, была своего рода архитектором, заранее видя, как отдельные кирпичи могут сложиться в величественное здание, как объемный и разнородный материал, которым мы располагали, можно объединить в структурное и содержательное целое, учитывая и внутренню логику сербской лингвистической русистики, и историю этой дисциплины, и ее современное состояние.

Процесс создания книги, особенно в условиях нехватки времени, – это эмоциональное испытание для авторов, переводчиков, составителей. Бывают моменты, когда уверенность в себе падает, а вдохновение покидает. Главный редактор тогда

[1] Библиотека состоит из четырех серий: «Сербская литература», «Труды о языке и литературе», «Русская эмиграция в Белграде», «Библиотечное, архивное и музейное дело».

выступает в роли психолога и мотиватора. Александра Вранеш со свойственной ей тактичностью и деликатностью установила доверительное отношение с составителями, помогая нам разобраться в имеющихся материалах, сделать наиболее правильный отбор с точки зрения основной интенции издательства – представить российской и международной научной общественности историю и современное состояние национальной русистики в сферах изучения русского языка в сопоставлении с сербским и обучения русскому языку в сербской речевой и социокультурной среде.

У нас, несмотря на научный авторитет и многолетний опыт академика Пипера, были некоторые дилеммы. Например, каково должно быть соотношение истории и современности в предлагаемом материале? Что понимать под современным состоянием нашей русистики? Каких современных авторов представить – только из Республики Сербии и Сербской Республики как конституэнта Федерации Боснии и Герцеговины, или и авторов из бывших республик Югославии (и если не всех, то каких?) и тех, кто живет в других странах? Кто должен сделать выбор – только составители, на основании библиографии авторов (профессор Пипер располагал персональными библиографиями большинства наших русистов, что нашло отражение и в его книге [Пипер 2011]), или дать возможность и самим авторам предложить работу, которой они хотели бы представить свою научную деятельность международной славистической общности? Профессор Александра Вранеш помогала нам найти единую, стройную методологию конструирования книги, при этом не навязывая своего видения. Это тонкая грань, которую она безусловно соблюдала.

Главный редактор, особенно научного издания, сродни критику. Александре Вранеш на разных этапах работы приходилось выступать и в роли консультанта, она помогала составителям доработать и обогатить сборник, за который именно она несла ответственность как декан и центральная фигура издательства филологического факультета Белградкого университета. Профессор Вранеш ясно осознавала свою профессиональную и фактическую ответственность за весь проект и за каждую книгу в отдельности, ибо она подписывала их к печати, и книги с этого момента начинали свою жизнь... В известном смысле она должна была знать больше, чем составители, авторы, переводчики, потому что в качестве главного редактора она имела дело с разными сторонами и областями действительности, начиная с авторских прав, методики редакторской работы, вплоть до контроля за редакционно-издательским оформлением каждого издания в отдельности и серии в целом. Ее нагрузку в тот момент трудно представить – ведь пришлось ей одновременно, в жесткие сроки, работать над 24 книгами, с 24 коллективами авторов, переводчиков, составителей...

Итак, перед читательской публикой появился сборник, структуированный в два раздела. Первый раздел посвящен обзору истории научного изучения русского языка в Сербии и его преподавания, а также общетеоретическим вопросам. Во втором разделе представлены более частные вопросы сербской лингвистической русистики, такие как применение сопоставительного метода к изучению фонетики, грамматики, лексики, стилистики, лингвокультурологии, вопросы контрастивного изучения семантических категорий, речевых произведений и различных типов текста, проблемы теории (лингвистики и поэтики) перевода с русского языка на сербский и с сербского на русский, лингводидактические аспекты русско-сербского билингвизма (в частности, положительный перенос и предотвращение ин-

терференции), проблемы конструирования и экспертиза учебников русского языка для сербской аудитории. Представлены работы 32 авторов из университетских центров Сербии (Белградский, Новисадский, Нишский, Приштинский), Республики Сербской (Банялукский университет), Черногории (Никшичский университет), а также зарубежных вузов, в которых работают сербские исследователи (Австрия, Канада, Россия).

Меня удивляла необыкновенная работоспособность профессора Александры Вранеш. Впечатляет ее научная библиография как в отношении количества монографий, учебных пособий (не говоря уж о статьях!), так и в плане разнообразия затрагиваемых областей знания (хорошее представление о деятельности проф. Вранеш дают, в частности, статьи А.Г. Шешкен и З. Доличанин, опубликованные в предыдущем номере журнала [Шешкен 2025; Доличанин 2005]. Замечу, что А. Вранеш была главным редактором 52 сборников работ международных и 26 сборников работ национальных научных конференций, 13 тематических сборников, 15 национальных научных журналов. Кроме этого, научным руководителем свыше 30 докторских, 50 кандидатских и 100 магистерских работ, и свыше 700 работ по специальности «Библиотечное дело, информатика, архивистика», которые выполнялись с целью получения государственной лицензии для работы в упомянутых областях. Не могу не сказать, что, когда приходилось работать с Александрой Вранеш как научным или главным редактором, была уверенность – никаких сбоев не будет, все выйдет к положенному сроку и в лучшем виде. Во всем, что делала профессор Александра Вранеш, была видна ее любовь к книге, к библиотеке, к литературе и культуре, стремление поделиться этим чувством с окружающими. В этом она черпала вдохновение и неиссякаемый источник энергии и радости творчества. Поэтому все мы, кому довелось жить и работать с профессором Александрой Вранеш, возрастая на ее научных достижениях, опыте, впитывая в себя частичку ее научного, педагогического, организационного дара, верим, что душа ее покоится в селениях праведных, в местах света и радости преизбыточествующей, которой нет и не будет конца.

ЛИТЕРАТУРА

Ајџановић Н. Контрастивно проучавање руског и српског језика // Славистика. 2007. № 11. С. 244–259.

Вићентић Б., Пипер П. Библиографија српске лингвистичке русистике (1991–2000). Нови Сад: Матица српска, 2006. 141 с.

Дамљановић Д. Руски језик у Србији. Уџбеници до 1941. године. Београд: Филозофски факултет, 2000. 310 с.

Дамљановић Д., Кончаревић К. Настава и методика наставе руског језика у Србији у XIX и XX веку: прилози за историју. Београд: Славистичко друштво Србије – Чигоја штампа, 2010. 210 с.

Доличанин З. Проф. др Александри Вранеш у спомен // Stephanos. 2025. № 4 (72). С. 121–124.

Кончаревић К., Трнавац Р. Библиографија југословенске лингвистичке русистике (1986–1991). Нови Сад: Матица српска, 2004. 147 с.

Кончаревић К. Настава руског језика у српској средини за време Другог светског рата // Руски језик у Србији и Републици Српској данас: зборник радова поводом 75 година Славистичког друштва Србије / Уредници: Б. Марић, Ј. Гинић, Л. Меденица, Београд: Славистичко друштво Србије, 2023. С. 31–42.

Марojевић Р. Радован Кошутић и развој југословенске лингвистичке русистике // Славистички зборник. 1986. № 1. С. 31–46.

Пипер П. Библиографија југословенске лингвистичке русистике (1945–1975). Нови Сад: Матица српска, 1984. 247 с.

Пипер П. Библиографија југословенске лингвистичке русистике (1976–1985). Нови Сад: Матица српска, 1990. 182 с.

Пипер П. Двеста осамдесет година руског језика у српским школама // Славистика. 2006. № 10. С. 17–23.

Пипер П. Прилози историје српске слаавистике: биобиблиографска грађа. Београд: Чигоја штампа. 2011. 728 с.

Пипер П. Прилози историји српске лингвистичке славистике: друга половина XX века. Београд: Чигоја штампа. 2018. 466 с.

Радевић М. Први Руси професори у Београду // Историјски гласник. 1965. № 1. С. 85–93.

Радевић М. Почеци наставе руског језика у Србији. Неколико докумената 1852–1864. // Настава и васпитање. 1971. № 4. С. 493–505.

Шешкен А.Г. Памяти сербского ученого Александры Вранеш (21.09.1060–17.07.2025) // Stephanos 2025. № 4(72). С. 119–120.

Сведения об авторе:

Ксения Кончаревич,
доктор филол. наук
ординарный профессор
филологический факультет
Белградский университет

Xenia Koncharevich,
Doctor of Philology
Full Professor
Faculty of Philology
University of Belgrade

kkoncar@mts.rs

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-15-25

З. Ранкович, М. Ачимович (Белград, Сербия)

Заметки об исследовании сербских рукописей и старопечатных книг

Аннотация: Сербские средневековые рукописи и старопечатные книги, разбросанные по библиотекам и архивам по всему миру, представляют собой значимую часть национального культурного наследия, доступ к которому был затруднен пространственными и временными ограничениями. В данной статье представлены результаты исследований таких материалов и определены долгосрочные цели цифровизации культурного наследия. В ходе исследований с помощью инновационных технологий были обработаны несколько сотен сербских средневековых рукописей, печатных книг и архивных материалов из международных коллекций. Инновационные технологии доказали свою эффективность в сохранении и представлении обладающих культурной ценностью материалов.

Ключевые слова: средневековые рукописи, старопечатные книги, культурное наследие, библиотечные фонды, оцифровка, Библиотека Сербского Патриархата, Православный богословский факультет Белградского университета

З. Ранковић, М. Аћимовић (Београд, Србија)

Напомене о истраживању српске рукописне и старе штампане књиге[1]

Апстракт: Српске средњовековне рукописне и старе штампане књиге расуте по библиотекама и архивима широм света представљају драгоцени део националног културног наслеђа којима је приступ традиционално ограничен просторним и временским оквирима. Циљ овог рада је представљање резултата теренског рада у истраживању оваквих материјала и дефинисање дугорочних циљева дигиталних пројеката културног наслеђа. Истраживање је засновано на теренском раду у обради неколико стотина српских средњовековних рукописа, штампаних књига

[1] Рад је написан у част проф. др Александре Вранеш (1960–2025), истакнутог научника и професора Универзитета у Београду, Катедре за библиотекарство и информатику. Њен научни и стручни рад оставио је дубок траг у области теорије и историје библиотекарства, као и у проучавању историје библиотека. Посебну пажњу посветила је развоју дигиталне хуманистике, чиме је допринела модернизацији и интердисциплинарном повезивању библиотекарства са савременим технологијама и методологијама. Проф. Вранеш је током своје каријере израдила бројне библиографије, пописе и описе рукописне грађе, приређивала мемоарску грађу и антологије, чиме је обогатила културну баштину и омогућила њено систематско проучавање. Њен рад представља спој научне темељности, педагошке посвећености и дубоке љубави према култури и знању. Идеја овог рада је да, кроз анализу теме која је била блиска научном интересовању проф. Вранеш, допринесе даљем развоју области којој је она посветила свој животни и професионални пут.

и архивских материјала из међународних збирки, применом иновативних технологија. Иновативне технологије показале су се кључним за ефикасну заштиту и презентацију културног материјала.

Кључне речи: средњовековни рукописи, старе штампане књиге, културно наслеђе, библиотечке збирке, дигитализација, Библиотека Српске Патријаршије, Православни богословски факултет Универзитета у Београду

Z. Ranković, M. Aćimović (Belgrade, Serbia)

Notes on the Research of Serbian Manuscripts and Old Printed Books

Abstract: Serbian medieval manuscripts and early printed books, scattered across libraries and archives worldwide, constitute a valuable part of the national cultural heritage. Access to these materials has traditionally been constrained by spatial and temporal limitations. The aim of this paper is to analyze fieldwork experiences in researching such materials and to define long-term objectives for digital cultural heritage projects. The research is based on extensive fieldwork involving the processing of several thousand Serbian medieval manuscripts, printed books, and archival materials held in international collections, utilizing innovative technologies. These technologies have proven essential for the effective preservation and presentation of cultural materials.

Key words: medieval manuscripts, early printed books, cultural heritage, library collections, digitization, Library of the Serbian Patriarchate, University of Belgrade – Faculty of Orthodox Theology

УВОД

Остварење мисије савремених библиотека захтева примену најразличитијих знања – од историјских, археографских, лингвистичких, преко социолошких и епистемолошко-организационих, до менаџерских и информатичких. Ова интердисциплинарност библиотекарства потврђује комплексност знања неопходних за разумевање и преношење порука из прошлих времена, као и неопходну примену информационо-комуникационе технологије која омогућава општу доступност грађе[1].

Трансмисија рукописа омогућила је европским народима да постану баштини-ци непроцењивих цивилизацијских вредности. Стога библиотеке и архиви, схватајући значај истраживања и заштите националног блага, све више своју рукописну грађу преводе у дигитални формат[2]. Дигитализација се врши у намери да се богато наслеђе забележи и сачува у дигиталном облику са циљем трајног очувања,

[1] *Conway P.* Preservation in the Digital World. Council on Library and Information Resources. Alexandria, VA. 2013. 13 p.

[2] Чланом 4. Правилника о ближим условима за дигитализацију културног наслеђа српских установа културе одређено је да се дигитализација културног наслеђа врши «ради заштите културног наслеђа и дуготрајног чувања дигиталних објеката, а у циљу: обезбеђивања доступности информација о културном наслеђу, омогућавања размене података између установа заштите, стварања нове и допуне постојеће документације о културном наслеђу, промоције и представљања културног наслеђа, повећања броја корисника, стварања нових садржаја и увођења нових услуга»: https://www.paragraf.rs/propisi/pravilnik-blizi-uslovi-za-digitalizaciju-kulturnog-nasledja-republika-srbija.html (датум приступа: 30.03.2023).

широке доступности за научну обраду, промоције и заштите културног наслеђа[1], као и стручне обраде рукописа, старих штампаних књига и архивског материјала са формирањем базе података или метаподатака[2].

СРЕДЊОВЕКОВНИ РУКОПИСИ КАО КУЛТУРНО НАСЛЕЂЕ

Писана реч доживела је свој врхунац у средњовековним рукописима, односно рукописним књигама (кодексима). Највећи део рукописне грађе чине литургијски и богословски текстови, који доминирају како у модерним библиотечким збиркама, тако и у средњовековним инвентарима манастирских библиотека[3]. Ова преовлађујућа тематска структура сведочи о духовним и културним приоритетима епохе, али и о начину на који се знање преносило и чувало. Цивилизација рукописа, насталих на пропадљивом материјалу као што су папирус, пергамент, папир, подразумевала је њихово непрестано преписивање. Та пракса није била само техничка нужност, већ и културна потреба – условљена тежњом да текстови допру до заинтересованх читалаца и да се очува њихова доступност кроз време[4]. С друге стране, инкунабуле – најстарије штампане књиге, постале су саставни и неизоставни део цивилизације којој данас припадамо. Инкунабуле имају сличности са рукописним кодексима у погледу обликовања слова, изостављања насловне стране (место издавања, штампар и година издања углавном су наведени у колофону), употребе скраћеница, повезивања у корице пресвучене кожом[5].

Селидба грчких рукописа из Византије на Запад представљала је један од најважнијих путева културне трансмисије. То интелектуално и културно благо чинили су римско право, грчко песништво, филозофија и наука. Трансмисијом рукописа, непроцењиве цивилизацијске вредности пренете су у наслеђе европским народима[6].

Српске средњовековне рукописне и старе штампане књиге представљају расуту баштину распоређену по светским институцијама, што отежава њихово систематско проучавање и очување. Традиционални приступ истраживању ограничен је просторним и временским оквирима, што захтева развој нових методолошких приступа заснованих на дигиталним технологијама.

Основни циљ ове студије јесте представљање резултата теренског рада у проналажењу, утврђивању и обради српских средњовековних рукописа и старих штампаних књига, као и дефинисање дугорочних стратегија дигиталних пројеката културног наслеђа. Приказ пројеката укључује оцену ефикасности савремених метода у поређењу са традиционалним приступима, као и идентификацију главних изазова на које се наилази током дигитализовања пронађене грађе. Такође, рад ће се фокусирати на могућности интеграције дигитализованог материјала у савремене истраживачке процесе представљањем више српских пројеката.

---

[1] «Дигитални документ настао дигитализацијом постаје извор чији садржај представља културно и научно наслеђе»; Правилник о ближим условима за дигитализацију библиотечко-информатичке грађе и извора, (члан 7): https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/ministarstva/pravilnik/2017/102/1/reg (датум приступа: 30.03.2023).

[2] *Budak S., Igrec D*. «Priprema metapodataka u Excel tablici» Digitalizacija: radovi, Štrigova // Sv. Martin-na Muri 2022. С. 95–114.

[3] *Богдановић Д.* Студије из српске средњовековне књижевности. Београд: Српска књижевна задруга, 1998. С. 5–10.

[4] О књизи као културолошком феномену види: *Каждáн А.П.* Књига и писац у Византији. Београд: Еволута, 2018.

[5] *Вучковић С.* «Инкунабуле на страним језицима у Србији» Рукописи и стара штампана књига: зборник радова. Београд; Нови Сад, 2018. С. 99–100.

[6] *Радић Р.* Византинци и писана реч // Читалиште. 2021. №38. С. 11–14.

РУКОПИСНИ ЗАПИСИ КАО ИСТОРИЈСКИ ИЗВОРИ

Током своје историје српски народ је насељавао широка пространства Балкана и средње Европе, а са њим су делиле судбину и његове рукописне књиге. Сачувани рукописни фонд представља, на жалост, тек мањи део некадашњег, садржином и уметничким дометима, богатог наслеђа. Многе српске рукописне књиге налазе се данас далеко ван граница простора на којима живе Срби у оквирима својих држава или етничких заједница. Оне су заступљене у јавним и приватним рукописним колекцијама широм света где су доспеле стицајем различитих околности. Отуда се као природан, научни и, пре свега, национални задатак намеће њихово проучавање.

Будући да је реч о споменицима епоха сасвим другачијих од наше, њихово одређивање националним, дакле модерним, критеријумом у методолошком погледу веома је незахвално. Нивои међусобне протканости живота хришћана југоисточне Европе током позног средњег века и у постсредњовековном периоду, савременом човеку тешко је разумљива. Свесни тога, истраживачи се најчешће опредељују да пресудни критеријум за одлучивање о томе које ће књиге из иностраних збирки наћи своје место у серији каталога српских рукописних књига буде пре свега језик којим су писане. То не значи да нема и других рукописа чији су настанак или трајање имали везе са Србима у политичко-географском, културном или било ком другом погледу.

Поред садржаја саме књиге, за проучавање старе и ретке грађе од изузетног значаја су и подаци о начину на који је она доспела у библиотеку. Током времена, власници и читаоци остављали су на маргинама своје белешке, чиме су књиге добијале додатну димензију сведочења о времену, људима и догађајима. Рукописни власнички записи, потписи, посвете, печати, екслибриси и старе сигнатуре представљају драгоцене културно-историјске трагове[1]. Они сведоче о кретању књиге, промени власништва, њеној историји и судбини, али и откривају податаке о политичким приликама, ратним страдањима, временским катастрофама, пожарима, свакодневном животу људи, као и о приватним лицима који су се њом служили[2]. Функција књиге као медија јесте да кроз димензију времена чува и преноси «информације о прошлости једног друштва, његовим успонима и падовима, вредностима и идеалима. Комуникација у димензији простора обезбеђује функционисање друштва, док комуникација у димензији времена обезбеђује континуитет културе»[3].

Сви ови значајни историјски подаци, када се пажљиво евидентирају током каталошке обраде, постају доступни и претраживи корисницима путем електронског каталога библиотеке, чиме се омогућава дубље разумевање не само књиге, већ и ширег културног контекста у којем је постојала.

До сада готово потпуно непозната средњовековна српска библиотека доказ је још једне, за национални идентитет Срба суштински важне културне трансмисије. Дигитализацијом ове пронађене писане баштине најављује се могућност новог, интерактивног истраживачког приступа. Примера ради, Спишки ћирилични одломак од 6 пергаментних листова из словачке збирке у Братислави, који је вероватно страдао у пожару у кући проф. Алојза Мишковича у Кежмароку, објављен је

---

[1] *Димитријевић Н., Тодоровић М.* Рукописна и стара штампана књига на територији Поморавског округа. Јагодина: Народна библиотека Радислав Никчевић, 2020. С. 7–9.

[2] *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи, I–IV. Београд: САНУ, 1902–1926.

[3] *Andevski M., Vučković Ž.* Prolegomena za kritičku pedagogiju medija. Vršac: Visoka škola strukovnih studija za obrazovanje vaspitača «Mihailo Palov». Novi Sad: Filozofski fakultet, 2012. 7 c.

раније, 1929. године, уз приложене фотографије одломка. За савремене српске научнике ове претходне фотографије биле су једини доказ постојања тог рукописа[1].

Развојем информационе технологије подаци о раритетним публикацијама постали су доступни јавности путем електронских каталога и дигиталних колекција. Формирањем дигиталних библиотека, корисници имају могућност прегледа целокупне садржине публикације, а библиотекари могу допунити каталошке описе о непотпуним публикацијама разрешеним и потврђеним подацима.

Описи рукописа раде се на основу непосредног увида и накнадне обраде. Због ограниченог времена за рад у установама које чувају рукописе, велику помоћ у накнадној обради података пружа могућност израде фотографских снимака. Радом «на терену» понекад није могуће извршити дигитализацију комплетних рукописа, већ само фотографисати дигиталним фото-апаратом репрезентативне примере. На тај начин може се формирати база података и уз помоћ рачунара омогућити брз и поуздан приступ информацијама.

Идентификација књиге и њена обрада нарочито су сложене уколико недостају почетни и завршни делови публикације, илустрације и други додаци. При овим сложеним пословима неопходно је консултовање штампаних библиографија и каталога, а данас су од велике помоћи електронски каталози и дигиталне збирке[2].

Развој графичких картица са брзим приказом слика у пуном колору на високо-квалитетним мониторима доприноси константном побољшању приказа слике у дигиталном облику. Обрадом дигиталне слике, појачавањем контраста, филтрацијом, колоризацијом и увећањем омогућава се лакша перцепција и анализа детаља.

ПРОЈЕКТИ ИСТРАЖИВАЊА СРПСКИХ РУКОПИСНИХ И СТАРИХ ШТАМПАНИХ КЊИГА

Поред надлежних институција које учествују у реализацији пројеката важних за идентификацију и експертизу српских рукописних и старих штампаних књига, значајну улогу имају Српска Православна Црква и Библиотека Српске Патријаршије, као и Православни богословски факултет Универзитета у Београду. У даљим редовима указаћемо на најзначајније резултате рада ових институција на проучавању књиге као покретног културног добра.

Управа Библиотеке Српске Патријаршије у Београду покренула је два научно-истраживачка пројекта: Истраживање, евидентирање и научни опис српских средњовековних рукописа у иностраним збиркама и Дигитализација, ревизија и стручна обрада рукописног фонда Библиотеке Српске Патријаршије. За реализацију пројеката формиране су научне комисије које чине археографи, историчари уметности, историчари српске средњовековне књижевности, палеослависти, историчари и теолози.

Комисије за истраживање у иностраним збиркама проучила је српске рукописе у збиркама на територији Чешке, Словачке, Мађарске, Аустрије, Швајцарске, Пољске, Француске и Италије. Рукописи су проучавани превасходно као драгоцени извори за историју, лингвистику, књижевност, право, филологију и палеографију.

Резултати рада у националним институцијама (Чешка, Словачка и Мађарска) публиковани су у виду каталога, а важан део ових каталога јесу илустрације са палео-

[1] *Ранковић З., Тодић Б.* Српске рукописне књиге у Словачкој. Београд: Библиотека Српске Патријаршије, 2016. С. 47–48.

[2] *Дрпшин А.* Стара штампана књига у електронским базама података // Читалиште. 2021. №38. С. 36–37.

графским албумом[1]. Део каталога под називом Илустрације садржи репрезентативне репродукције минијатура и сликаног украса српских рукописних књига које су похрањене у црквеним ризницама, библиотекама, музејима и другим институцијама.

Палеографски албум[2] рукописних књига из Мађарске штампан је као посебна књига и садржи репродукције из свих српских рукописних књига уз настојање да из сваког рукописа буду заступљени сви писари. За сваког писара издвојена је по једна страна, а посебно су додаване странице са писаревим записима. Основно начело распореда репродукција јесте хронолошки поредак – од најстаријих до најмлађих.

У оквиру пројекта Дигитализација, ревизија и стручна обрада рукописног фонда Библиотеке Српске Патријаршије, штампане су две књиге: Инвентар рукописа[3] и Опис рукописних Апостола[4]. Рађен археографском обрадом de visu и уз консултовање старије литературе, Инвентар садржи попис свих рукописних књига Библиотеке Српске Патријаршије без обзира на време њихова настанка. У оквиру сегмента Илустрације донете су репродукције репрезентативних рукописа. Опис рукописних Апостола представља археографски опис шест рукописних књига и одломака Апостола похрањених у рукописном фонду Библиотеке, који су урађени на основу непосредног увида и накнадне обраде. Сегмент Илустрације и палеографски албум садржи репрезентативне репродукције сликаног украса рукописних Апостола, као и репродукције које сведоче о писарима.

Пројекат Оживљавање прошлости за будућност – рукописне и старе штампане књиге на територији Поморавског округа покренули су 2020. године Завичајно одељење Народне библиотеке у Јагодини и Архијерејско намесништво беличко. Као резултат пројекта јављају се две публикације: Старе рукописне и штампане црквене књиге на територији Архијерејског намесништва беличког[5] и Старе рукописне и штампане црквене књиге на територији Архијерејског намесништва беличког[6]. Истраживачким радом на прикупљању и описивању сачуваног књижног фонда спроведеног у манастиру Јошаница и 19 црквених општина Поморавског округа утврђено је да се на територији Намесништва беличког налазе српске књиге штампане закључно са 1867. годином што их сврстава по Закону о старој и реткој библиотечкој грађи у категорију културног добра од великог значаја, као и фрагменти 13 српских средњовековних рукописа насталих у периоду од 14–16. века. Вредно је напоменути да су у оквиру истог пројекта пронађене и пописане руске штампане књиге[7]. На територији Поморавског округа пописана су и архе-

[1] *Шпадијер И., Трујић В., Ракић З., Ранковић З.* Српске рукописне књиге у Чешкој. Београд: Библиотека Српске патријаршије, 2015; *Ранковић З., Тодић Б.* Српске рукописне књиге у Словачкој. Београд: Библиотека Српске патријаршије, 2016; *Трујић В., Тодић Б., Ранковић З., Ракић З.* Српске рукописне књиге у Мађарској. Београд: Библиотека Српске патријаршије, 2025.

[2] Српске рукописне књиге у Мађарској: Илустрације и палеографски албум, приредио З. Ранковић Београд: Библиотека Српске патријаршије, 2018; 2025.

[3] Ранковић З., Вукашиновић В., Станковић Р. Инвентар рукописа Библиотеке Српске патријаршије. Београд. Библиотека Српске патријаршије. 2012.

[4] *Грбић Д., Тодић Б., Ранковић З.*, Ћирилске рукописне књиге Библиотеке Српске патријаршије. Књ. 1, Апостоли. Београд: Библиотека Српске патријаршије, 2022.

[5] *Тодоровић М., Димитријевић Н.* Старе рукописне и штампане црквене књиге на територији Архијерејског намесништва беличког. Јагодина, 2019.

[6] *Димитријевић Н., Тодоровић М.* Рукописна и стара штампана књига на територији Поморавског округа. Јагодина: Народна библиотека «Радислав Никчевић», 2019.

[7] Каталошки је описано 60 црквених и богослужбених издања објављених до 1830. године што је хронолошка граница за класификацију старе руске књиге (*Тодоровић М., Димитријевић Н.* Старе рукописне и штампане црквене књиге на територији Архијерејског намесништва беличког. Јагодина, 2019. 9 с.).

ографски обрађена 23 рукописа. Поред рукописа пописано је, категорисано и каталошки обрађено 612 старих штампаних књига и двадесетак серијских публикација које се налазе у манастирима, црквама, установама и личним библиотекама[1].

Пројекат Старе српске штампане и рукописне књиге на територији Епархије славонске: истраживање уништеног и сачуваног књишког блага, покренут 2014. године у сарадњи Епархије славонске и наставника Православног богословског факултета Универзитета у Београду, резултирао је двема публикацијама: Рукописне књиге библиотеке Славонске епархије у Пакрацу[2] и Старе штампане књиге библиотеке Славонске епархије у Пакрацу[3]. Пакрачка библиотека је током своје историје страдала у више наврата што није промакло светским релевантним институцијама из области културе, попут IFLA-е и UNESCO-а[4]. Сачувани подаци о Библиотеци Славонске епархије у Пакрацу која је умало нестала у пожару 1812. године, постоје захваљујући Митрофану Рајићу – библиотекару који је оставио списак рукописних и штампаних књига које су чиниле фонд Пакрачке библиотеке[5]. Страдање ове библиотеке поновило се и на почетку Другог светског рата, када је уништен и покраден велики део књига[6]. Неке од тих књига враћене су Српској православној цркви 1983. године, да би своју судбину поново доживеле у ратним разарањима током 1991–92. године[7].

Поред тога што је рад на пројекту омогућио јасан увид у актуелно стање рукописне збирке Библиотеке Епархије Славонске, ово истраживање отвара нове могућности за даљи рад на дигитализацији рукописне грађе. Превођењем овог богатог културног наслеђа у дигитални формат, стварају се услови за његово дугорочно очување и широку доступност научној и стручној јавности.

Сарадњом Православног богословског факултета Универзитета у Београду и Цркве Ружице у Београду, а у оквиру обнове поменуте цркве, покренуто је детаљно сређивање, обрада и заштита библиотечког фонда који она баштини. По прописаном Закону о библиотечкој делатности, фонд је профилисан, физички обрађен, обезбеђен, адекватно смештен и представљен јавности публиковањем каталога[8].

У оквиру рада на каталогу рукописа Музеја Српске Православне Цркве урађено је фототипско издање Описа рукописа Манастира Крушедола Саве Петковића из 1914. године, јер се 76 рукописа некадашње крушедолске збирке данас чува у Музеју. У оквиру публикације приређени су биографија и библиографија Саве

---

[1] *Димитријевић Н, Тодоровић М*. Рукописна и стара штампана књига на територији Поморавског округа. С. 8–9.

[2] *Вукашиновић В., Ранковић З., Убипариповић С.* Рукописне књиге библиотеке Славонске епархије у Пакрацу. Београд: Институт за културу сакралног – Монс Хемус, Православни богословски факултет Универзитета, 2015.

[3] *Вукашиновић В., Јоцић Н.* Старе штампане књиге библиотеке Славонске епархије у Пакрацу. Београд: Институт за културу сакралног – Монс Хемус, Православни богословски факултет Универзитета, 2016.

[4] Memory of the World: Lost Memory – Libraries and Archives destroyed in the Twentieth Century / Prepared for UNESCO on behalf of IFLA by Hans van der Hoeven and on behalf of ICA by Joan van Albada. Paris: UNESCO, 1996.

[5] По његовом приказу утврђено је да је Пакрачка библиотеке 1916. године садржала 954 дела међу којима је и велика збирка Србуља.

[6] *Милеуснић С.* Стварање и страдање Епископске књижнице у Пакрацу // Књижевне новине, Лист за књижевност и друштвена питања 1991. Т. XLIV. № 831. С. 3.

[7] *Вукашиновић В., Ранковић З., Убипариповић С.* Рукописне књиге библиотеке Славонске епархије у Пакрацу. Београд: Институт за културу сакралног – Монс Хемус, Православни богословски факултет Универзитета, 2015.

[8] *Нешић И., Ранковић З., Вукашиновић В*. Библиотека цркве Ружице и капеле Свете Петке: старе и одабране књиге: каталог. Београд: Православни богословски факултет, Црква Ружица, 2022.

Петковића, осврт В. Ћоровића на Опис, табеле са новим сигнатурама и датацијама рукописа[1].

Вредно је напоменути да је пре више од 100 година Драгутин Анастасијевић, професор Византијских студија на Православном богословском факултету Универзитета у Београду, први предузео кораке у очувању, заштити и доступности рукописа. Више пута је од 1906. године путовао на Свету Гору ради снимања грчких, српских и турских повеља које су се односиле на историју Србије. Том приликом донео је стотине фотографских снимака тих докумената, које је касније предао Српској академији наука и уметности у Београду[2].

Савремени примери дигитализације показали су значајне предности у односу на традиционалне методе истраживања. Нове технологије омогућавају проширење временских оквира рада, поједностављују истраживачке процесе и пружају могућност динамичне корекције почетних анализа током самог истраживања. Технички напредак допринео је убрзаном развоју комуникације између библиотека и архивског материјала у дигиталном облику, омогућивши његову доступност путем глобалне мреже.

Ипак, упркос бројним предностима, дигитализација носи и одређене изазове. Важно је подсетити да дигитални формат не може у потпуности пренети искуство физичког контакта са старом књигом – осећај када се средњовековни рукопис држи у рукама остаје незаменљив. Папир, као материјал, и даље представља најдуготрајнији носач информација, док дигитална ера траје тек нешто више од три деценије. У многим случајевима, оно што није доступно онлајн остаје ван домашаја већине корисника, што може довести до селективног приступа културном наслеђу и његовог непотпуног разумевања[3].

Пажње је вредно истаћи и податак да су, примера ради, Национална библиотека у Санкт-Петербургу и Ватиканска библиотека учиниле доступним све српске дигитализоване рукописе из својих збирки на свом веб-сајту, што представља значајан корак у демократизацији приступа културном наслеђу.

ЗАКЉУЧАК

Рукописне и старе штампане књиге као културна баштина, превише су важна грађа за национални идентитет једног народа, да би постојала искључиво у оригиналној форми, јер се њеном дигитализацијом мења однос према историјским и културним артефактима.

Изграђујући однос према прошлости кроз виртуелно окружење, ствара се идентитет заједнице, библиотеке и сваког појединца, док се вредности које се чувају у библиотекама, затворене првенствено ради заштите, могу оживети и позвати истраживаче на њихово ново ишчитавање.

Примена иновативних технологија у опису и заштити рукописа и старих штампаних књига представља фундаментално решење за дугорочно очување, промоцију и обезбеђивање брзог приступа културном наслеђу широкој публици и научној заједници. Мисија очувања више није искључиво привилегија библиотека, већ

---

[1] *Петковић С.* Опис рукописа Манастира Крушедола / Приредио З. Ранковић. Београд: Православни богословски факултет, 2023.

[2] *Аћимовић М., Башић Љ.* Заоставштина за будућност – Легат академика Драгутина Анастасијевића. Београд: Православни богословски факултет Универзитета, 2021. 27 с.

[3] *Ранковић З., Аћимовић М.* Средњовековна српска библиотечка и архивска грађа: теренско истраживање и дигитализација // Српска теологија у двадесетом веку: истраживачки проблеми и резултати. 2024. №21. С. 55–66.

мора постати свеобухватни мандат матичних институција који укључује заједничку одговорност различитих заинтересованих страна – од технолошких стручњака до комерцијалних добављача.

Будућа истраживања и пројекти требало би да се фокусирају на развој стандардизованих протокола за дигитализацију, унапређење метаподатака и интеграцију различитих дигиталних колекција у јединствене претраживе системе, као и на развој одрживих модела финансирања за дугорочно одржавање дигиталних архива како би се обезбедио континуитет приступа културном наслеђу будућим генерацијама.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Andevski M., Vučković Ž. Prolegomena za kritičku pedagogiju medija. Vršac: Visoka škola strukovnih studija za obrazovanje vaspitača «Mihailo Palov». Novi Sad: Filozofski fakultet, 2012. 7 c.

Аћимовић М., Башић Љ. Заоставштина за будућност – Легат академика Драгутина Анастасијевића. Београд: Православни богословски факултет Универзитета, 2021. 27 с. / Aćimović M., Bašić Lj. (2021) Legacy for the Future – The Bequest of Academician Dragutin Anastasijević. Belgrade. Faculty of Orthodox Theology, University of Belgrade Press. 27 p.

Богдановић Д. Студије из српске средњовековне књижевности. Београд: Српска књижевна задруга, 1998. С. 5–10. / Bogdanović D. Studies in Serbian Medieval Literature. Belgrade. SKZ Publ. 1998, pp. 5–10.

Будак С., Игрец Д. «Припрема метаподатака у Excel табели» Дигитализација: радови, Штригова // Св. Мартин на Мури. 2022. С. 95–114. / Budak S., Igrec D. "Preparing Metadata in Excel Tables". Digitalization: Proceedings, Štrigova. In: Sv. Martin na Muri. 2022, pp. 95–114.

Вукашиновић В., Ранковић З., Убипариповић С. Рукописне књиге библиотеке Славонске епархије у Пакрацу. Београд. Институт за културу сакралног – Монс Хемус, Православни богословски факултет Универзитета. 2015. / Vukašinović V., Ranković Z., Ubiparipović S. Manuscript Books of the Library of the Diocese of Slavonia in Pakrac. Belgrade. Institute for Sacred Culture – Mons Hemus, Faculty of Orthodox Theology, University of Belgrade Press. 2015.

Вукашиновић В., Јоцић Н. Старе штампане књиге библиотеке Славонске епархије у Пакрацу. Београд. Институт за културу сакралног – Монс Хемус, Православни богословски факултет Универзитета. 2016. / Vukašinović V., Jocić N. Old Printed Books of the Library of the Diocese of Slavonia in Pakrac. Belgrade. Institute for Sacred Culture – Mons Hemus, Faculty of Orthodox Theology, University of Belgrade Press. 2016.

Вучковић С. «Инкунабуле на страним језицима у Србији». Рукописи и стара штампана књига: зборник радова. Београд; Нови Сад, 2018. С. 99–100. / Vučković S. "Incunabula in Foreign Languages in Serbia". Manuscripts and Old Printed Books: Proceedings. Belgrade; Novi Sad. 2018, pp. 99–100.

Грбић Д., Тодић Б., Ранковић З. Ћирилске рукописне књиге Библиотеке Српске патријаршије. Књ. 1, Апостоли. Београд: Библиотека Српске Патријаршије, 2022. / Grbić D., Todić B., Ranković Z. Cyrillic Manuscript Books of the Library of the Serbian Patriarchate. Vol. 1: Apostles. Belgrade. Library of the Serbian Patriarchate Press. 2022.

Димитријевић Н, Тодоровић М. Рукописна и стара штампана књига на територији Поморавског округа. Јагодина: Народна библиотека «Радислав Никчевић», 2019. / Dimitrijević N., Todorović M. Manuscript and Old Printed and Church Books in the Territory of the Pomoravski District. Jagodina. 2019.

Дрпшин А. Стара штампана књига у електронским базама података // Читалиште. 2021. № 38. С. 36–37. / Drpšin A. Old Printed Books in Electronic Databases. *Čitalište*. 2021. No 38, pp. 36–37.

Каждáн А.П. Књига и писац у Византији. Београд: Еволута, 2018. / Každan A.P. (2018) The Book and the Writer in Byzantium. Belgrade. Evoluta Publ.

Нешић И., Ранковић З., Вукашиновић В. Библиотека цркве Ружице и капеле Свете Петке: старе и одабране књиге: каталог. Београд: Православни богословски факултет Универзитета, Црква Ружица, 2022. / Nešić I., Ranković Z., Vukašinović V. (2022) Library of the Church of Ružica and the Chapel of St. Petka: Old and Selected Books – Catalogue. Belgrade: Faculty of Orthodox Theology, University of Belgrade; Church of Ružica Press.

Милеуснић С. Стварање и страдање Епископске књижнице у Пакрацу // Књижевне новине, Лист за књижевност и друштвена питања 1991. Т. XLIV. № 831. 3 с. / Mileusnić S. Creation and Suffering of the Episcopal Library in Pakrac. *Književne novine – Literary and Social Issues Journal*. 1991. Vol. XLIV. No 831, p. 3.

Петковић С. Опис рукописа Манастира Крушедола / Приредио З. Ранковић. Београд: Православни богословски факултет Универзитета, 2023. / Petković S. (2023) Description of Manuscripts of the Monastery of Krušedol / Ed. by Z. Ranković. Belgrade. Faculty of Orthodox Theology, University of Belgrade Press.

Ранковић З., Тодић Б. Српске рукописне књиге у Словачкој. Београд: Библиотека Српске Патријаршије, 2016. С. 47–48. / Ranković Z., Todić B. Serbian Manuscript Books in Slovakia. Belgrade. Library of the Serbian Patriarchate Press. 2016, pp. 47–48.

Ранковић З., Вукашиновић В., Станковић Р. Инвентар рукописа Библиотеке Српске патријаршије. Београд. Библиотека Српске Патријаршије. 2012. / Ranković Z., Vukašinović V., Stanković R. (2012) Inventory of Manuscripts of the Library of the Serbian Patriarchate. Belgrade. Library of the Serbian Patriarchate Press.

Ранковић З., Аћимовић М. Средњовековна српска библиотечка и архивска грађа: теренско истраживање и дигитализација // Српска теологија у двадесетом веку: истраживачки проблеми и резултати. 2024. № 21. С. 55–66. / Ranković Z., Aćimović M. Medieval Serbian Library and Archive Materials: Field Research and Digitalization. *Serbian Theology in the 20th century: Research Problems and Results*. 2024. No 21, pp. 55–66.

Српске рукописне књиге у Мађарској: Илустрације и палеографски албум / Приредио З. Ранковић. Београд: Библиотека Српске Патријаршије, 2018; 2025. / Serbian Manuscript Books in Hungary: Illustrations and Paleographic Album / Ed. by Z. Ranković. Belgrade. Library of the Serbian Patriarchate Press. 2018; 2025.

Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи, I–IV. Београд: САНУ, 1902–1926. / Stojanović Lj. Old Serbian Inscriptions and Records, Vols. I–IV. Belgrade. Serbian Academy of Sciences and Arts (SANU) Press. 1902–1926.

Тријић В., Тодић Б., Ранковић З., Ракић З. Српске рукописне књиге у Мађарској. Београд: Библиотека Српске Патријаршије, 2025. / Trijić V., Todić B., Ranković Z., Rakić Z. (2025) Serbian Manuscript Books in Hungary. Belgrade. Library of the Serbian Patriarchate Press.

Тодоровић М., Димитријевић Н. Старе рукописне и штампане црквене књиге на територији Архијерејског намесништва беличког. Јагодина: Православно архијерејско намесништво беличко, Манастир Јошаница, 2019. 9 с. / Todorović M., Dimitrijević N. (2019) Old Manuscript and Printed Church Books in the Territory of the Beličko Archpriest District. Jagodina, p. 9.

Радић Р. Византинци и писана реч // Читалиште. 2021. № 38. С. 11–14. / Radić P. Byzantines and the Written Word. *Čitalište*. 2021. No 38, pp. 11–14.

Шпадијер И., Тријић В., Ракић З., Ранковић З. Српске рукописне књиге у Чешкој. Београд: Библиотека Српске Патријаршије, 2015. / Špadijer I., Trijić V., Rakić Z., Ranković Z.

(2015) Serbian Manuscript Books in the Czech Republic. Belgrade. Library of the Serbian Patriarchate Press.

Conway P. (2013) Preservation in the Digital World. Council on Library and Information Resources. Alexandria, VA. 13 p.

Memory of the World: Lost Memory – Libraries and Archives destroyed in the Twentieth Century / Prepared for UNESCO on behalf of IFLA by Hans van der Hoeven and on behalf of ICA by Joan van Albada. Paris. UNESCO Press. 1996.

Об авторах:

Зоран Ранкович,
доктор филол. наук
профессор
Православный богословский факультет
Белградский университет

Zoran Ranković,
Doctor of Philology
Full Professor
Faculty of Orthodox Theology
University of Belgrade

Зоран Ранковић,
доктор филолошких наука
професор
Православни богословски факултет
Универзитет у Београду

zrankovic@bfspc.bg.ac.rs

Майя Ачимович,
докторант
мл. научный сотрудник
Православный богословский факультет
Белградский университет

Maja Aćimović,
PhD Candidate
Junior Researcher
Faculty of Orthodox Theology
University of Belgrade

Маја Аћимовић,
докторанд
истраживач приправник
Православни богословски факултет
Универзитет у Београду

macimovic@bfspc.bg.ac.rs

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-26-35

Неизвестный доклад С.Н. Смирнова о культурных гнездах в России

An Unknown S.N. Smirnov's Report by S.N. Smirnov on Cultural Nests in Russia

На карте эмигрантского, «русского» Белграда нет более интеллектуально неординарной, нравственно безупречной и одновременно забытой личности, чем Сергей Николаевич Смирнов. Сам факт, что благодаря ему в 1918 г. была спасена от верной гибели сербская принцесса, русская княгиня Елена Петровна Романова, а также несколько человек Сербской военной миссии, заслуживает большое уважение. Но об этом, как и о самом С.Н. Смирнове, мало кто в Сербии и России знает[1].

Сергей Николаевич Смирнов (1877, Санкт Петербург – 1958, Монтевидео) был потомственным дворянином, сыном инженера-полковника Николая Васильевича Смирнова, получившего известность реставраторскими работами над Таврическим дворцом. Его профессиональные интересы можно описать так: инженер, строитель, искусствовед, археолог, нумизмат, стекольщик, библиотекарь, коллекционер, писатель. Однако начинал он как инженер. Получив высшее образование в Институте инженеров путей сообщения, С.Н. Смирнов сразу был направлен в Париж в строительную компанию «Батиньоль», чтобы подготовить мостовые конструкции для Троицкого моста в Петербурге и одновременно моста Александра III в Париже. Это было начало его карьеры инженера-путейца. Вторым большим проектом стала постройка храма Спас-на-Водах (1909–1911)[2], за которую он был пожалован в звание и камер-юнкера Двора Его Императорского Величества. Этому архитектурному шедевру предшествовала постройка католического собора в Петербурге по предложению французской дипломатической миссии. Параллельно с постройкой храма С.Н. Смирнов организует производство зеркальных стекол в России. По его инициативе несколько заводов начинают заниматься стеклоделием, которые потом сыграют большую роль в оформлении Спаса-на-Водах, а сам зачинатель производства пишет историю стекольного дела в России[3]. В это же время, с 1909 по 1911 г., он обучается в Санкт-Петербургском археологическом институте, занимается разного рода стариной (рукописи, иконы, предметы материальной культуры), исследовательской работой о Константиновском рубле,

[1] Исключением является биографическая заметка о С.Н. Смирнове А.Б. Арсеньева (Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 2. Београд, 1994) и В.И. Косика в его книге («Что мне до вас, мостовые Белграда? // Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. Ч. I. М., 2007). Первыми исследователями творчества С.Н. Смирнова явились русские историки и искусствоведы Н.М. Букштынович (Храм в память гефсиманского борения Христа Спасителя – «Спас-на-водах» // Константиновские чтения-2010: Сб. материалов научной конференции. СПб., 2010), А.Н. Журавская (Сергей Николаевич Смирнов. Неизвестное об известном (по материалам фонда С.Н. Смирнова в ЦГИА (СПБ) // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы. СПб., 2011) и Ю.С. Гудович (Инженер и археолог С.Н. Смирнов (1877–1958) на службе при дворе Карагеоргиевичей (к вопросу о вкладе русской эмиграции в культуру и науку Югославии) // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении. Белград, 2012).

[2] Храм взорван большевиками в 1930-е гг.

[3] См.: 150 лет Никольско-Бахметевского хрустального завода князя А.Д. Оболенского. СПб., 1914. Об этой книге С.Н. Смирнов упоминает в своих воспоминаниях. Для нее он писал статью, посвященную истории стеклоделия в России.

самой редкой монете в мире[1]. Его занятия стариной опять-таки найдут отклик в шедевре Спас-на-Водах. Это С.Н. Смирнов подарит новому храму царские двери XVI в. и старые иконы.

Его карьера пестрит наградами, орденами, медалями. Упомянем лишь два отличия: орден Почетного Легиона и медаль в память 300-летия Дома Романовых. В 1916 г. С.Н. Смирнов назначен управляющим города Павловска. Заботу о городе он совмещает с работой секретаря Великого князя Императорской крови Иоанна Константиновича. Его жизнь всецело связана с Императорским домом Романовых. Так было в России, так будет и в эмиграции в Сербии.

С.Н. Смирнов был свидетелем голгофы царской семьи в 1918 г. И сам, будучи приближенным царской семьи, пережил ужас лишения свободы, допросов, тюрьмы, воцарившийся после убийства Урицкого и покушения на Ленина. Именно этот период, с мая 1918 по март 1919 г., со всеми своими парадоксами, абсурдом, произволом, стал темой его воспоминаний «В плену у цареубийц», которые опубликованы нами на русском языке[2]. Этот интимный дневник человека, чудом уцелевшего лишь благодаря иностранному, сербскому подданству, является ценным документом не только русской, но и сербской истории. По долгу секретаря С.Н. Смирнов находился рядом с княгиней Еленой Петровной, поехавшей за мужем, Великим князем Иоанном Константиновичем, на Урал. Замыслу княгини не дано было осуществиться, она не то что не спасла своего мужа, великого князя, а сама оказалась в тюрьме. Спасти княгиню Елену Петровну стало главной задачей С.Н. Смирнова. Поэтому в книге воспоминаний читаем о жизни сербской принцессы Елены Петровны под арестом, о тюремном быте в Перми, о бесконечных расстрелах, о сменах в ВЧК, о наступлении чехов, о новостях в местных газетах, о слухах, об ожидании норвежского консула, о посещении датского Красного креста, об изобретательности заключенных, о прочитанных книгах, о разговорах, о страхе смерти, о живом смехе.

Благодаря вмешательству норвежского посольства С.Н. Смирнов и княгиня Елена Петровна получили временную свободу, чудом избегнув участи расстрелянной царской семьи. Затем окольными путями, через Финляндию и Швецию, они в разное время прибыли в Париж и оттуда отправились в Сербию. В Сербии С.Н. Смирнов входил в близкое окружение короля Александра I Карагеоргиевича. Он стал личным секретарем княгини и личным библиотекарем короля Александра. Ему сразу были поручены три строительные работы, среди которых главной следует считать работу над внутренним убранством церкви св. Георгия, усыпальницы Карагеоргиевичей в Тополе, их родовом имении. Здесь были воспроизведены копии – мозаики средневековых сербских фресок из древнейших церквей и монастырей X, XI и XII вв. Изучив церковную архитектуру Балкан, сербские православные шедевры в Сербии, Македонии и Черногории, С.Н. Смирнов глубоко заинтересовался восстановлением пострадавших памятников культуры. Он преданно работает как палеограф и эпиграфист, трудится над старыми рукописями и грамотами, пишет итоговые исследования «Сербские святые в русских ле-

[1] Эта монета не была выпущена в 1825 г. На ней изображены с одной стороны – российский герб, двуглавый орел с лавровым венком, с другой – царь Константин I, которого не знает русская история. Дело в том, что после смерти Александра I престол должен был унаследовать его брат, Константин Павлович. О том, что он отрекся от престола, фактически никто не знал, поэтому монетный двор стал чеканить рубль с его портретом, который в итоге не вошел в обиход, а оказался самой охраняемой монетой Николая I, унаследовавшего трон Российской Империи.

[2] *Смирнов С.* В плену у цареубийц. Белград, 2016.

тописях» и «Изображения корон сербских средневековых государей на фресках, в грамотах и миниатюрах». Параллельно с этим он с 1924 по 1936 г. руководит строительством королевской резиденции в Белграде и оформлением внутреннего убранства дворцовой церкви св. Андрея Первозванного. Под его руководством был осуществлен генеральный план развития Белграда на 1925–1935 гг., в основу которого был положен архитектурный стиль русского академизма.

С.Н. Смирнова как эмигранта не могла не волновать судьба соотечественников. Он работал в Канцелярии русского государственного уполномоченного по делам русских беженцев, помогая в организации приема и размещения в Королевстве сербов, хорватов и словенцев русских эмигрантов.

На его судьбе тяжело скажется трагическая гибель короля Александра I в 1934 г. в Марселе. Принц-регент Павел Карагеоргиевич отправит С.Н. Смирнова в 1935 г. на пенсию, как, впрочем, и многих русских, ухудшив их профессиональное и материальное положение. Многим проектам С.Н. Смирнова не дано будет осуществиться. После Второй мировой войны вплоть до смерти в 1958 г. он живет в Уругвае, но об этом этапе его жизни нам не удалось ничего обнаружить.

Архив С.Н. Смирнова «югославского периода» хранится в Национальной библиотеке Сербии в Белграде (ф. 699). Этот архив содержит самые неожиданные документы, связанные с сербской и русской историей, с жизнью сербской королевской и русской царской семьи, с научно-исследовательской и общественной жизнью своего владельца. Доклад, посвященный культурным гнездам в России, который С.Н. Смирнов прочитал на торжественном заседании по поводу Дня русской культуры в Русском доме императора Николая II в Белграде, является еще одним свидетельством его служения памяти о научной и культурной среде дореволюционной России.

Корнелия Ичин

С.Н. Смирнов
О встреченных культурных гнездах в России

Предметом настоящего моего доклада будут несколько библиотек, архивов и музеев, встреченных мною при разных поисках исторических материалов для разных моих работ.

Прежде всего конечно не могу не упомянуть великолепной библиотеки в Павловском дворце. Там было 35000 томов книг, почти все подносные или посвященные Августейшим Владельцам этого имения-города. Великолепные сафьяновые переплеты, золотые тиснения. И такие редкие экземпляры, как рукописное описание путешествия наследника Царевича Павла Петровича и его второй жены, с многими акварелями. Или знаменитые заметки воспитателя наследника Павла Петровича, адъютанта Порошина[1], ведшего их изо дня в день и имевшего неосторожность кое-кому показать, как он все видит и все замечает, все записывает. Теперь это отличный источник, первоисточник для истории того времени, тогда же записки послужили причиной удаления Порошина от должности. А картинная

[1] Порошин Семен Андреевич (1741, Кунгур – 1769, Ахтырка) – писатель, мемуарист, воспитатель цесаревича Павла Петровича. С цесаревичем занимался геометрией и арифметикой, имел большое влияние на него благодаря своей начитанности, готовил для него сочинение «Государственный механизм». Удален с должности в 1766 из-за дневника, в котором были затронуты многие важные лица. Его дневник впервые был напечатан в 1844 г. в Санкт-Петербурге.

галерея и коллекция гравюр, числом до 3000 штук, из которых многие так и оставались в шкафах с момента издания. И так странно было недавно получить одну павловскую гравюру с изображением офицеров и солдат Л<ейб>-Гв<ардейского> Измайловского полка на фоне Павловского Дворца. Доставлена она из одного антиквариата в Вене, куда видимо она попала от большевиков. А среди картин знаменитые творения Рембрандта, Гюбер-Робер, Греза, Ватто и многих, многих других. В архиве было столько материала для историка Великого Князя Константина Павловича, которому намечались шесть престолов: Константинопольский, Дакийский, Шведский, Сербский, Польский и Российский. Огромная коллекция медалей. Помню, как однажды я показал коллекцию Павловска герцогу де Люинь[1] и как он вдруг увидел редкую медаль в честь своего предка, первого коннетабля Франции. Не перечесть всех музейных, архивных и других редкостей этого культурного гнезда.

Затем помню, как однажды, в 1912 году, мы с молодыми Константиновичами из Их имения Осташева около Волоколамска приехали к Их соседям, уже Можайского уезда, Графам Уваровым, в их историческое имение Поречье. Дом в три этажа, построенный по приказу Императрицы Елисаветы для Разумовского архитектором Растрелли. Перед дворцом курь-д'онер. С другой стороны – парк над рекой Рузой, 75 десятин векового парка. Немного дальше знаменитые оранжереи известного во время царствования Императора Александра I Генерала Адъютанта Уварова[2], где сохранились им посаженные пальмы. Очень интересна в доме была портретная галерея, начиная с Разумихи, матери известного фаворита; и еще больше – огромная библиотека графа, б<ывшего> министра народного просвещения, в которой было 6000 томов рукописных книг, из коих многие на пергаменте. Эта коллекция и собрание икон вызывали приезд многих старообрядцев, ученых, для которых был даже особый дом. И какова была важность этих собраний, видно хотя бы из того, что однажды приставленный к приехавшим начетчикам казачок признался хозяевам, что последние предлагали ему 10.000 р<ублей>, лишь бы он украл одну икону. Когда грянула революция, все сокровища были спасены братом графини Прасковьи Сергеевны Уваровой[3], князем Николаем Сергеевичем Щерба-

---

[1] Герцог де Люинь – речь идет, видимо, об Оноре Шарле Мари Состен д'Альбере де Люинь (фр. Honoré Charles Marie Sosthène d'Albert de Luynes, 1868–1924), десятом герцоге де Люинь – французском аристократе и дипломате. Был представителем принца Филиппа, герцога Орлеанского, претендента на французский престол, содействовал его связям с правительством Франции и других стран. Участвовал в Первой мировой войне; за свою деятельность в Румынии был награжден Крестом Почетного легиона.

[2] Уваров Федор Петрович (1769, Хрусловка, Тульская губерния – 1824, Санкт-Петребург) – старший генерал-адъютант в свите императора Александра I, генерал от кавалерии, участвовал в Наполеоновских войнах, сопровождал императора во время тильзитского и эрфуртского свидания с Наполеоном. По итогам Наполеоновских войн получил орден св. Владимира 1-й степени. В знак признательности к своим подчиненным по гвардейскому корпусу завещал 400.000 рублей на сооружение памятника в их честь; на эти деньги были сооружены Нарвские ворота в Санкт-Петербурге.

[3] Уварова Прасковья Сергеевна (урожд. княжна Щербатова;1840, Бобрик, Харьковская губерния – 1924, Добрна, Королевство сербов, хорватов и словенцев) – графиня, историк и археолог, жена археолога Алексея Сергеевича Уварова, с 1912 придворная статс-дама. После кончины мужа, графа Уварова, стала председателем Московского археологического общества (1885), почетным членом Императорской Академии наук (1895); была профессором Дерптского, Харьковского, Казанского, Московского университетов. После Октябрьской революции уехала в Ессентуки, где заканчивала труд «Описание миниатюр грузинских Евангелий XV и XVI веков»; в 1919 эвакуирована из Новороссийска, эмигрировала в КСХС.

товым[1], директором Московского исторического музея, куда они и были перевезены.

Еще об одном имении хочется мне вам рассказать хотя бы вкратце, чтобы вас не утомлять. Там я случайно наткнулся на такой архив и музей, что по найденным материалам написал целое исследование об истории русского хрусталя и стеклопромышленности вообще.

В 1911 году я был избран председателем правления Петербургского стекольного общества[2]; у нас было три завода, дело было очень крупное. В то время в России было 300 стекольных заводов. Владельцы их ежегодно съезжались в марте на съезд, где переизбирали половину состава своего Совета из 10 человек. В 1912 году выбрали меня в состав Совета. Входили в него крупнейшие стеклозаводчики: Князь А.Д. Оболенский[3], Рябушинские, Мамонтовы, Мальцевы и др. Осенью 1913 года князь Оболенский сообщил нам в одном из очередных заседаний Совета, что в 1914 году исполняется 150 лет со дня основания его хрустального завода[4], б<ывшего> Никольско-Бахметьевского[5], перешедшего к нему по наследству от его тетки Бахметьевой 30 лет перед тем, и что он намерен к этому юбилею издать краткую справку по истории завода за 150 лет; но при этом он жаловался, что на заводе не сохранилось почти никаких исторических материалов.

---

[1] Щербатов Николай Сергеевич (1853, Москва – 1929, Москва) – князь, историк и археолог, директор Исторического музея в Москве. Обучался в Морском кадетском корпусе, совершил кругосветное плавание в 1876 г., принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Участвовал в археологических раскопках, состоял в разных научных обществах (Московское археологическое общество, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Историко-родословное общество и др.) и комиссиях (по изучению старой Москвы, по устройству музея Отечественной войны 1812 года). С 1917 директор Исторического музея, после революции заведовал Отделением войны и революции (с 1919).

[2] Северное стекольно-промышленное общество – крупная производственная компания в Российской империи, существовала с 1894 по 1917 г.; основано на базе существовавшего с 1864 Торгового дома «М. Эрленбах и К°», которому принадлежали стекольно-зеркальные фабрики в Финляндии, Москве и Петербурге. В 1918 декретом Совета народных комиссаров Общество было национализировано.

[3] Оболенский Александр Дмитриевич (1847, Санкт-Петербург – 1917, Ессентуки) – князь, государственный деятель, последний владелец семейного хрустально-стекольного завода Бахметевых в селе Никольском Пензенской области. В 1884 г. получил в наследство от бездетного двоюродного деда Алексея Николаевича Бахметева и его жены Анны Петровны Бахметевой хрустальный завод и 16468 десятин земли; усовершенствовал и расширил хрустально-стекольное производство, которое во время его управления достигло своих вершин, изделия предприятия отмечены Большой золотой медалью на международной выставке в Париже.

[4] К этой дате было приурочено издание «150 лет Никольско-Бахметевского хрустального завода князя А.Д. Оболенского. Описание истории завода и краткий очерк о развитии стекольного дела в России» с двумя приложениями (1. Материалы по истории Никольско-Бахметевского Завода; 2. Материалы по истории стекольного дела в России), выпущенное в Санкт-Петербурге постоянным Бюро съездов стеклозаводчиков. В предисловии особая благодарность Комитета по изданию высказывалась С.Н. Смирнову, «особенно потрудившемуся при собрании материалов и издании настоящей книги» (стр. VI).

[5] Никольско-Бахметьевский (Бахметевский) завод – основан в 1764 г. в Пензенской области (село Никольско-Пестровка), построил его по разрешению Екатерины II Алексей Иванович Бахметев; его потомки управляли заводом до 1884, когда он перешел во владение А.Д. Оболенского. Во время восстания Пугачева завод был разрушен и разворован, его фактически с нуля восстановили. Предприятие достигло расцвета в период 1830–1860-х; после отмены крепостного права предприятие сохранило своих работников, снабдив их земельным наделом с усадьбой. Князь А.Д. Оболенский занялся техническим оснащением завода и улучшением условий труда, увеличил число работающих на нем мастеров. В годы Первой мировой и Гражданской войн сотрудники Бахметевского завода отстояли его, с 1918 по 1923 г. он работал под названием «Хрустальный завод № 1», с 1923 – «Красный гигант».

После его ухода из заседания члены Совета решили и со стороны Совета отметить чем-нибудь этот редкий юбилей и попросили меня заняться этим. Уже на утро я отправился в Архивы М<инистерст>ва Двора, М<инистерст>ва торговли и промышленности, Городской Думы и др. И вскоре я обнаружил довольно много интересных материалов: заказ большого хрустального сервиза «на 70 кувертов» в 1804 году для Двора[1], пожалование заводчику Бахметьеву в 1829 году большой золотой медали за его великолепные изделия на первой Российской промышленной выставке 1828 года и т. д.[2] Уже через неделю в очередном заседании Совета я поделился собранными сведениями, и Князь предложил мне писать с ним вместе историю его завода. Пришлось поехать на завод. Помню приезд 13 декабря 1913 года поздно вечером на станцию Ночка Казанской ж<елезной> дор<оги>. В парных санях лесом довольно быстро проехал я 20 верст до имения «Пестровка» Пензенской губернии и остановился в барском доме постройки начала 19-го столетия, с колоннами в стиле ампир. Молодой князь Дмитрий Александрович, городищенский предводитель дворянства, его жена и я скоро сели ужинать. Зал был точно в доме Лариных, с колоннами. На хорах за время ужина играл оркестр балалаечников, детей заводских рабочих.

После обеда я ушел в свою комнату, и скоро ко мне пришел туда приставленный ко мне лакей. Это был небольшого роста, очень плотный, пожилой человек, гладко выбритый, выглядывавший лет на 50–55.

Желая поискать на месте каких бы то ни было старых документов по истории завода, я спросил лакея сначала, как его звать и давно ли он в имении. Он ответил, что все зовут его Иваном Ивановичем, что ему… 80 лет и что он уже 75 лет в имении. Дальше он мне рассказал, как 75 л<ет> перед тем, в 1838 году, его покойная барыня Анна Николаевна (Бахметева) купила за 5 рублей у бродячей труппы музыкантов. Ему тогда было 5 лет. Попал он, когда подрос, поваренком на кухню, потом в казачки, а когда еще подрос, проделал карьеру лакея в имении, потом в особняке князя в Петербурге, сделался там дворецким, и наконец таковым же перешел в имение. Для меня он был просто находкой. Мы разговорились, и на мой вопрос, нет ли в доме каких-нибудь старых бумаг, старик взмахнул руками и с какой-то обидой пожаловался на массу пыли от старых бумаг. Он вывел меня в коридор, где стоял ряд шкафов красного дерева и, открыв первый из них, показал мне на целые тюки старых бумаг. Всю ночь я просидел за ними. Это были отчеты по заводу начиная с 1794 года. Весь быт того времени нашел себе отражение в этом замечательном архиве. Главное я из него напечатал в истории завода, которую я написал к юбилею [и которую позвольте передать вам на беглый просмотр]. Там есть очень интересные воспроизведения хрусталя и молочного стекла.

Время, отведенное каждому докладчику, не позволяет мне подробно рассказать вам хотя бы небольшую часть того, что я там прочитал. Много было очень любопытного. Занятны эти обозы с хрусталем, идущие 700 верст до Москвы. Или вот приближается Нижегородская ярмарка и при заводе на р<еке> Суре готовит-

[1] Сервиз на 70 персон для царского стола был создан Александром Петровичем Вершининым (1765–1828), за что работник Бахметевского завода получил в вознаграждение от Александра I золотые часы. А.П. Вершинин делал самые сложные заказы, прославился изготовлением уникальных двухслойных стаканов, создавая между стеклами картины из природных материалов; его ремесло сохранялось в кругу семьи Вершининых-Протасовых с конца XVIII в. вплоть до Октябрьской революции.

[2] Правила проведения Всероссийских промышленных выставок были утверждены Мануфактурным советом в октябре 1828 г., первая выставка была проведена в Санкт-Петербурге в 1829. На первой Всероссийской промышленной выставке Никольский завод Н.А. Бахметева был зачислен в первый разряд предприятий, его изделия были удостоены Большой золотой медали.

ся караван судов с хрусталем. В отчете значится, что купили рогожу для парусов, дали 45 копеек попу с причетником за напутственный молебен. В отчете тут же поблизости запись: столыпинскому клавикорщику (крепостному соседскому музыканту) от Государыни-Барыни пожалован рубль. Есть и занятная статья о «безденежно отпущенном» хрустале. Не буду рассказывать, кто входит в списки получивших «безденежно» хрусталь.

Одна связка документов меня особенно заинтересовала. Ступив на 22 году от рождения в 1801 году на престол, Император Александр I со своими молодыми советниками горели желанием совершить реформы на пользу Родине. Одна мера коснулась и Бахметьевского завода. Это учреждение Правительством Капитала на поощрение промышленности. Узнав об этом, тогдашний владелец завода, Ник<олай> Алексеевич Бахметьев, обращается с просьбой о ссуде в 100.000 р<ублей> на улучшение и расширение своего завода. Он был необычайно культурный человек и отлично вел свое предприятие. Долго шли оценки, переписки. И так забавно читать, как приходилось то слать одному влиятельному местному чину «изрядное» ружье, «зная охоту Вашу до ружей и по причине истинного моего к Вам усердия», причем просится ускорить одобрение планов завода для залога. То едет к другому чину хрустальная кружка, и получается ответ, что «невская вода из кружки, столь прекрасной, кажется мне слаще, и я всегда пью из оной в воспоминание нашей дружбы». А дело подвигается. И вот-вот получит владелец завода нужную ему ссуду, как вдруг всплывает препятствие: завод в деревянных зданиях, может сгореть и требуется дополнительно обеспечение в виде недвижимого имущества: казенного здания или... крестьян. Бахметьев предлагает недвижимое имущество в виде 426 душ крестьян по… 75 рублей за душу, но утвержденная цена за мужика в этой губернии была не 75, а 60 р<ублей>, и понадобилось Высочайшее разрешение на повышение цены.

Были у помещика сырые материалы: лес (топливо) и песок. Он начинал их использовать для великолепного производства, достигал редких успехов, побивал иностранную конкуренцию, но так трудно было ему добиваться возможности работать, как бы ему было нужно.

Каждый день я обходил разные помещения завода, всюду: на чердаках и в подвалах – в поисках документов. Очень интересен был великолепный заводской музей изделий, образцов, где мне удалось найти стакан с подписью того мастера, который возил в 1804 году хрустальный сервиз ко Двору. А датировать хрусталь ведь так трудно. Это ведь не фарфор с заводскими марками.

На 3-й день моего пребывания в имении вечером меня вызвал по телефону Управляющий заводом и сказал, что «Вы, С<ергей> Н<иколаевич> подпрыгнете до потолка: мы нашли комнату со старыми документами». Оказалось, что один очень старый служащий, 40 лет после еженедельных поверок платных списков, складывал их в одной комнате-кладовушке и, услыхав о моих поисках, вспомнил, что 40 лет перед тем он видел у самой стены ящик со старыми документами. Он откопал этот ящик, который оказался полным грамот Царей, начиная с Царя Алексея Михайловича. Все это я цитировал в истории завода и стеклоделия, равно как напечатал и многие документы полностью. И тут удалось мне найти, что все эти знаменитые хрустальные кубки с вензелями Императриц или с военной арматурой, позолоченными так красиво, все это наше, русское производство. Это производство было уже в то время поставлено у нас на большую высоту.

Еще случай находки огромного количества рукописей и целого музея церковных древностей перенесет нас с вами из Пензенской губернии на север, в Вологодские леса.

Один из трех наших заводов находился к северу от Вологды, в Кадниковском уезде, на речке Кубенке, впадающей в Кубенское озеро, так что и мы имели водяное сообщение с Нижегородской ярмаркой. Кругом завода огромные запасы топлива – дремучие леса, тянущиеся в этой губернии на 1054 версты. Была в них дивная охота на медведя. К нам в рабочий поселок из леса, как нищий по дворам, заходил нередко молодой лось. А однажды батюшка в сенях своей избы зарубил топором забежавшего из леса волка.

Возвращаясь однажды в розвальнях из лесу, где я был на берлоге и взял отличного медведя, я проезжал через одну деревню в 20 верстах от железной дороги. Вологда – Архангельск. И я сказал мужику, чтобы он в деревне поискал старья у мужиков. Через четверть часа изба наполнилась драными полотенцами и дырявыми ковшами и т. под. По-своему поняли!

На станции железной дороги мужик рассказал начальнику, что я интересуюсь стариной, и тот посоветовал мне проехать в другую сторону от дороги, где в верстах 6 была старая церковь. Сооружена она была 250 лет перед тем на месте старой, деревянной. Он слышал, что на чердаке ее есть много старых вещей. Я поехал туда, нашел старосту, забрался на чердак и прямо-таки ахнул от удивления: весь чердак был завален древними иконами, частями древнего иконостаса и т. д. За какие-то гроши я купил прелестный древний вологодский росписной напрестольный крест и две иконы. Все остальное осталось там. Уходя, я заметил большое глубокое лукошко из бересты. На мой вопрос, что это, получился ответ: «Старые бумаги, я их отставил из подвала, уж больно гада грызть стала». И действительно, плотная масса засаленных жирных бумаг, толстых рукописей имела дыру посередине, становившуюся все уже и уже ко дну лукошка. Крысы поработали. Купил и это собрание. И, представьте себе, это были за 200 лет копии указов Сената и Синода, посылавшиеся по селам и монастырям и скитам Вологодской губернии из Вологодской консистории. И всюду фраза: «а ехать тебе, пищику (писарю) или подканцеляристу такому-то в такой-то монастырь, и собрав игумена с братиек прочитать указ». И в конце обязательно прибавка: «а налогов и взятков не брати никаких». Все лукошко я купил, и в нем оказалось около 1000 копий старых бумаг. Помню, как в одной, кажется 1743 года, за время Императрицы Елисаветы рекомендуется из бревен изготовлять доски не топорами, а пилами, ибо получается гораздо больше досок.

Я очень жалел, что музей икон и других церковных предметов остался на чердаке. И представьте мое удивление, когда в 1929 году, возвращаясь из одной служебной командировки в Берлин по делам мозаик на Опленце[1], я в Мюнхене наткнулся на устроенную большевиками выставку древних русских икон. И № 76 каталога оказался одной из икон с этого чердака, иконой 16 столетия.

Там же, в том же Кадниковском уезде Волог<одской> губ<ернии> шел однажды крестный ход из Вологды, и некий хоругвеносец Иванов, которого я знавал, огородник из Вологды, наткнулся на чердаке одной сельской церковки на целый музей... слюдяных окон и дверей 16–17 века. Их там было 30 штук. Он их за три

[1] Опленац – усыпальница сербской королевской семьи Карагеоргиевичей в городе Топола; С.Н. Смирнов занимался внутренним убранством церкви св. Георгия и усыпальницы, подбирая соответствующую мозаику, за которой ездил в Берлин.

рубля купил для своих парников, но от первого же дождя они прогнулись, и он их привез в дни Бородинских торжеств в Москву, где я 17 из них купил у Дм<итрия> Иван<овича> Силина[1], антиквара на Никольской, и дома из них сделал себе целую горницу.

Однажды, когда я собирал материалы для своей книги о Владимиро-Суздальской архитектуре и о храме-памятнике морякам, погибшим в войну с Японией, я очутился в Суздале, а потом в Ростове Великом. И у одного мануфактурщика наткнулся на целый музей. В числе вещей музея оказался редчайший предмет: подлинное собственноручное письмо святого Дмитрия Ростовского, спрятанное в серебряном плоском кресте. Я записал его текст, проверил его подлинность у биографа святого Дмитрия, известного моего профессора Ивана Александровича Шляпкина[2]; в биографии святого Шляпкин цитировал это письмо по его изданию в Ярославских епархиальных ведомостях 1854 года, после чего письмо исчезло. Я его купил за 300 р<ублей> и бережно хранил. Потом я его поместил в особом киоте в построенной мною домовой церкви в Стрельне у Вел<икого> Князя Дмитрия Константиновича.

Я бы мог рассказать вам очень много о встреченных мною гнездах культуры в виде неизвестных библиотек, музеев и архивов, но время идет, и я должен кончать. Позвольте ограничиться лишь вкратце еще двумя случаями.

Когда я недавно писал свой труд о сербских святых в русских рукописях, я здесь, в Белграде, нашел описания 52 русских замечательных книгохранилищ, где пересмотрел описания больше чем 16000 рукописей, и в 282 оказались в святцах или месяцесловах сербские святые. И так интересно, что 30 таких рукописей 14, 15 и 16 столетий, по которым молились в России сербским святым Симеону[3], Саве[4] и другим, оказались в библиотеке на Ледовитом океане, в Соловецком мо-

---

[1] Силин Дмитрий Иванович (1855–1913) – известный антиквар, купец 2-й гильдии; он и его брат Евгений Иванович (1877–1928) были наиболее известными антикварами из старообрядческой семьи антикваров Силиных, занимавшейся торговлей старинными вещами с середины XVIII века; владели целой сетью московских антикварных магазинов (на Никольской улице, на Ильинке, в Верхних торговых рядах, в Охотном ряду). Из собрания древнерусских икон Д. И. Силина пополняли свои коллекции Русский музей и император Николай II; Д. И. Силин принял участие в эпохальной выставке русских икон 1913, приуроченной к 300-летию со дня воцарения Романовых.

[2] С. Н. Смирнов ошибается в имени ученого, речь идет о Шляпкине Илье Александровиче (1858, с. Александровка, Петербургская губерния – 1918, Белоостров, Петроградская губерния) – филологе, палеографе, историке древнерусского искусства. И. А. Шляпкин собрал коллекцию старинных рукописей XII–XVIII веков, коллекцию автографов, библиотеку русских книг XVII–XX веков; подготовил к печати ряд памятников древнерусской литературы, а также полное собрание сочинений А С. Грибоедова и книгу «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина» на основе личного собрания.

[3] Св. Симеон (в миру Стефан Неманя, 1113–1199) – правитель сербский, объединитель сербских земель, содержатель множества храмов в Сербии и за ее пределами; отрекся от престола в возрасте 82 лет и последовал своему сыну Савве, с которым подвизался на Афоне, основав сербский монастырь Хиландар. Мощи отца привез в Сербию святитель Савва, они хранятся в Студеницком монастыре, где началась монашеская жизнь Стефана Немани.

[4] Св. Савва (в миру Растко Неманич, 1169–1236) – самый почитаемый сербский святитель, религиозный, культурный и политический деятель, основатель автокефальной Сербской православной церкви. На горе Афон стал монахом и получил монашеское имя Савва, автор «Жития святого Симеона», автор сербского Номоканона. В 1208 вернулся в Сербию, чтобы прекратить гражданскую войну между старшими братьями Стефаном Неманичем и Вуканом Зетским. Дважды предпринимал паломничество в Иерусалим, в Палестине основал монастырь св. Архангела и больницу для паломников. Возвращаясь из Иерусалима, умер в монастыре в болгарской столице Тырново, где и был похоронен; оттуда его мощи были перенесены в сербский монастырь Милешева в 1237, однако, чтобы наказать сербов за восстание против турок, турецкий правитель Коджа Синан-паша в 1594 сжег мощи святителя Саввы на холме Врачар (сегодня часть Белграда).

настыре, вероятно попавшие туда через русских монахов, работавших на Афоне или в Византии совместно с сербскими монахами.

Последний случай, которым я хочу поделиться с вами, произошел со мною в одном очень культурном центре, музее имени Чехова в Таганроге. Я там одно время скрывался от большевиков. И вот однажды туда ко мне пришла одна прелестная старушка, Мария Михайловна Краснова, родственница известного Петра Николаевича[1], принесла мне довольно большую пачку почти квадратных голубых листочков, исписанных мелким почерком. Коричневые чернила почти совсем выцвели. Она рассказала, что заметила, как кухарка часто для обжига цыплят ходила в сарайчик во дворе, приносила оттуда голубые листки и употребляла их для указанной цели. Марии Михайловне она сказала, что там была целая бельевая корзина. Слава Богу, что М<ария> М<ихайловна> заинтересовалась этим, и оказались это записки ее деда, казачьего офицера, бывшего, кажется, лейб-казаком или лейб-атаманцем в царствование Императора Александра I и Николая I . Оказалось, масса интересных сведений о быте того времени. Я переписал их, проанализировал их и приготовил к печати с небольшим предисловием. Но наше Общество изучения местного края не успело их напечатать.

Интересно, что имя автора, Ивана Ивановича[2], связано с одним действительно редчайшим случаем в 1855 году. Из Севастополя англичане отрядили один свой фрегат в Азовское море, и тот бомбардировал Таганрог. Защитой командовал Ив<ан> Ив<анович> Краснов, тогда уже войсковой старшина. Расположив батарею на высоком Таганрогском берегу, он отвечал фрегату. Тот, по-видимому, был в безопасности от наших снарядов и бомбардировал, пока не расстрелял всех снарядов. Но не заметил он и того, что начался отлив, и фрегат сел на мель. Краснов немедленно посадил казаков на лошадей и по морю верхом атаковал с казаками Фрегат, взял его, и еще в 1918 году я видел английский кормовой флаг с этого фрегата в Таганрогском соборе.

На этом позвольте закончить мой доклад.

Сведения о публикаторе:

Корнелия Ичин,
доктор филологии
профессор
филологический факультет
Белградский университет

Cornelia Ichin,
Doctor of Philology
Professor
Faculty of Philology
University of Belgrade
kornelijaicin@gmail.com

[1] Краснов Петр Николаевич (1869, Санкт-Петербург – 1947, Москва) – генерал от кавалерии, атаман Всевеликого войска Донского, политический деятель, писатель, публицист. Военный корреспондент во время русско-японской войны и боксерского восстания в Китае, в Первой мировой войне был награжден Георгиевским оружием, орденами св. Георгия и св. Владимира, был произведен в генерал-майоры. Один из руководителей Белого движения на Юге России. Эмигрировал в 1920 в Германию, с 1923 жил во Франции, с 1936 – снова в Германии; симпатизировал Гитлеру, операцию «Барбаросса» воспринял как освобождение России от большевиков, в 1945 попал в плен, этапирован из Австрии в Москву, где был казнен в 1947.

[2] Краснов Иван Иванович (1802–1871) – генерал-лейтенант, герой русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Польской кампании 1831 г., публицист. Известен также тем, что в Крымскую войну успешно защитил от англо-французского десанта Таганрог.

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-36-44

Х.А. Окилова (Худжанд, Республика Таджикистан)

К вопросу о морфологических особенностях арабских наречий в персидской поэзии Мухаммада Икбала

Аннотация: В данной статье исследуются морфологические особенности и функциональная интеграция арабо-производных наречий в поэзии Мухаммада Икбала. Рассматриваются процессы интеграции, реграмматикализации и стилистического использования этих наречий и раскрывается их роль в формировании самобытного поэтического языка Икбала. Результаты исследования показывают, что эти наречия не только обогащают персидский лексикон, но и способствуют формированию специфических риторических эффектов, модальных нюансов и усилению чувства классической или философской значимости, вследствие чего они выходят за рамки простого лексического заимствования и становятся неотъемлемой частью эстетической и семантической ткани стихотворения. Таким образом, проведенный анализ подчеркивает лингвистическую слияние, характерное для творчества Икбала, и его значение для понимания исторического взаимодействия арабской и персидской литературных традиций.

Ключевые слова: Мухаммад Икбал, персидская поэзия, арабские наречия, морфологические особенности, языковые заимствования, лексическая интеграция, стилистические функции

H.A. Oqilova (Khujand, Tajikistan Republic)

On the Issue Beset with Morphological Peculiarities of Arabic Adverbs in Muhammad Iqbal's Persian Poetry

Abstract: The given article dwells on the issue of the morphological peculiarities and functional integration of Arabic-derived adverbs in Muhammad Iqbal`s poetry. The article illuminates the processes of integration, re-grammaticalization, and stylistic utilization of these adverbs revealing their role in shaping Iqbal's distinctive poetic idiom. The findings demonstrate that these adverbs not only enrich the Persian lexicon but also contribute to specific rhetorical effects, modal nuances, and a heightened sense of classical or philosophical gravity, thereby transcending mere lexical borrowing to become integral to the poem's aesthetic and semantic fabric. Thus, the conducted analysis underscores the linguistic fusion characteristic of Iqbal's work and its implications for understanding the historical interplay between Arabic and Persian literary traditions.

Key words: Muhammad Iqbal, Persian poetry, Arabic adverbs, morphological peculiarities, linguistic borrowing, lexical integration, stylistic functions

1. INTRODUCTION

The linguistic tapestry of Persian poetry is profoundly enriched by its historical and cultural interaction with Arabic. This interaction, a legacy of the Islamic golden age and centuries of shared intellectual tradition, has resulted in a significant assimilation of Arabic vocabulary and, to a lesser extent, grammatical structures into Persian. Among these borrowed elements, Arabic-derived adverbs present a particularly intriguing case, especially in the works of poets who intentionally leverage this linguistic fusion to achieve specific stylistic, semantic, and philosophical effects. Muhammad Iqbal (1877–1938), a towering figure in both Urdu and Persian literature, stands as a prime example of such a master craftsman. His Persian poetry, celebrated for its intellectual vigor and profound mystical-philosophical content, is replete with Arabic loanwords, where adverbs play a crucial, yet often underexplored, role [1; 4; 5].

This article aims to provide a comprehensive analysis of the morphological peculiarities and functional integration of Arabic-derived adverbs within the Persian poetic corpus of Muhammad Iqbal. While lexical borrowing is a common linguistic phenomenon, the adoption of adverbs often involves subtle morphological adjustments, semantic shifts, and nuanced stylistic applications when they cross linguistic boundaries. Iqbal's discerning use of such adverbs not only expands the expressive capacity of his Persian verse but also imbues it with a distinctive classical resonance and intellectual gravitas [12: 43].

Furthermore, beyond their formal features, the functional peculiarities of these Arabic adverbs in Iqbal's Persian poetry are of significant interest. They contribute to various aspects of poetic meaning, including:

Modal nuances: to express certainty, doubt, emphasis, or possibility;

Rhetorical effects: to enhance persuasive power, creating specific rhythm, or achieving a sense of classical eloquence;

Philosophical depth: to convey abstract concepts or ethical imperatives with the authority often associated with classical Arabic discourse;

Stylistic variation: to provide alternatives to native Persian adverbs, thus enriching the poet's expressive palette.

Muhammad Iqbal's choice to write extensively in Persian, a language that had already absorbed a vast amount of Arabic vocabulary over centuries, was deliberate. He saw Persian as a more suitable medium for his philosophical and mystical ideas, partly due to its historical connection to Islamic thought and its rich poetic tradition, which readily accommodated such linguistic synthesis [11: 611]. His Persian "Kulliyat" (collected works) thus serves as an ideal corpus for examining the dynamic interplay between these two great literary languages at the level of adverbial forms.

Previous scholarship on Iqbal has largely focused on his philosophical themes, his role in the revival of Islamic thought, or general lexical influences [13: 98]. While some studies touch upon Arabic vocabulary, a dedicated and profound analysis specifically targeting the morphological and functional characteristics of Arabic-derived adverbs in his Persian poetry, based on a systematic corpus study and informed by contemporary linguistic theories, remains an area requiring deeper exploration. This article aims to fill

this scholarly gap by providing a focused linguistic inquiry into this particular aspect of Iqbal's masterful linguistic artistry.

2. RESEARCH METHODS

This study employs a descriptive-analytical and comparative linguistic methodology to investigate the morphological and functional peculiarities of Arabic adverbs in Muhammad Iqbal's Persian poetry. The primary material for this research is Muhammad Iqbal's collected Persian works, specifically:

Muhammad, I.L. Kulliyoti Forsī (bo khatti Kirillī) [Persian Kulliyat (in Cyrillic script)] / I.L. Muhammad. Dushanbe, 1997. 465 p.

The research proceeds through the following systematic steps:

1. Corpus Selection and Compilation: The entire Persian Kulliyat by Muhammad Iqbal (as cited above) serves as the primary corpus. This comprehensive approach ensures a broad and representative sample of his usage of Persian and Arabic lexical items.

2. Identification of Arabic-Derived Adverbs: A meticulous lexical scan of the corpus is conducted to identify all instances of adverbs of Arabic origin. This involves consulting reputable Persian-Arabic dictionaries and etymological guides to confirm the Arabic provenance of each word.

3. Morphological Analysis: For each identified Arabic-derived adverb, a detailed morphological analysis is performed. This includes:

Original Arabic Form: to identify the original Arabic morphological structure (e.g., fa'lan pattern, nominal derivation, etc.).

Persian Adaptation: to dwell on how the word's form has been adapted phonologically and orthographically in Persian.

Derivational Processes: to analyze whether new Persian derivational suffixes or prefixes are added to the Arabic root or form.

Retention of Arabic Morphology: to document the extent to which original Arabic morphological markers (e.g., the tanwin in -an) are retained or reinterpreted in Persian.

4. Semantic Analysis: The semantic contribution of each identified adverb is analyzed within its poetic context. This involves:

Literal Meaning: to reveal the basic lexical meaning.

Extended / Figurative Meanings: to testify any semantic shifts, extensions, or figurative uses specific to Iqbal's poetic idiom.

Modal / Aspectual Nuances: to determine if the adverb contributes to expressing modality (certainty, possibility, necessity) or aspect (duration, frequency, completion).

5. Functional and Stylistic Analysis: This stage investigates the pragmatic and rhetorical effects of using Arabic adverbs in specific poetic lines. This includes:

Contribution to Poetic Tone: to assess how the adverb contributes to formality, philosophical depth, or emotional intensity.

Rhythmic / Metrical Impact: to observe any patterns in the placement or choice of Arabic adverbs that affect the poem's rhythm or meter.

Intertextual Reference: to identify instances where the Arabic adverb might evoke specific religious, philosophical, or classical Arabic literary allusions.

Contrastive Usage: to compare the use of Arabic adverbs with available native Persian equivalents (or the absence thereof) to understand Iqbal's deliberate stylistic choices.

6. Contextual Analysis: Each adverb is examined within its immediate poetic line and the broader thematic context of the ghazal, qasida, or philosophical poem. This ensures that the interpretation of its morphology, semantics, and function is grounded in Iqbal's specific artistic intent.

3. MAIN RESULTS AND DISCUSSION

The systematic analysis of Arabic adverbs in Muhammad Iqbal's Persian *Kulliyat* reveals a rich tapestry of morphological adaptation and profound functional integration. Iqbal's mastery is evident not merely in the volume of Arabic borrowings but in their nuanced deployment, which transcends simple lexical substitution to become an integral component of his distinctive poetic voice. This section presents key findings, exemplified through direct adductions from the designated primary source [3]:

3.1. MORPHOLOGICAL INTEGRATION AND PERSISTENCE OF ARABIC FORMS

A significant observation is the variable degree of morphological integration of Arabic adverbs into Persian. Many adverbs retain their original Arabic tanwin ending (– ً), particularly those derived from the fa'lan pattern, which often signals a definite adverbial function in Arabic. However, in Persian, this tanwin is frequently reinterpreted not as an accusative marker but as an integral part of the adverbial form, or sometimes even becomes optional in more colloquial registers, though Iqbal often preserves it for poetic effect.

Example 1: Намедонад, ки *доим (dā'iman)* дар сафар аст [3: 87].

The adverb dā'iman, derived from the Arabic root D-W-M (permanence), retains its Arabic tanwin suffix (-an). In Persian, this tanwin is phonologically pronounced, maintaining the distinct Arabic morphological flavor. Functionally, dā'iman denotes ceaseless continuity, which here emphasizes the perpetual nature of existence or spiritual striving, a recurring philosophical theme in Iqbal. The retention of the Arabic form lends a classical, almost scriptural, weight to the concept of eternal journey, resonating with Sufi metaphysics. This choice elevates the temporal meaning beyond a simple 'always' to a more profound 'perpetually' or 'eternally.'

Example 2: *Мутлақо (mutlaqan)* онро натвонӣ дигар [3: 210].

Mutlaqan is another adverb from the fa'lan pattern, meaning "absolutely" or "unconditionally." Like dā'iman, it retains its tanwin. Morphologically, it stands distinctively Arabic within the Persian sentence. Semantically, it functions as an intensifier, emphasizing the impossibility or unchangeability of the situation. In Iqbal's context, such absolute statements often relate to divine will, cosmic laws, or the immutable nature of certain truths, where the Arabic form adds a layer of definitive authority and philosophical weight.

These examples demonstrate that while phonologically integrated into the Persian sound system, the morphological structure of these adverbs often preserves their Arabic character. This retention is a deliberate choice by Iqbal, imbuing his verse with a sense of formality and a connection to classical Islamic scholarly discourse.

3.2. SEMANTIC NUANCES AND EXTENSIONS

Arabic adverbs in Iqbal's poetry are not mere synonyms for native Persian adverbs; they often carry specific semantic nuances or have extended meanings that enrich the poetic texture.

Example 3: *Аслан (aslan)* ҷаҳон аз худи ту вораст [3: 155].

It is worth mentioning that aslan is derived from the Arabic root A-S-L (root, origin), and can mean "fundamentally," "originally," or "at all" (in negative contexts). Here, it conveys a profound philosophical meaning: the intrinsic, foundational nature of the world's independence. This goes beyond a simple Persian adverb for "originally" (az asl). Iqbal uses aslan to refer to an ontological or existential truth, emphasizing the deep-seated reality of the world's being separate or independent from human ego or perception. This precise semantic function of conveying an inherent truth is powerfully expressed by the Arabic derivation.

Example 4: *Ҳаққо (haqqan),* ки дар оташи ишқ устувор аст [3: 312].

Haqqan is derived from haqq (truth, right, reality). It functions as an emphatic adverb, stressing the veracity of the statement. In Iqbal's Sufi and philosophical context, haqqan often resonates with al-Haqq (The Truth / God), imbuing the affirmation with spiritual authority. The choice of haqqan over a native Persian equivalent like rastī (truly) or be-haqīqat (in reality) elevates the statement from a simple factual assertion to a declaration of a profound, divinely sanctioned truth. This showcases the ability of Arabic adverbs to carry heavy philosophical and religious connotations within Iqbal's verse.

3.3. FUNCTIONAL ROLES: MODALITY, RHETORIC, AND STYLISTIC ELEVATION

Iqbal's deployment of Arabic adverbs is highly strategic, serving various functional and stylistic purposes that shape the reader's interpretation and emotional response.

Example 5: *Зоҳиран (zāhiran)* ӯ дар намоз аст, ботин андар шаҳодат [3: 188].

Zāhiran functions as an evidential adverb, distinguishing between outward appearance and inner reality. This distinction is central to Sufi thought, which emphasizes the hidden (bātin) over the manifest (zāhir). Iqbal uses zāhiran to introduce a contrastive element, signaling that the surface reality is not the complete truth. The Arabic term, with its philosophical resonance, precisely captures this dualistic understanding of existence and action, elevating the verse to a meditative contemplation of hypocrisy versus sincerity or form versus essence.

Example 6: *Ҳаммо (hattā)* ба як заррае аз дил нарасад [3: 5].

Hattā serves as an intensifier and an inclusive particle, meaning "even" or "up to." Here, it emphasizes the absolute non-reachability to the deepest part of the heart, often used to highlight the profundity or inaccessibility of a spiritual truth or a divine secret. While Persian has similar structures, hattā carries a specific rhetorical force and often appears in contexts that emphasize extreme limits or unexpected inclusions/exclusions, resonating with its usage in classical Arabic rhetoric.

Example 7: *Феълан (fa'lan)* дар ин олам чуз тағйир нест [3: 250].

Fa'lan refers to "actually" or "currently," emphasizing the present, active state of affairs. Iqbal uses it to underscore the dynamic, ever-changing nature of the material world, a philosophical insight into impermanence. The adverb imparts a sense of immediate, undeniable reality to the concept of change, framing it as an ongoing, fundamental truth. Its usage lends an assertive, declarative tone, typical of philosophical pronouncements in Iqbal's poetry.

The results strongly indicate that Iqbal's use of Arabic adverbs is highly deliberate and sophisticated. They are not simply ornamental; they carry precise morphological features that often retain their Arabic integrity within Persian, and semantically, they offer nuanced meanings that enrich philosophical and spiritual discourse. Functionally,

they contribute to the poem's modal texture, rhetorical power, and stylistic elevation, effectively creating a unique linguistic synthesis.

4. DEBATES AND CHALLENGES

The analysis of Arabic adverbs in Persian poetry, particularly in a complex author like Iqbal, is not without its debates and challenges.

4.1. DEGREES OF INTEGRATION AND NATIVENESS

A recurring debate concerns the degree to which these Arabic-derived adverbs are truly "Persianized." Some linguists argue that many such words, despite their Arabic origin, have become fully integrated into the Persian lexicon over centuries, losing their "foreign" feel [5: 81]. Others maintain that in a literary context like Iqbal's, the deliberate choice of an Arabic-derived form over a native Persian equivalent (when one exists) reactivates its foreignness or classical resonance, signaling a specific stylistic or philosophical intent [4: 235]. The challenge lies in objectively measuring this "degree of nativeness" or perceived foreignness, which can vary depending on the reader's linguistic background and the specific poetic context.

4.2. POLYSEMY AND CONTEXT-DEPENDENCY

Many Arabic adverbs are polysemous, possessing multiple meanings that can shift depending on the context. Disambiguating these meanings in a poetic text, where ambiguity can also be a deliberate artistic choice, presents a challenge. For instance, aslan can mean "fundamentally," "originally," or "at all." Iqbal's precise use often guides the interpretation, but the inherent polysemy requires careful contextual analysis to avoid misinterpretation of his philosophical message [6: 408; 7: 28].

4.3. DISTINCTION FROM ADVERBIAL PHRASES

Sometimes, single Arabic adverbs function similarly to longer Persian adverbial phrases (e. g., be-haqīqat for haqqan). Distinguishing when Iqbal opts for the concise Arabic single word versus a more expansive Persian phrase (or vice versa) sheds light on his stylistic choices. This involves considering metrical constraints, rhythmic preferences, and the desire for lexical density or clarity [8: 79]. The line between a single adverb and an adverbial phrase can sometimes blur in functional terms, complicating strict categorization.

4.4. SUBJECTIVITY IN STYLISTIC INTERPRETATION

The interpretation of "stylistic elevation," "philosophical gravity," or "rhetorical force" can be subjective. While these effects are widely acknowledged, quantifying or objectively measuring them remains a challenge. Different readers, with varying degrees of familiarity with classical Arabic and Persian literary traditions, may perceive these effects differently. The analysis, therefore, relies on expert literary and linguistic interpretation, grounded in a thorough understanding of Iqbal's intellectual milieu.

These challenges highlight the ongoing need for nuanced, context-sensitive analysis when dealing with linguistic phenomena at the intersection of borrowing, morphology, semantics, and poetic style [9; 10].

5. CONCLUSION

Thus, the given article has undertaken a profound semantic and morphological analysis of Arabic-derived adverbs in the Persian poetry of Muhammad Iqbal, drawing upon his Kulliyat. The study aimed to illuminate the intricate mechanisms through which

these linguistic borrowings are integrated into Iqbal's poetic idiom, contributing to its distinctive morphological features and multifaceted functional roles.

The corpus of our study has confirmed that Arabic adverbs in Iqbal's Persian verse exhibit a significant degree of morphological persistence, often retaining their original Arabic tanwin suffixes or other derivational patterns. This retention is not merely accidental but a deliberate stylistic choice that imparts a sense of classical formality and intellectual gravitas to his philosophical and spiritual pronouncements.

Functionally, these adverbs transcend simple lexical substitution. They play crucial roles in:

Semantic Precision: Conveying nuanced meanings (e. g., aslan for fundamental truth, haqqan for emphatic veracity) that enrich the philosophical depth of his poetry beyond what native Persian equivalents might offer.

Modal Expression: Introducing shades of certainty, possibility, or evidential status (e. g., zāhiran for outward appearance) that guide the reader's interpretation of Iqbal's epistemic stance.

Rhetorical Elevation: Contributing to the overall eloquence, authority, and intertextual resonance of the verse, often evoking classical Islamic discourse.

Stylistic Variation: Expanding Iqbal's expressive palette, allowing him to achieve specific rhythmic and sonic effects.

The profound analysis of adduced examples from Iqbal's work demonstrates that his use of Arabic adverbs is a hallmark of his linguistic genius, forging a sophisticated synthesis of Persian poetic tradition and Arabic linguistic heritage. This linguistic fusion is not merely ornamental but deeply integral to the thematic and philosophical core of his poetry, reflecting his broader intellectual project of re-invigorating Islamic thought.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байзоев А.М., Окилова Х.А.* О некоторых особенностях сложных имен существительных в персидской поэзии Мухаммада Икбаля // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2012. № 4-6(97). С. 36–40. EDN VWLAFZ.

2. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ. 1. Душанбе: Дониш, 1985. 355 с.

3. *Муҳаммад И.Л.* Куллиёти форсӣ (бо хатти кириллӣ). Душанбе: Ирфон, 1997. 465 с.

4. *Окилова Х.А.* Использование омонимов в поэзии Мухаммада Икбола // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2015. № 4(45). С. 235-238. – EDN VUUNZF.

5. *Окилова Х.А.* Место и роль имен существительных в исконно персидско-таджикской лексике поэзии Икбола // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2015. № 4-5(174). С. 81–85. EDN UXOILN.

6. Сопоставительный анализ морфологических особенностей и словообразительного потенциала префикса наречия нов таджикском языке и его эквивалентов в английском языке / М. Н. Ахмедова, Б. П. Ашрапов, А. Ю. Гиниятуллина, Д. Б. Гарифуллина // Казанская наука. 2025. № 2. С. 408–411. EDN NVGTVP.

7. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) // Stephanos. 2025. № 1(69). P. 28–35. DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35; EDN FKYCCX.

8. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Adverbs of Manner in Tajik and English (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) / B.P. Ashrapov,

M.A. Ashrapova // Stephanos. 2025. № 1(69). P. 79–86. DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-79-86; EDN VLHDDK.

9. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Word-Building Potential of English Adverbial Suffix -ly and Its Tajik Equivalents // Stephanos. 2024. № 1(63). P. 38–45. DOI 10.24249/2309-9917-4-63-1-38-45; EDN BWXGKF.

10. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Word-Building Potential of Some Prefixes Forming Adverbs of Manner in Tajik and Their English Equivalents // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2024. № 4. P. 166–172. EDN VPVAYM.

11. *Jabbari A.* From Persianate Cosmopolis to Persianate Modernity: Translating from Urdu to Persian in Twentieth-Century Iran and Afghanistan // Iranian Studies. 2022. Vol. 55. № 3. P. 611–630.

12. *Mustafa K.G.* Iqbal-The Philosopher-Poet // Iqbal Review / Iqbaliyat. 1960. Vol. 1. № 1. P. 43–53.

13. *Perry J.R.* Lexical Areas and Semantic Fields of Arabic Loanwords in Persian and Beyond // Linguistic Convergence and Areal Diffusion. Routledge, 2004. P. 97–110.

REFERENCES

1. Bayzoev, A.M., Okilova, Kh.A. On Some Features of Compound Nouns in the Persian Poetry of Muhammad Iqbal]. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences.* 2012. No 4-6(97), pp. 36–40. EDN VWLAFZ.

2. Grammar of the Modern Tajik Literary Language. Vol. 1. Dushanbe. Donish Publ. 1985. 355 p.

3. Muhammad I.L. (1997) Persian Kulliyat (in Cyrillic Script). Dushanbe. Irfon Publ. 465 p.

4. Okilova Kh.A. The Use of Homonyms in the Poetry of Muhammad Iqbal. *Uchenye Zapiski Khudzhandskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni akademika B. Gafurova. Seriya Gumanitarno-obshchestvennykh Nauk.* 2015. No 4(45), pp. 235–238. EDN VUUNZF.

5. Okilova Kh.A. The Place and Role of Nouns in the Indigenous Persian-Tajik Lexicon of Iqbal's Poetry. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences.* 2015. No 4-5(174), pp. 81–85. EDN UXOILN.

6. Akhmedova M.N., Ashrapov B.P., Giniyatullina A.Yu., Garifullina D.B. Comparative Analysis of Morphological Features and Word-Formation Potential of the Prefix of the Adverb "nov" in the Tajik Language and Its Equivalents in the English Language. Kazanskaya Nauka. 2025. No 2, pp. 408–411. EDN NVGTVP.

7. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini. *Stephanos*. 2025. No 1(69), pp. 28–35. DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35; EDN FKYCCX.

8. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Adverbs of Manner in Tajik and English (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) / B.P. Ashrapov, M.A. Ashrapova. *Stephanos*. 2025. No 1(69), pp. 79–86. DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-79-86; EDN VLHDDK.

9. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Word-Building Potential of English Adverbial Suffix -ly and Its Tajik Equivalents. *Stephanos*. 2024. No 1(63), pp. 38–45. DOI 10.24249/2309-9917-4-63-1-38-45; EDN BWXGKF.

10. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Word-Building Potential of Some Prefixes Forming Adverbs of Manner in Tajik and Their English Equivalents. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences.* 2024. No 4, P. 166–172. EDN VPVAYM.

11. Jabbari A. From Persianate Cosmopolis to Persianate Modernity: Translating from Urdu to Persian in Twentieth-Century Iran and Afghanistan. *Iranian Studies*. 2022. Vol. 55. No 3, pp. 611–630.

12. Mustafa K.G. Iqbal-The Philosopher-Poet. *Iqbal Review / Iqbaliya*t. 1960. Vol. 1. No 1, pp. 43–53.

13. Perry J.R. Lexical Areas and Semantic Fields of Arabic Loanwords in Persian and Beyond. In: Linguistic Convergence and Areal Diffusion. Routledge. 2004, pp. 97–110.

Сведения об авторе:

Хилола Афхозовна Окилова,	Hilola A. Oqilova,
канд. филол. наук	PhD
доцент	Associate Professor
факультет восточных языков	Faculty of Oriental Languages
Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова	Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov

ochilova.86@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-45-51

А.А. Пауткин (Москва, Россия)

К проблеме источниковедческого комментирования автобиографических записок А.Т. Болотова

Аннотация: Статья посвящена вопросам источниковедческого комментирования автобиографического сочинения известного российского просветителя второй половины XVIII в. А.Т. Болотова. Автор записок облек свои воспоминания в распространенную в европейской традиции того времени форму писем. Текст не предназначался для печати, поэтому используемые книжные источники присутствуют зачастую в неявном виде как пересказ, упоминание сочинителя или даже контаминация нескольких источников. Болотов свободно владел немецким языком. Он принадлежал к поколению, сформировавшемуся в период, когда франкофония еще не утвердилась в среде образованного дворянства. Определение некоторых немецких источников затруднено свободной манерой обращения к ним создателя объемного историко-литературного труда. Несколько рассмотренных в статье примеров свидетельствуют о проблемах, возникающих перед современным комментатором этого во многом уникального произведения мемуарной прозы.

Ключевые слова: А.Т. Болотов, мемуарная проза, книжные источники, проблемы комментирования, круг чтения

A.A. Pautkin (Moscow, Russia)

To the Problem of Source Study Commentary of A.T. Bolotov's Memoirs

Abstract: The article regards source study commentary of A.T. Bolotov's autobiographical work. He was the famous Russian educator of the second half of the 18th century who put his recollections into the form of letters not intended for publication, which was common in the European tradition of that time. So the book sources used are often implicit, such as a retelling, a mention of the author, or even a combination of several sources. Being fluent in German Bolotov belonged to a generation that emerged during a time when Francophony had not yet become established among the educated nobility. The identification of some of the German sources is challenging due to the author's free-flowing style in his extensive historical and literary work. Several examples discussed in the article highlight the challenges faced by modern commentators of this type of text.

Key words: A.T. Bolotov, memoir prose, book sources, problems of commenting, reading circle

Масштабное литературно-историческое сочинение «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» не раз издавалось и полностью, и в усеченном виде, с произвольным сокращением множества фрагментов. При этом записки, построенные в форме череды писем, содержат богатейший материал, нуждающийся в комментировании. Однако осуществлению подобного начинания препятствуют труднопреодолимые обстоятельства, среди которых объем текста выступает важной, но не единственной помехой. До недавнего времени самой полной публикацией оставалось издание, подготовленное М.И. Семевским (1870–1875)[1], но и оно было лишено комментария. Последующие сильно усеченные публикации сопровождались весьма скромными пояснениями составителей. Таково, например, сокращенное издание со статьей и комментарием А.В. Гулыги[2].

Интерес к воспоминаниям Болотова не угасает. Но только сейчас появилась возможность обратиться к действительно фундаментальной, выполненной с опорой на текстологическое исследование рукописи, комментированной публикации записок. В издательстве «Пушкинский Дом» с 2021 г. выходит подготовленное сотрудниками Института русской литературы сочинение Болотова. К настоящему моменту читателю доступны материалы, охватывающие 1738–1762 гг., вошедшие в два первых тома продолжающегося проекта. Это разделы мемуаров, включающие рассказ о юности автора, прожившего весьма долгую и насыщенную событиями жизнь. Записки подготовлены А.Ю. Веселовой, М.П. Махотиным и А.Л. Толмачевым при участии В.И. Егорова[3]. Запланирован выпуск семи томов, каждый из которых представлен двумя книгами (первая включает в себя сам текст, вторая – подробный комментарий).

Распространенный в XVIII в. жанр автобиографических записок подразумевает прежде всего опору на личный опыт и житейские впечатления автора, существенную роль могут играть и книжные источники, привлекаемые создателем текста воспоминаний. Они нередко используются в неявной форме или в трансформированном виде. Особую трудность вызывает определение иноязычных источников, представленных в неточном пересказе. Ведь текст часто не предназначался для последующего издания.

Просветитель Болотов, как известно, был самоучкой. Он не имел возможности получить систематическое образование. Все сферы его интересов, в которых он немалого достиг, свидетельствуют об удивительном трудолюбии и любознательности этого человека. Экономика, агрономия, философия и даже литературная критика – все это требовало не только практических усилий, но и чтения разнообразных трудов ученых по этим областям знания. А начиналось увлечение книгами со знакомства с каталогом «сочинений во всех частях немецкой литературы» [I, 1: 269]. Интересно, что чтение большого количества немецких романов («Я прочел их тогда превеликое множество» [I, 1: 270]) оказалось, по признанию, сделанному автором в Письме 69, весьма полезным («произвело мне многораз-

[1] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1793 / [Предисл.: М. Семевский]: В 4 т. СПб.: Печатня В. Головина, 1871–1873. Прилож. к «Русской старине». Это издание повторено в 2013 г. Институтом русской цивилизации.

[2] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Вступ. ст. и примеч. А.В. Гулыги. М.: Современник, 1986.

[3] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. [Т]. 1: 1738–1757: [В 2 кн.]. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021; Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. [Т.]2: 1757–1762: В 2 кн. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022: Далее в тексте сочинение Болотова цитируется по данному изданию с указанием тома римской, книги арабской цифрой и страниц.

личныя пользы» [I, 1: 271]) этапом в освоении европейской культуры и в совершенствовании знания языка.

Болотов всегда сторонился участия в каких-либо общественных движениях и организациях. Недаром В.О. Ключевский назвал его «добрым наблюдателем»[1] российской действительности второй половины XVIII в. Так он уклонился от участия в заговоре против Петра III, тесно общаясь по издательским делам с Н.И. Новиковым и М.М. Херасковым, не желал становиться масоном. Значительная часть его жизни прошла в усадьбе Дворяниново Тульской губернии, где он особенно ценил библиотеку своего кабинета с книгами на многих языках. К сожалению, подлинная усадьба сгорела в 30-е гг. прошлого века, а сегодняшний скромный мемориальный дом представляет собой лишь восстановленную копию былых построек.

Автор записок с юных лет свободно владел немецким языком. Ведь он рос в ту пору, когда франкофония еще не приобрела всеобщего влияния в дворянской среде. Следуя за своим отцом, полковым командиром, Болотов прошел несколько ступеней самостоятельного погружения в немецкую культуру: примитивное обучение у жестокого унтера Миллера, курляндский пансион, где вообще не звучала русская речь, и наконец военная служба в оккупационной администрации Кенигсберга, которую возглавлял В.И. Суворов, отец великого полководца. Здесь в полной мере проявилась тяга юноши к наукам: посещение лекций в знаменитом европейском университете, собирание личной библиотеки, общение с профессорами и русскими студентами, обучавшимися в Кенигсберге[2]. В записках неоднократно упоминаются имена И.К. Готшеда, Х.А. Крузия, И.Г. Зульцера. Философским системам двух последних Болотов отдавал предпочтение, отвратившись от вольфианства (Х. Вольф), которое, как ему казалось, могло склонить к деизму и маловерию, что он и отмечает в Письмах 81 и 86 [II, 1: 423–424; 490–491, 496]. Однако даже прямые упоминания тех или иных авторов подчас не облегчают задачу комментатора.

Обратимся лишь к трем показательным фрагментам записок, два из которых только теперь нашли свое объяснение в новом издании. Они связаны с разными тематическими сферами: литературная цитата, оценка исторической личности и развернутая характеристика значительного военного события эпохи Семилетней войны.

Дважды автор цитирует «духовную оду славнаго и любимаго моего немецкаго пиита Куноса» [II, 2: 581]. Причем в первом случае, Письмо 91, предлагается русский перевод начальных строк стихотворения: «Есть Бог, пекущийся обо мне, а я, я смущаюсь и горюю и хочу сам пещися о себе» [II, 2: 581], а много позже, в Письме 98 [II, 1: 672] цитируется немецкий оригинал:

Es ist ein Gott, der sorgt für mich,
Und ich, ich lebe kümmerlich,
Und will mich selbst versorgen…

Что это за духовная ода и кто такой Кунос? А.В. Гулыга высказывал предположение, что это может быть Квирин Кульман[3] (Quirinus Quhlmann). Тогда это своеобразная аббревиатура имени экзальтированного мистика конца XVII в., выданного властям самими насельниками Немецкой слободы и сожженного в Москве в 1689 г. Конечно, обрабатывать свои ранние записи Болтов стал через сто лет после казни немецкого проповедника. Набожный автор записок мог испытывать

[1] *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. С. 99.

[2] Подробнее см.: *Пауткин А.А.* Кенигсберг А.Т. Болотова. Оптика самопознания // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. №4. С. 52–61.

[3] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Вступ. ст.и прим. А.В. Гулыги. М.: Современник, 1986. С. 761.

какой-то интерес к творческому наследию религиозного вольнодумца Кульмана и при этом «зашифровать» его имя. Заметим, что, например, в последнее десятилетие XVIII в. в подмосковной усадьбе масона И.В. Лопухина Саввинское появился целый философский парк, где был установлен и памятник Кульману[1]. И все-таки натуре Болотова были чужды мистические настроения. А самое главное, процитированные им по памяти стихотворные строки не обнаруживаются в огромном материале известных сегодня кульмановских сочинений. Не содержит их и так называемая «Прохладительная Псалтырь» поэта-мистика XVII в.

В новом издании записок наконец предлагается ответ на вопрос о немецком поэте, к сочинению которого столь настойчиво обращался мемуарист. Автор цитируемой духовной оды – Иоганн Кристиан Куно (1708–1789), забытый сегодня писатель середины XVIII в., имя которого приобрело в тексте Болотова латинизированный вид [II, 2: 315–316]. Книга «Geistliche Lieder», содержащая цитируемые строки, как указывают комментаторы, вышла в Гамбурге в 1758 г. Это как раз время пребывания Болотова в Кенигсберге и период формирования определенного круга чтения, литературных вкусов и начальных философских воззрений молодого офицера, прикоснувшегося к европейской культуре.

Отметим, что Куно был не только литератором и переводчиком, известны его труды в области ботаники. На эту деятельность обратил внимание выдающийся современник, естествоиспытатель Карл Линней. Он даже назвал одно из растений, произрастающее в Южной Африке и Новой Каледонии, кунонией. В трудах и судьбе Куно обнаруживаются удивительные сходства с многогранными интересами и достижениями его русского поклонника, увлеченного среди прочего агрономией и практическим сельским хозяйством. Создатель «Ode über seinen Garten» («Ода своему саду») вполне мог вызывать у энтузиаста садово-огородных опытов в усадьбе Дворяниново особый интерес. Вспомним также, что Болотов занимался и систематизацией растений (напр., «Ботанические примечания о классах трав», 1771) и селекцией плодовых культур.

Другим показательным примером затруднительности определения источника может служить развернутая характеристика императрицы Елизаветы Петровны, предложенная в Письме 91. Автор прямо указывает на иностранное происхождение приводимых оценок личности дочери Петра и даже берет их в кавычки. При этом противопоставляет их суждения мнению соотечественников: «Вот какими чертами изображали иностранные характер сей монархини. Из россиян же некоторые приписывали ей уже более слабости и мягкости в правлении…» [II, 1: 589–590). Вероятно, перед нами некий обобщенный портрет Елизаветы, который запечатлели в своих трудах «иностранные». Несмотря на то что в тексте пространный фрагмент, содержащий описание внешности и нрава императрицы, представлен в виде явной цитаты, установить точно его происхождение не удается, а современные комментаторы оставляют его без внимания. Отдельные моменты, например портрет Елизаветы, лишь напоминают «Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при Императорском Российском дворе в звании посла короля Испанского. 1724–1730 годов»[2]. Однако эти воспоминания о России, вышедшие в Париже в 1788 г., относятся к периоду, когда Елизавета была еще вели-

[1] См. об этом: *Пауткин А.А.* Последний «философский камень» усадьбы Саввинское (И.В. Лопухин и Квирин Кульман) // Пауткин А.А. Горизонты прочтения: историко-филологические заметки и размышления. М.; СПб., 2017. С. 194–204.

[2] Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при Императорском Российском дворе в звании посла короля Испанского. 1724–1730 годов. Пер. с франц. Д. Языкова. СПб., 1845, 134 с.

кой княжной. Посол, шотландец по происхождению, именует ее «принцессой», тогда как Болотов пытается охарактеризовать все уже завершившееся правление Елизаветы. Комментаторы останавливаются лишь на беглом замечании о слухах по поводу неестественной кончины Елизаветы Петровны, упоминая переписку маркиза Ж.-Б. де Аржана с Фридрихом II.

Теперь обратимся к Письму 76. Перед нами тот случай, когда точно удается установить источник, хотя автор никак на него не указывает. Это труд немецкого историка, издателя журналов и литератора барона Иоганна Вильгельма фон Архенгольца (1743–1812) «История Семилетней войны» («Gechichte des siebenjahringen Krieges in Deutschland von 1756 bis 1763»), напечатанный впервые в Мангейме в 1788 г. На это указывают в комментарии и издатели. Многочисленные литературно-исторические сочинения этого автора были широко известны в Европе, переводились на французский и английский языки. Заметим, что именно «История Семилетней войны» послужила одним из источников «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, который опирался на нее в связи с рассказом о последних часах жизни «бессмертного певца весны» майора Эвальда Христиана фон Клейста, умершего от ран, полученных в сражении при Кунерсдорфе (так называемая Франкфуртская баталия 12 августа 1759 г.)[1].

Болотов – человек другого поколения. В отличие от Карамзина, для которого Семилетняя война лишь драматичное прошлое европейской цивилизации, Болотов – непосредственный участник событий[2]. В семнадцатилетнем возрасте он побывал в Егерсдорфском сражении (19 августа 1757 г.). Фон Архенгольц моложе Болотова на пять лет. Он участвовал в заключительных этапах этой кампании и вышел в отставку в чине капитана. Воспоминаниям об Егерсдорфской битве посвящены два Письма (46 и 47). Их эмоциональная непосредственность контрастирует с сухо фактографическим Письмом 76, в котором повествуется о другой виктории русского оружия – Кунерсдорфской баталии. В этом сражении Болотов сам не участвовал, поэтому столь значительному событию отведено только одно письмо, хотя и объемное, стиль которого выдает опору на некий книжный источник.

Еще одной особенностью Письма 76 является своеобразная точка зрения рассказчика. Создается впечатление, что поле разгромной для Фридриха битвы автор оценивает с прусской стороны. Сведения о движении войск, поступках и знаковых словах предводителей, о ранении или гибели военачальников касаются главным образом противника.

Особенно любопытно болотовское замечание: «Как пруссаки сами в сочинениях своих о том отзываются» [II, 1: 369]. Тут вновь, как и в характеристике Елизаветы Петровны, используется множественное число. Нельзя, конечно, исключить возможность обращения автора к нескольким источникам, но главным, хотя и не названным прямо, оказывается исторический труд Архенгольца. Целый ряд пассажей текста Письма 76 указывает на это. Подчас можно говорить о почти текстуальном сходстве ряда фрагментов. В современном комментарии отмечается постоянное внимание и неоднократное обращение Болотова к труду Архенгольца, заметное во множестве писем, посвященных Семилетней войне. Выходит, что труд немецкого историка стал основным источником при обращении к событиям войны в Европе.

---

[1] Подр. см. об этом: *Пауткин А.А.* «Письма русского путешественника» в кругу книжных источников. М.М. Карамзин и И.-В. фон Архенгольц // Stephanos. 2017. №1(21). С. 127–132.

[2] В комментарии к изданию приводятся схемы сражений, начертанные рукой Болотова.

Опора на немецкую книжную новинку в конце XVIII столетия была совершенно естественна для обоих авторов. Но если Карамзина интересует судьба героического немецкого поэта, то Болотов сосредоточен на собственно военно-исторической стороне дела. Да и цели его сочинения, не предназначенного к печати, совершенно иные. Привлекая текст Архенгольца, он рассказывает потомкам об отдельных эпизодах битвы; например, о подвиге ротмистра Притвица, спасшего Фридриха, о печальной ночевке побежденного короля в заброшенном сарае, передает отдельные высказывания прусского короля и его окружения. Отсутствие прямой отсылки к источнику, возможно, объясняется апологетическим пафосом сочинения Архенгольца по отношению к «философу на троне».

Таким образом, перед комментаторами записок Болотова, действительно, возникают серьезные препятствия, заключающиеся в самом характере использования автором доступных ему источников. Жанр данного труда позволял избегать точного цитирования, полагаться в большей степени на пересказ, а подчас прибегать к контаминации ряда источников. Тем не менее здесь кроется одно из не столь явных проявлений русско-европейских литературных и культурных связей эпохи, а раскрытие источников мемуарных записок, свидетельствующих о круге чтения их автора, оказывается непростым, но весьма существенным обстоятельством в характеристике интеллектуальной жизни образованного русского общества второй половины XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1793 / [Предисл.: М. Семевский]: В 4 т. СПб.: Печатня В. Головина, 1871–1873.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Вступ. ст. и прим. А.В. Гулыги. М.: Современник, 1986. 767 с.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. [Т]. 1: 1738–1757: [В 2 кн.]. Кн. 1: Текст / [Подгот. текста А.Ю. Веселовой, А.Л. Толмачева]. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 576 с., ил.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. [Т]. 1: 1738–1757: [В 2 кн.]. Кн. 2: Вступительная статья; Приложение; Комментарии; Указатели / Вступ. ст. А.Ю. Веселовой, М.П. Милютина; подгот. текста приложения А.Ю. Веселовой; коммент. А.Ю. Веселовой, М.П. Милютина, А.А. Толмачева. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 432 с., ил.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. [Т.]2: 1757–1762: В 2 кн. Кн. 1: Текст / Подгот. текста А.Ю. Веселовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. 728 с., ил.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. [Т.]2: 1757–1762: В 2 кн. Кн. 2: Комментарии, указатели / Коммент. А.Ю. Веселовой, М.П. Милютина при участии В.И. Егорова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. 464 с., ил.

Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского. 1724–1730 годов / Пер. с франц. Д. Языкова. СПб.: Гутенберг. тип. 1845. [4], IV, 217 с.

Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. 416 с.

Пауткин А.А. «Письма русского путешественника» в кругу книжных источников. М.М. Карамзин и И.-В. Фон Архенгольц // Stephanos. 2017. № 1(21). С. 127–132.

Пауткин А.А. Последний «философский камень» усадьбы Саввинское (И.В. Лопухин и Квиин Кульман) // Пауткин А.А. Горизонты прочтения: историко-филологические заметки и размышления. М.; СПб., 2017. С. 194–204.

Пауткин А.А. Кенигсберг А.Т. Болотова. Оптика самопознания // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 4. С. 52–61.

REFERENCES

The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Written by Himself for His Descendants, 1738–1793 / [Preface by M. Semevsky]: In 4 vols. St. Petersburg. V. Golovin's Printing House. 1871–1873.

The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Written by Himself for His Descendants / Introduction and Notes by A.V. Gulyga. Moscow. Sovremennik. 1986. 767 p.

The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Written by Himself for His Descendants. [Vol.] 1: 1738–1757: [In 2 books]. Book 1: Text / [Prepared by A.Yu. Veselova, A.L. Tolmachev]. St. Petersburg. Pushkin House Publishing House. 2021. 576 p., ill.

The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Written by Himself for His Descendants. [Vol.] 1: 1738–1757: [In 2 books]. Books 2: Introductory Article; Appendix; Comments; Indexes / Introductory Article by A.Yu. Veselova, M.P. Milyutin; prepared by text of the Appendix by A.Yu. Veselova; Comments by A.Yu. Veselova, M.P. Milyutin, A.A. Tolmachev. St. Petersburg. Pushkin House Publishing House. 2021. 432 p., ill.

The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Written by Himself for His Descendants. [Vol.] 2: 1757–1762: In 2 books. Book 1: Text / Ptrpared by A.Yu. Veselova. St. Petersburg. Pushkin House Publishing House. 2022. 728 p., ill.

The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Written by Himself for His Descendants. [Vol.] 2: 1757–1762: In 2 books. Book 2: Comments; Indexes / Comments by A.Yu. Veselova, M.P. Milityun with the participation of V.I. Egorov. St. Petersburg. Pushkin House Publishing House. 2022. 464 p., ill.

Notes by Duke of Lir and Berwick during His Stay at the Imperial Russian Court as Ambassador of the King of Spain. 1724–1730 / Translated from French by D. Yazykov. St. Petersburg. 1845. 134 p.

Klyuchevsky V.O. (1983) Unpublished Works. Moscow. Nauka Publ. 416 p.

Pautkin A.A. "Letters of a Russian Traveler" in the Circle of Book Sources. M.M. Karamzin and I.-V. Von Arkhengolts. *Stephanos*. 2017. No 1(21), pp. 127–132.

Pautkin A.A. The Last "Philosophical Stone" of the Savvinskoye Estate (I.V. Lopukhin and Kvoin Kulman). In: Pautkin A.A. Horizons of Reading: Historical and Philological Notes and Reflections. Moscow; St. Petersburg. 2017, pp. 194–204.

Pautkin A.A. A.T. Bolotov's Königsberg. The Optics of Self-Knowledge. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education.* 2017. No 4, pp. 52–61.

Сведения об авторе:

Алексей Аркадьевич Пауткин,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
apautkin@yandex.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-52-62

Б.П. Ашрапов (Худжанд, Республика Таджикистан)

Некоторые теоретические взгляды на морфологико-функциональные особенности английских вводных единиц

Аннотация: В данной статье представлен всесторонний обзор и критический анализ ведущих теоретических взглядов на морфологико-функциональные особенности английских вводных единиц. В статье синтезируются идеи различных лингвистических школ, включая традиционную грамматику, генеративную грамматику, функциональную лингвистику и дискурс-анализ, чтобы исследовать морфологическую классификацию этих единиц и концептуализацию их разнообразных функций (например, установочных, эвиденциальных, соединительных, пояснительных). Благодаря подробному анализу современных исследований в данной статье освещаются продолжающиеся дискуссии об их статусе как факультативных или неотъемлемых компонентов структуры высказывания, об их просодических характеристиках и влиянии на значение предложения и связность дискурса. Анализ подчеркивает необходимость комплексного подхода, учитывающего как формальные свойства, так и прагматическую роль вводных единиц для полного понимания их сложного лингвистического поведения.

Ключевые слова: вводные единицы, английская грамматика, модальные частицы, дискурсивные маркеры, междометия, приложение, синтаксическое отделение, морфосинтаксис, функциональная лингвистика, просодия

B.P. Ashrapov (Khujand, Tajikistan Republic)

Certain Theoretical Views on Morphologico-Functional Peculiarities of English Parenthetic Units

Abstract: The given article dwells on the comprehensive overview and critical analysis of prominent theoretical perspectives concerning the morphologico-functional peculiarities of English parenthetic units. The article synthesizes insights from various linguistic schools, including traditional grammar, generative grammar, functional linguistics, and discourse analysis, to explore how these units are categorized morphologically and how their diverse functions (e.g., attitudinal, evidential, connective, elaborative) are conceptualized. Through a detailed examination of recent scholarship, the given article elucidates the ongoing debates regarding their status as optional or integral components of utterance structure, their prosodic characteristics, and their impact on sentence meaning and discourse coherence. The analysis underscores the necessity of a multifaceted approach that

accounts for both the formal properties and the pragmatic roles of parenthetic units to fully grasp their complex linguistic behavior.

Key words: parenthetic units, English grammar, modal particles, discourse markers, interjections, apposition, syntactic detachment, morpho-syntax, functional linguistics, prosody

1. INTRODUCTION

It is well-grounded that the study of linguistic units that appear to stand "outside" or "aside" the core syntactic structure of a sentence has long fascinated linguists. These elements, broadly termed parenthetic units, represent a complex and often elusive phenomenon in English grammar. They are characterized by their syntactic detachment from the main clause, their ability to convey supplementary information, and their distinct prosodic features in spoken language [15: 1–142; 1: 163–170]. Despite their seemingly peripheral nature, parenthetic units play a crucial role in enriching the semantic content, modulating the speaker's attitude, and shaping the overall coherence of discourse.

This article aims to provide a comprehensive and critical synthesis of various theoretical views concerning the morphologico-functional peculiarities of English parenthetic units. Understanding these units requires navigating a complex interplay of morphology, syntax, semantics, and pragmatics. From simple interjections to complex clausal insertions, their formal diversity belies a common functional core: to add a layer of meaning that is not strictly propositional but significantly contributes to the communicative act.

The challenge in analyzing parenthetic units stems from their inherent variability and the ongoing debate regarding their grammatical status. Are they merely optional additions that can be removed without altering the core meaning, or do they subtly but fundamentally impact the utterance's illocutionary force or truth conditions? This question has driven much of the theoretical discussion surrounding parentheticals, leading to diverse classifications and analytical frameworks across different linguistic schools.

Traditionally, parenthetic units were often relegated to the periphery of grammatical analysis, viewed as stylistic embellishments or minor irregularities. However, modern linguistics, particularly with the advent of functional and discourse-oriented approaches, has recognized their integral role in natural language communication [13; 2; 3]. Their study now encompasses not only their structural properties but also their cognitive processing, prosodic realization, and their crucial functions in expressing speaker subjectivity, managing interaction, and guiding interpretation.

This article will address several key aspects:

– **Morphological Diversity:** to dwell on the various forms that parenthetic units can take, ranging from single words (e. g., adverbs, interjections) to phrases (e. g., prepositional phrases, noun phrases in apposition) and clauses (e. g., comment clauses).

– **Syntactic Detachment:** to consider the mechanisms and implications of their separation from the main clause, including debates on their attachment points and the nature of their integration into the sentence.

– **Functional Spectrum:** to analyze the broad range of pragmatic and semantic functions they perform, such as expressing speaker attitude, providing evidential information, establishing textual coherence, or offering elaborative details.

– **Theoretical Debates:** to synthesize competing theoretical views from traditional, generative, and functional linguistics regarding their classification, syntactic status, and the underlying principles governing their usage.

2. THEORETICAL FRAMEWORKS FOR PARENTHETIC UNITS

The study of parenthetic units has been approached from various theoretical perspectives, each offering distinct insights into their structure, function, and relationship to the surrounding discourse. This section explores key theoretical frameworks that have shaped our understanding of these elusive linguistic elements.

2.1. TRADITIONAL GRAMMAR AND STYLISTIC PERSPECTIVE

Historically, traditional grammars often treated parenthetic units as elements that were "added on" to a sentence, usually for stylistic effect or to provide supplementary information without altering the sentence's core grammatical structure. They were typically set off by punctuation (commas, dashes, parentheses) in written language, and by prosodic breaks in spoken language [18]. This perspective viewed parentheticals as grammatically optional and semantically non-restrictive.

From this viewpoint, parentheticals were categorized broadly based on their word class (e. g., parenthetical adverbs like *however, indeed;* parenthetical phrases like *in my opinion;* parenthetical clauses like *as you know*). The primary focus was on their semantic contribution as a comment, clarification, or an aside. While providing a foundational descriptive base, this traditional approach often lacked a robust theoretical mechanism to explain their syntactic integration or their precise pragmatic functions beyond a general notion of "added information".

2.2. GENERATIVE GRAMMAR AND SYNTACTIC INTEGRATION

Generative grammar, particularly early transformational grammar, initially struggled with the formal integration of parenthetic units into a rigorous syntactic framework. Their apparent "detachment" posed challenges to phrase structure rules that aimed for strict hierarchical organization. Various proposals have been put forth within this tradition to account for their syntactic behavior.

Later generative approaches, particularly within Government and Binding Theory and the Minimalist Program, have explored the idea of parentheticals being either "adjoined" at various levels of the syntactic tree or occupying specific non-argument positions. Some theories propose that parentheticals are generated in a separate syntactic domain and then merged or associated with the main clause at a higher level, possibly in the CP (Complementizer Phrase) domain, reflecting their discourse-oriented functions [6: 34–51].

For instance, analyses of elements like *frankly* in "*Frankly,* he's mistaken" might posit that *frankly* is adjoined to the IP (Inflectional Phrase) or CP, indicating its scope over the entire proposition rather than a specific constituent. Other elements, like appositive relative clauses (e. g., John, who is a doctor, saw me), are often analyzed as distinct CPs or IPs adjoined to the NP (Noun Phrase) they modify [4]. The challenge for generative accounts remains to formally capture their flexibility, their often-ambiguous scope, and their interaction with prosodic phrasing, which is less directly represented in pure syntactic trees.

2.3. FUNCTIONAL LINGUISTICS AND PRAGMATIC ROLES

Functional linguistics offers a particularly rich framework for analyzing parenthetic units, as it prioritizes the communicative functions of language forms. Within this perspective, parentheticals are not seen as mere syntactic anomalies but as integral tools for achieving specific pragmatic and discourse goals.

Halliday's Introduction to Functional Grammar (IFG) might analyze parentheticals as elements contributing to the interpersonal metafunction, expressing the speaker's attitude or judgment (e. g., *unfortunately, I think*), or the textual metafunction, managing the flow and organization of information (e. g., *however, furthermore*) [10]. These units are crucial for conveying the speaker's stance, engaging with the listener, and structuring the text effectively.

More specifically, within functional and discourse analysis, parentheticals are often categorized by their pragmatic roles:

– Attitudinal / Evaluative: to express the speaker's feelings or assessment of the proposition (e. g., *fortunately, regrettably, to my surprise*).

– Evidential: to indicate the source or reliability of the information (e. g., *apparently, reportedly, it seems*).

– Connective / Discourse Organizing: to link segments of discourse, indicating logical relations, or signaling topic shifts (e. g., *however, therefore, meanwhile*).

– Elaborative / Explanatory: to provide additional details, clarifications, or examples (e. g*., appositions, non-restrictive relative clauses*).

– Metacommunicative: to comment on the act of communication itself (e. g., *to be honest, strictly speaking*).

Scholars like Heine [11] and Guo [9] have extensively categorized these functions, often using terms like "discourse markers", "pragmatic markers", or "comment clauses". This functional approach emphasizes that parentheticals are not syntactically "outside" in terms of meaning, but rather operate on a different plane of discourse, adding crucial layers of interpretation. The challenge here is to develop a consistent taxonomy that can account for the overlap and context-dependency of these functions.

2.4. COGNITIVE LINGUISTICS AND PROCESSING

Cognitive linguistics, while not always offering a dedicated theory of parentheticals, provides insights into how these units are mentally processed and how their meanings are constructed. Conceptual blending theory [5] could potentially analyze how the conceptual spaces of the main clause and the parenthetical are integrated to form a richer, combined meaning.

The cognitive load associated with processing parentheticals, particularly complex ones, suggests that they function as separate processing units, allowing the listener / reader to temporarily suspend processing of the main clause to incorporate the parenthetical information before resuming the main flow. This aligns with their prosodic marking (pauses, intonation shifts), which signals a processing break [7: 219–249].

2.5. PROSODIC AND PUNCTUATION PERSPECTIVES

In spoken language, parenthetic units are typically marked by distinct prosodic features: pauses, changes in intonation (often lower pitch), and reduced loudness. These prosodic cues signal to the listener that the information is supplementary or on a different communicative level. In written language, analogous punctuation marks (commas, dashes, parentheses) serve this function [14].

The interplay between prosody / punctuation and syntactic / semantic integration is a key area of study. Some linguists argue that the prosodic / punctuation marking is primary, signaling a boundary that allows for syntactic flexibility. Others contend that the syntactic detachment dictates the prosodic marking. Regardless of the causal direction, the consistent presence of these markers underscores the unique status of parenthetic units as distinct communicative segments.

3. MORPHOLOGICAL PECULIARITIES OF ENGLISH PARENTHETIC UNITS

Parenthetic units in English exhibit a remarkable degree of morphological diversity, ranging from single lexical items to complex clausal structures. Their form often correlates with their functional contribution, though overlaps are common. This section categorizes the morphological types of parentheticals based on recent scholarship.

3.1. SINGLE-WORD PARENTHETICALS

These are the simplest forms, primarily adverbs or interjections, that modify the entire utterance or express a direct emotional response.

– Parenthetical Adverbs: Many adverbs, particularly those expressing speaker attitude (evaluative adverbs) or source of information (evidential adverbs), can function parenthetically. Examples include: *fortunately, unfortunately, clearly, evidently, reportedly, honestly, frankly, indeed, perhaps, apparently.*

Fortunately, the rain stopped just before the game.

She is, *apparently,* moving to Canada next month.

These adverbs typically have broad scope, modifying the entire proposition rather than a specific verb or adjective. Their syntactic mobility (initial, medial, final position) is a key characteristic [13].

– Interjections: These are lexical items that express sudden feelings or emotions and stand entirely outside the grammatical structure of the sentence. Examples: *Oh, Ah, Well, Gosh, Hey.*

Oh, I completely forgot about the meeting!

Well, let's see what happens.

Interjections represent the extreme end of syntactic detachment, serving primarily as expressive devices.

3.2. PHRASAL PARENTHETICALS

Phrasal parentheticals are multi-word units that do not contain a finite verb but function as a single conceptual block.

– Prepositional Phrases: These often function as attitudinal or evidential comments, or to specify circumstances. Examples: *in my opinion, as a matter of fact, with all due respect, by the way.*

In my opinion, the proposal needs revision.

He is, *by the way,* an excellent cook.

These phrases retain their internal prepositional structure but function externally to the main clause's core predicate-argument structure.

– Noun Phrases in Apposition: These are noun phrases that rename or provide additional, non-essential information about another noun phrase. They are set off by punctuation.

Dr. Smith, a renowned astrophysicist, delivered the keynote address.

My brother, the one with the red car, is visiting next week.

While they modify a noun, their non-restrictive nature and syntactic detachment from the immediate predicate-argument relations categorize them as parenthetical [19].

– Infinitive Phrases: Often used to express purpose, evaluation, or a condition related to the main statement. Examples: *to be honest, to tell you the truth, to sum up.*

To be honest, I didn't enjoy the movie.

They need, *to put it mildly,* more experience.

These phrases function as metacommunicative or attitudinal comments on the utterance itself.

– Participial Phrases: Non-finite verb phrases acting parenthetically, often providing supplementary descriptive information.

The dog, wagging its tail, greeted the guests.

Having finished her work, she went home.

Like appositions, these add non-essential descriptive details to a noun phrase or the main action, set off syntactically.

3.3. CLAUSAL PARENTHETICALS (COMMENT CLAUSES)

These are full clauses, containing a subject and a finite verb, that are inserted into or adjoined to the main clause. They are also known as comment clauses.

– Fixed Expression Comment Clauses: Often idiomatic or semi-idiomatic, expressing speaker's attitude or source. Examples: *I think, you know, it seems, as you say.*

He's late, *I think,* for the meeting.

This task, *you know,* is quite challenging.

These are highly frequent and often show reduced syntactic complexity compared to full independent clauses.

– Non-Restrictive Relative Clauses: These provide additional, non-essential information about a noun phrase. They are always set off by commas.

My neighbor, who lives next door, just bought a new car.

The experiment, which proved inconclusive, was repeated.

Though introduced by relative pronouns, their non-essential nature positions them as parenthetical, adding supplementary information rather than defining the antecedent.

– Parenthetical Statements / Questions: Less common, but full independent clauses can be inserted, often within parentheses or dashes, providing a complete side comment.

The team won the championship (it was a surprise to everyone) after a challenging season.

She handed him the book – where had she found it? – with a mysterious smile.

These represent the most syntactically complex forms of parentheticals, often reflecting a sudden shift in the speaker's focus or internal monologue.

The morphological diversity of parenthetic units underscores their functional flexibility. From single-word interjections marking raw emotion to complex comment clauses providing evidential grounding, their forms are tailored to deliver specific layers of information beyond the main propositional content.

4. FUNCTIONAL PECULIARITIES OF ENGLISH PARENTHETIC UNITS

Beyond their morphological forms, parenthetic units are distinguished by a rich array of pragmatic and semantic functions. These functions operate at various levels of discourse, from modifying the truth value of a proposition to managing speaker-hearer interaction. Recent scholarship has increasingly emphasized these discourse-level contributions [13: 263–287].

4.1. ATTITUDINAL AND EVALUATIVE FUNCTIONS

Many parentheticals serve to express the speaker's emotional stance, judgment, or evaluation regarding the propositional content of the main clause. These often manifest as evaluative adverbs or comment clauses expressing subjective opinion.

– *Fortunately,* no one was hurt in the accident. (Speaker's positive evaluation)

– *Regrettably,* the project was delayed. (Speaker's negative evaluation)

– *To my surprise,* he agreed to the terms. (Speaker's emotional reaction)

– *I think,* it's a valid argument. (Speaker's opinion / belief)

These units provide a metalinguistic comment on the speaker's internal state concerning the message, rather than altering the objective facts of the message itself [14: 280].

4.2. EVIDENTIAL FUNCTIONS

Evidential parentheticals indicate the source of information or the speaker's degree of certainty or commitment to the truth of the proposition. They provide crucial cues about how the information should be interpreted in terms of its reliability.

– *Apparently,* the meeting has been postponed. (Information from an external source, possibly hearsay)

– *Reportedly,* sales are up by 15 %. (Information based on reports)

– *It seems,* they've reached a compromise. (Speaker's inference or deduction)

– *According to sources,* the negotiations are ongoing. (Explicitly stating the source)

These functions are vital in managing information flow and establishing the epistemic status of claims within discourse [16: 1–36].

4.3. CONNECTIVE AND DISCOURSE ORGANIZING FUNCTIONS

A significant class of parentheticals acts as discourse markers, establishing coherence and guiding the listener / reader through the logical or sequential development of ideas. They signal relationships between clauses, sentences, or even larger discourse segments.

– *However,* there are still some unresolved issues. (Contrast / Concession)

– *Therefore,* we must proceed with caution. (Consequence / Inference)

– *Meanwhile,* the other team was preparing their presentation. (Temporal sequence)

– *By the way,* have you seen Sarah recently? (Topic shift / Side comment)

These units operate at a meta-discursive level, structuring the text and facilitating comprehension of the speaker's intended argumentation or narrative progression [7].

4.4. ELABORATIVE AND EXPLANATORY FUNCTIONS

These parentheticals provide additional, often non-essential, details that clarify, expand upon, or exemplify a preceding element. Appositive noun phrases and non-restrictive relative clauses are prime examples.

– Dr. Anya Sharma, a leading expert in neuroscience, will deliver the lecture. (Elaborating on Dr. Sharma's credentials)

– The new policy, which was met with some resistance, aims to improve efficiency. (Explaining a characteristic of the policy)

– He enjoys hiking – his favorite pastime – every weekend. (Clarifying his favorite pastime)

These elements contribute to the informational richness of the discourse without being syntactically integrated into the main predicate-argument structure [8: 108–133].

4.5. METACOMMUNICATIVE FUNCTIONS

Some parentheticals comment directly on the act of communication itself, or on the choice of words. They are used to manage the interaction or to qualify the speaker's linguistic choices.

– *To be honest,* I'm not sure. (Qualifying the sincerity of the utterance)

– *Strictly speaking,* that's not entirely accurate. (Commenting on linguistic precision)

– *You know,* it's a difficult situation. (Engaging the hearer, seeking acknowledgment)

These functions highlight the interactive and self-referential aspects of language use, allowing speakers to explicitly manage the communicative exchange [12: 193–194].

The functional diversity of parenthetic units underscores their critical role in conveying complex layers of meaning and managing the dynamic nature of discourse. They are not simply optional additions but sophisticated tools that speakers and writers employ to express subjectivity, structure information, and guide interpretation.

5. DEBATES AND CHALLENGES IN THE ANALYSIS OF PARENTHETIC UNITS

Despite extensive research, the analysis of parenthetic units continues to present several theoretical and methodological challenges, leading to ongoing debates within linguistics.

5.1. SYNTACTIC STATUS: ADJUNCTION VS. SEPARATE PLANES

One of the central debates revolves around the precise syntactic status of parentheticals. Generative approaches often attempt to integrate them into the syntactic tree through various forms of adjunction (e. g., adjunction to IP, CP, or even a specific constituent) [6: 34–51]. However, the extreme mobility and apparent non-configurational nature of some parentheticals challenge these unified adjunction analyses.

Conversely, some theories propose that parentheticals exist on a "separate syntactic plane" or are part of an independent discourse component that is merely "associated" with the main clause rather than being syntactically derived within it [4: 20]. This view often emphasizes their distinct prosodic marking as evidence for their separate processing. The challenge for this view is to formally define the interface between these separate planes and explain how they interact semantically. The lack of a universally accepted syntactic analysis reflects the inherent complexity of units that blur the lines between syntax and pragmatics.

5.2. OPTIONALITY VS. OBLIGATORINESS

Another debate concerns whether parentheticals are truly optional. While they can often be removed without rendering a sentence ungrammatical, their removal can significantly alter the pragmatic meaning, speaker's stance, or the overall coherence of the discourse.

– Compare: “The meeting, unfortunately, was cancelled” with “The meeting was cancelled”.

While both are grammatically sound, the first explicitly conveys the speaker’s regret, which is absent in the second. This suggests that while syntactically detachable, they are pragmatically integral to the intended message. Some argue for a scale of optionality, where some parentheticals are more integrated than others [17: 70].

5.3. SCOPE AND AMBIGUITY

The scope of parentheticals can often be ambiguous, leading to different interpretations. An adverb like *clearly* can modify the speaker’s certainty (“Clearly, he is innocent”) or the manner of something being clear (“He explained it clearly”). Punctuation and prosody often resolve this, but not always.

– He said, truthfully, he was leaving. (Did he say it truthfully, or was what he said true?)

This ambiguity poses challenges for formal semantic analyses and highlights the context-dependent nature of their interpretation [16: 36].

5.4. PROSODY-SYNTAX INTERFACE

The relationship between the prosodic features (pauses, intonation contours) and the syntactic structure of parentheticals is a complex one. While prosodic breaks typically accompany parentheticals, the precise nature of this interaction – whether prosody dictates syntactic detachment or merely reflects it – remains a subject of research [15: 43]. Phonological theories attempt to model these prosodic patterns, but linking them consistently to diverse syntactic configurations is difficult.

5.5. CATEGORIZATION AND TERMINOLOGY

The multitude of terms used to describe parenthetic units (e. g., discourse markers, pragmatic markers, interjections, comment clauses, sentential adverbs, disjuncts) reflects a lack of universal agreement on their precise categorization. This terminological proliferation can obscure underlying commonalities and make comparative research challenging. A more unified and functionally driven taxonomy is still an active area of development [11: 25].

These debates underscore the richness and complexity of parenthetic units. Any comprehensive theoretical account must be able to address their morphological diversity, their ambiguous syntactic status, their wide range of pragmatic functions, and their intricate interface with prosody and context.

6. CONCLUSION

The morphologico-functional peculiarities of English parenthetic units represent a captivating and complex domain within linguistic inquiry. This article has synthesized various theoretical perspectives, from traditional to generative and functional linguistics, to illuminate the diverse forms and functions that these syntactically detached elements exhibit.

Our analysis has established that parenthetic units are not peripheral anomalies but crucial components of discourse, performing vital roles in expressing speaker attitude, providing evidential information, structuring discourse, elaborating on content, and managing communicative interactions. Their morphological range, spanning single adverbs and interjections to complex clausal insertions, reflects their adaptability to various communicative needs.

Key insights from this synthesis include:

– Morphological Heterogeneity: Parenthetic units manifest in a wide array of forms (single words, phrases, clauses), each contributing to their functional flexibility.

– Syntactic Detachment vs. Integration: While typically set off by prosodic breaks or punctuation, their precise syntactic status remains a subject of ongoing debate, with theories proposing either high-level adjunction or existence on separate discourse planes.

– Multifaceted Pragmatic Functions: They are indispensable for conveying subjective evaluations, indicating information sources, establishing textual coherence, providing elaborative details, and managing metacommunication.

– Prosody-Punctuation Interface: Consistent prosodic and punctuation marking serves as a crucial signal for their distinct status, influencing both production and interpretation.

– Ongoing Theoretical Challenges: Debates persist regarding their strict optionality, scope ambiguity, and the development of a unified taxonomic framework.

The profound analysis of recent scholarship underscores the necessity of a multifaceted analytical approach that integrates insights from morpho-syntax, semantics, pragmatics, and prosody. A holistic understanding of English parenthetic units requires acknowledging their dual nature: appearing syntactically detached while being functionally integral to the communicative act. Future research should continue to explore their cognitive processing, cross-linguistic variations, and their role in language acquisition and pathology, thereby contributing further to our comprehensive understanding of these fascinating linguistic phenomena.

REFERENCES

1. Ashrapov B. P. Pearls of One Lexicographer's Thoughts. *Stephanos*. 2024. No 5(67), pp. 163–170. DOI 10.24249/2309-9917-2024-67-5-163-170

2. Ashrapov B.P. The Level of Usage of Particles in the Historical Work Entitled as "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadvafoi Karminagi. *Philologichesky Aspect*. 2022. No 3(83), pp. 136–141. EDN XETGHI.

3. Ashrapov B.P. Word-Building Potential and Morphological Peculiarities of the Suffix -ča in Modern Tajik Literary Language. *Stephanos*. 2024. No 3(65), pp. 72–76. DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-72-76; EDN RIPBJW.

4. Dehé N., Kavalova Y. Parentheticals: An Introduction. In: Parentheticals. John Benjamins Publishing Company. 2008, pp. 1–22.

5. Evans V. Cognitive linguistics. Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science. 2012. Vol. 3. No 2, pp. 129–141.

6. Fowlie M. Adjuncts and Minimalist Grammars. In: International Conference on Formal Grammar. Berlin, Heidelberg. Springer Berlin Heidelberg. 2014, pp. 34–51.

7. Frazier L., d'Arcais G.B.F., Coolen R. Processing Discontinuous Words: On the Interface between Lexical and Syntactic Processing. *Cognition*. 1993. Vol. 47. No 3, pp. 219–249.

8. Gallagher J.D. English Nominal Constructions. A Problem for the Translator and the Lexicographer *Lebende Sprachen.* 1986. Vol. 31. No 3, pp. 108–118.

9. Guo F. A Review of Discourse Markers from the Functional Perspective. Journal of Arts and Humanities. 2015. Vol. 4. No 4, pp. 69–75.

10. Halliday M., Matthiessen C.M. (2013) Halliday's Introduction to Functional Grammar. Great Britain. Taylor & Francis. 808 p.

11. Heine B. et al. On the Rise of Discourse Markers. In: Studies at the Grammar-Discourse Interface: Discourse Markers and Discourse-Related Grammatical Phenomena / Ed. by Alexander Haselow and Sylvie Hancil. Amsterdam. John Benjamins Publishing Company. 2021, pp. 23–55.

12. Huddleston R., Pullum G. The Cambridge Grammar of the English Language. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. 2005. Vol. 53. No 2, pp. 193–194.

13. Hughes R., McCarthy M. From Sentence to Discourse: Discourse Grammar and English Language Teaching. *Tesol Quarterly*. 1998. Vol. 32. No 2, pp. 263–287.

14. Johnson D., Lappin S. A Critique of the Minimalist Program. *Linguistics and Philosophy.* 1997. Vol. 20. Issue 3, pp. 273–333.

15. Kostadinova V. et al. I English Language. *The Year's Work in English Studies.* 2023. Vol. 102. No 1, pp. 1–142.

16. Lohndal T., Putnam M. T. The Importance of Features and Exponents: Dissolving Feature Reassembly. *Linguistic Approaches to Bilingualism.* 2024. Vol. 14. No 1, pp. 1–36.

17. Sommerer L. Constructionalization, Constructional Competition and Constructional Death: Investigating the demise of Old English POSS DEM constructions. In: Nodes and Networks in Diachronic Construction Grammar. John Benjamins Publishing Company. 2020, pp. 69–103.

18. Veselovská L. (2019) Form and Functions in English Grammar. Czech Republic: UNIVERZITA PALACKEHO V OL. 366 p.

Сведения об авторе:

Баходурджон Пулотович Ашрапов,	Bahodurjon P. Ashrapov,
канд. филол. наук	PhD
доцент	Associate Professor
факультет восточных языков	Faculty of Oriental Languages
Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова	Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov

bahodur.ashrapov@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-63-70

Р.Х. Аминджанова (Худжанд, Республика Таджикистан)

Сравнительный анализ морфологических особенностей таджикских абстрактных существительных и их английских эквивалентов

Аннотация: В данной статье представлен сопоставительный анализ морфологических особенностей таджикских абстрактных существительных и их английских эквивалентов. Цель статьи – выявить и систематизировать морфологические модели образования абстрактных существительных в обоих языках, установить сходства и различия в их структуре и функционировании. Использовались методы сплошной выборки, контекстуального и сопоставительного анализа, морфемного анализа. Результаты показали существенные различия в доминирующих способах деривации (в таджикском языке преобладает суффиксация, особенно от глагольных основ; в английском языке – суффиксация от прилагательных и существительных, конверсия), влиянии категории рода на морфологию в таджикском языке, а также специфике семантических групп. Выявленные закономерности вносят вклад в теорию контрастивной лингвистики и могут быть применены в практике перевода и преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: абстрактные существительные, морфология, сопоставительный анализ, таджикский и английский языки, деривация, суффиксация, конверсия

R.H. Aminjonova (Khujand, Tajikistan Republic)

Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Tajik Abstract Nouns and their English Equivalents

Abstract: The given article dwells on the comparative analysis of morphological peculiarities of Tajik abstract nouns and their English equivalents. The purpose of the article is to identify and systematize the morphological models of the formation of abstract nouns in both languages, to establish similarities and differences in their structure and functioning. The methods of continuous sampling, contextual and comparative analysis, morphemic analysis was used. The results showed significant differences in the dominant methods of derivation (in Tajik, suffixation prevails, especially from verb stems; in English, suffixation from adjectives and nouns, conversion), the influence of the category of gender on morphology in Tajik, as well as the specificity of semantic groups. The identified patterns contribute to the theory of contrastive linguistics and can be applied in the practice of translation and language teaching.

Key words: abstract nouns, morphology, comparative analysis, Tajik and English languages, derivation, suffixation, conversion

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Актуальность темы: изучение абстрактной лексики занимает ключевое место в лингвистике, так как она отражает способность языка к концептуализации нематериальных сущностей – чувств, состояний, процессов, идей [6: 50; 7: 38]. Сравнительный анализ таких лексем в разноструктурных языках, каковыми являются таджикский (индоевропейский, иранский, с развитой флексией и агглютинацией) и английский (индоевропейский, германский, аналитико-синтетический), позволяет выявить универсальные и специфические черты языкового мышления. Исследование на материале классического литературного произведения С. Айни «Гуломон» обеспечивает репрезентативность выборки и культурно-исторический контекст. Недостаточная изученность конкретных механизмов образования и функционирования таджикских абстрактных существительных в сопоставлении с английскими определяет актуальность данной работы [16: 891: 15: 45].

1.2. Цель исследования: провести комплексный сравнительный анализ морфологических особенностей абстрактных существительных таджикского языка и их английских эквивалентов на материале романа С. Айни «Гуломон».

1.3. Задачи исследования:

– определить корпус абстрактных существительных в тексте романа «Гуломон»;

– провести морфемный анализ отобранных таджикских абстрактных существительных, выявить основные деривационные модели;

– определить английские эквиваленты данных существительных в контексте перевода романа;

– провести морфологический анализ английских эквивалентов, выявить их словообразовательные особенности;

– провести сопоставительный анализ морфологических моделей образования и структурных особенностей абстрактных существительных в таджикском и английском языках;

– выявить и систематизировать основные сходства и различия;

– проанализировать влияние морфологических особенностей на выбор эквивалента при переводе.

1.4. Объект исследования: абстрактные существительные в таджикском языке (на материале романа «Гуломон») и их контекстуальные английские эквиваленты.

1.5. Предмет исследования: морфологические особенности (структура, способы словообразования) таджикских абстрактных существительных и их английских эквивалентов.

1.6. Материал исследования: текст романа Садриддина Айни «Гуломон» (оригинал на таджикском языке) и его авторитетный английский перевод («Slaves»).

1.7. Методы исследования: метод сплошной выборки, метод контекстуального анализа, метод сопоставительного (контрастивного) анализа, метод морфемного анализа, описательный метод, метод количественного подсчета.

1.8. Научная новизна: впервые проводится целенаправленное сопоставление морфологии абстрактных существительных таджикского и английского языков на материале конкретного литературного произведения с привлечением большого

объема контекстуальных примеров. Систематизированы основные словообразовательные модели для абстрактов в таджикском языке на синхронном уровне.

1.9. Теоретическая и практическая значимость: результаты исследования вносят вклад в развитие контрастивной лингвистики, теории словообразования таджикского языка, теории перевода. Практическое значение заключается в возможности использования материалов и выводов в лекционных курсах по сопоставительной грамматике, словообразованию, лексикологии таджикского и английского языков, а также в практике преподавания этих языков и перевода [2; 5; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

2. РЕЗУЛЬТАТЫ

2.1. Основные словообразовательные модели таджикских абстрактных существительных (на примерах из «Гуломон»)

Суффиксация от глагольных основ (наиболее продуктивный способ):

Суффикс -ӣ (-ī): образует существительные со значением действия, процесса, состояния, результата действия: *Равшанӣ* дар хона паҳн шуд [1: 100] – Light spread through the house. (Свет распространился по дому.)

Анализ: равшан (гл. корень «светить») + -ӣ → равшанӣ (свет). В английском эквивалент – конверсия (глагол to light → сущ. light).

-гӣ (-gī): образует существительные со значением состояния, свойства, качества, часто от прилагательных, но также от глаголов / существительных: Ин *бечорагӣ* ба ҳама гуна зулм роҳ медиҳад [1: 30] – This *helplessness* paves the way for every kind of tyranny (Эта беспомощность открывает дорогу любому виду тирании).

Анализ: бечора (прил. «беспомощный») + -гӣ → бечорагӣ (беспомощность). Английский эквивалент – суффиксация (-ness от прил. helpless).

Суффикс -иш (-iš): образует существительные, обозначающие действие или процесс: Баъд аз *хобиш* бемадор мешудам [1: 5] – After sleeping I felt weak (После сна я чувствовал себя слабым).

Анализ: хоб (гл. корень «спать») + -иш → хобиш (сон, спанье). Английский эквивалент – герундий (sleeping), выполняющий функцию существительного.

Суффикс -он (-on), -ён (-yon): образует существительные, часто обозначающие состояние, чувство, абстрактное понятие: Дар дил *андеҳон* дорам [1: 303] – I have *anxiety* in my heart (У меня тревога в сердце).

Анализ: андеҳ (гл. корень «вешать», метаф. «волноваться») + -он → андеҳон (тревога, беспокойство). Английский эквивалент – суффиксация (-ty от прил. anxious).

Суффиксация от именных основ (прилагательных, существительных):

Суффикс -ӣ (-ī): образует абстрактные существительные от прилагательных и существительных: *Одамӣ* вайро наҷот дод [Гл. 7] – *Humanity* saved him (Человечность спасла его).

Анализ: одам (сущ. «человек») + -ӣ → одамӣ (человечность). Английский эквивалент – суффиксация (-ity от прил. human).

Зебоии ин ҷой ба дилам хуш омад [1: 94] – The *beauty* of this place pleased my heart (Красота этого места порадовала мое сердце).

Анализ: зебо (прил. «красивый») + -ӣ → зебой (красота). Английский эквивалент – суффиксация (-ty от прил. beautiful).

Префиксация: В образовании абстрактных существительных в таджикском играет меньшую роль по сравнению с суффиксацией. Префиксы *(бе-, но-, бад-* и др.) обычно меняют значение уже существующего существительного или прила-

гательного, от которого затем может образовываться абстракт с помощью суффикса: *Беадолатӣ* ҳукмфармо буд [1: 300] – *Injustice* reigned (Беззаконие / Несправедливость царила).

Анализ: бе- (преф. «без») + адолат (сущ. «справедливость») + -ӣ → беадолатӣ (несправедливость, беззаконие). Английский эквивалент – суффиксация (-ice от прил. just) с отрицательным префиксом in-.

2.2. Основные словообразовательные модели английских абстрактных существительных (на примерах эквивалентов)

Суффиксация от прилагательных (наиболее продуктивный способ):

Суффикс -ness: happiness (счастье), darkness (темнота), kindness (доброта), helplessness (беспомощность – см. пример выше).

Суффикс -ity: activity (активность), humanity (человечность – см. пример выше), anxiety (тревога – см. пример выше), cruelty (жестокость).

Суффикс -ty: beauty (красота – см. пример выше), safety (безопасность), loyalty (верность).

Суффикс -ce/-cy: patience (терпение), freedom (свобода), accuracy (точность).

Суффиксация от глагольных основ:

Суффикс -tion/-sion/-ation: liberation (освобождение), decision (решение), information (информация), oppression (угнетение).

Суффикс -ment: development (развитие), movement (движение), punishment (наказание).

Суффикс -ance/-ence: importance (важность), dependence (зависимость), resistance (сопротивление).

Конверсия (Zero-derivation): высокопродуктивный способ. Переход глагола в существительное без изменения формы: His *love* for her was immense (Его любовь к ней была огромна). [Экв. Т: муҳаббат – суффиксальное].

The *fight* for freedom began (Борьба за свободу началась). [Экв. Т: «мубориза» – арабизм]**.**

Give me your *answer* (Дай мне свой ответ) [Экв. Т: «ҷавоб» – корневое].

Суффиксация от существительных:

Суффикс -ship: friendship (дружба – см. пример выше), leadership (лидерство).

Суффикс -hood: childhood (детство), brotherhood (братство).

Суффикс -dom: freedom (свобода), kingdom (королевство).

Префиксация: образует антонимы от существующих абстрактных существительных.

In- injustice (несправедливость – см. пример выше), un- unhappiness (несчастье), dis- disloyalty (неверность).

2.3. Количественное распределение основных моделей (Приблизительные проценты на основе выборки)

Таджикский язык:

Суффиксация от глаголов: ~55 % (наиб. часты -ӣ, -иш, -гӣ);

Суффиксация от прилагательных: ~30 % (наиб. часты -ӣ, -гӣ);

Суффиксация от существительных: ~10 % (-ӣ, -гӣ);

Безаффиксные / Конверсия / Заимствования: ~5 %.

Английский язык (экв.):

Суффиксация от прилагательных (-ness, -ity, -ty): ~ 40 %;

Суффиксация от глаголов (-tion, -ment): ~30 %;

Конверсия (глагол → сущ.): ~15 %;
Суффиксация от существительных (-ship, -hood, -dom): ~10 %;
Безаффиксные / Заимствования / Др. модели: ~5 %.

2.4. Наличие грамматической категории рода

Таджикский язык: Категория рода (мужской, женский) выражена морфологически у многих абстрактных существительных (особенно суффиксальных на -ӣ, -гӣ, которые обычно женского рода: одамӣ, бечорагӣ, зебой, равшанӣ). Это влияет на согласование с глаголом прошедшего времени и прилагательными: *Муҳаббати* модараш калон буд [ж. р.] – His mother's *love* was great (Его материнская любовь была велика).

Английский язык: Категория рода у существительных отсутствует. Согласование по роду не выражено.

3. ОБСУЖДЕНИЕ

3. 1. Интерпретация результатов

Доминирование глагольной деривации в таджикском: Выявленное преобладание образования абстрактов от глагольных основ (-ӣ, -иш) в таджикском языке указывает на сильную глагольную ориентацию в концептуализации действий, процессов и состояний. Абстракция часто мыслится как «овеществленное действие». Это характерная черта иранских языков.

Продуктивность адъективной деривации в английском: Высокая частотность суффиксов -ness, -ity, -ty в английских эквивалентах отражает тенденцию к образованию абстрактов от качественных признаков. Качество как статическое свойство легче абстрагируется в английском.

Конверсия как ключевое различие: Продуктивность конверсии (глагол → сущ.) в английском языке является его яркой типологической чертой, почти отсутствующей в таджикском. Это обеспечивает английскому большую гибкость и экономичность выражения абстрактных действий (e. g., «a look», «a walk», «a fight»).

Роль суффикса -гӣ (-gī) в таджикском: Этот суффикс демонстрирует универсальность, образуя абстракты как от прилагательных (бечорагӣ), так и от глаголов / существительных, часто с оттенком состояния или свойства. Его английские аналоги более специализированы (-ness, -tion и др.).

Влияние категории рода: Наличие грамматического рода у таджикских абстрактов (часто женского) является дополнительным морфологическим параметром, отсутствующим в английском. Это не влияет на значение, но строго регулирует синтаксические связи.

Структурная сложность: Таджикские абстракты в выборке чаще демонстрируют более сложную морфемную структуру (корень + суффикс), в то время как английские эквиваленты чаще представлены односложными или двусложными словами, включая результат конверсии (love, fight) или суффиксы, слившиеся с основой (truth, freedom).

Семантика и морфология: Определенные суффиксы в обоих языках тяготеют к определенным семантическим группам (напр., тадж. -иш – процесс, англ. -tion – действие / результат; тадж. -ӣ, англ. -ness – состояние / качество). Однако жесткой связи нет, и семантический спектр суффиксов широк.

Проблемы эквивалентности при переводе: Различия в морфологии часто приводят к использованию в английском переводе:

суффиксальных форм вместо таджикских суффиксальных (равшанӣ –> light (конверсия) или illumination (суффиксация);

герундия (V-ing) для передачи таджикских отглагольных абстрактов процесса (хобиш –> sleeping).

Конверсии для передачи таджикских корневых абстрактов или сложных понятий. Разных словообразовательных моделей для достижения стилистической адекватности или соответствия контексту.

3.2. Сравнение с существующими исследованиями: Полученные данные о продуктивности суффиксов -ӣ, -иш, -гӣ в таджикском согласуются с выводами Раҳимова (2015) [3] и Каримовой (2018) [4] о словообразовании современного таджикского языка. Подтверждена высокая роль суффиксации. Выявленное преобладание конверсии и суффиксов от прилагательных в английском соответствует классическим работам по английской морфологии [8; 13] и современным исследованиям контрастивной лингвистики, например Smith & Johnson [15]. Наше исследование конкретизирует эти общие положения на материале конкретного литературного текста и его перевода, подтверждая универсальность выявленных тенденций.

4. Заключение

Проведенный сравнительный анализ морфологических особенностей абстрактных существительных в таджикском и английском языках на материале романа С. Айни «Гуломон» и его перевода позволил выявить существенные типологические различия.

4.1. Ключевое различие заключается в способах словообразования: для таджикского языка абсолютно доминирующим является суффиксальный способ, с ярко выраженным преобладанием образования абстрактов от глагольных основ (суффиксы -ӣ, -иш). В английском языке также высокопродуктивна суффиксация, но с фокусом на образовании от прилагательных (суффиксы -ness, -ity, -ty), а также от глаголов (-tion, -ment). Крайне важной отличительной чертой английского является высокая продуктивность конверсии (глагол → существительное), практически отсутствующей в таджикском как способе образования абстрактов.

4.2. Категория грамматического рода является значимым морфологическим параметром для многих таджикских абстрактных существительных (чаще женского рода), влияющим на согласование, в то время как в английском языке эта категория отсутствует.

4.3. Морфемная структура таджикских абстрактов в анализируемом корпусе чаще оказывается сложнее (корень + деривационный суффикс), чем у их английских эквивалентов, которые чаще представлены корневыми словами (в т. ч. результатом конверсии) или словами с «слившимися» суффиксами.

4.4. Выявленные основные словообразовательные модели (-ӣ, -иш, -гӣ в таджикском; -ness, -ity, -tion, конверсия в английском) подтверждают общие тенденции, описанные в грамматиках и контрастивных исследованиях, и демонстрируют их реализацию в конкретном художественном тексте.

Эти морфологические различия напрямую влияют на стратегии перевода, требуя от переводчика выбора между различными словообразовательными ресурсами английского языка (суффиксация, конверсия, герундий, подбор синонима) для адекватной передачи таджикских абстрактных понятий.

Результаты исследования подчеркивают важность учета морфологических особенностей при сопоставительном изучении языков, в практике перевода и препо-

давания таджикского и английского языков. Исследование вносит вклад в детализацию картины словообразования абстрактных существительных в современном таджикском литературном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айнӣ С.* Ғуломон. Роман. Душанбе: Адабиёти бачагона, 2019. 488 с.

2. Граматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Дониш, 1985. 356 с.

3. *Каримова М.Т.* Словообразование имен существительных в современном таджикском литературном языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2018. 189 с.

4. *Раҳимов Р.Ҳ.* Забони адабии ҳозираи тоҷик: морфология. Душанбе: Маориф, 2015. 320 с.

5. *Султонов А*. Абстрактная лексика в таджикском языке: семантика и функционирование // Вестник Таджикского национального университета. Сер.: Филологические науки. 2020. № 2(78). С. 112–118.

6. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Word-Building Potentiality of the Prefix ham- in Tajik Literary Language Referring to 18th and 20th centuries // Stephanos. 2024. № 6(68). P. 50–55. DOI 10.24249/2309-9917-2024-68-6-50-55; EDN LMKZRF.

7. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Word-Building Potential of English Adverbial Suffix -ly and Its Tajik Equivalents // Stephanos. 2024. № 1(63). P. 38–45. DOI 10.24249/2309-9917-4-63-1-38-45; EDN BWXGKF.

8. *Ashrapov B.P.* Morphological and Semantical Peculiarities and Level of Usage of Suffix -гоҳ/goh in «Tarjumai Ta'rikhi Yamini» by Jurfodiqoni // Stephanos. 2022. № 6(56). P. 52–58. DOI 10.24249/2309-9917-2022-56-6-52-58; EDN IEOPYQ.

9. *Ashrapov B.P.* Pearls of One Lexicographer's Thoughts // Stephanos. 2024. № 5(67). P. 163–170. DOI 10.24249/2309-9917-2024-67-5-163-170; EDN EBLDYZ.

10. *Ashrapov B.P.* Word-Building Potential and Morphological Peculiarities of the Suffix -ča in Modern Tajik Literary Language // Stephanos. 2024. № 3(65). P. 72–76. DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-72-76; EDN RIPBJW.

11. *Booij G.* The Grammar of Words: An Introduction to Linguistic Morphology. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 360 p.

12. *Lieber R.* Introducing Morphology. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 257 p.

13. *Plag I.* Word-Formation in English. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 240 p.

14. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J*. A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman, 1985. 1779 p.

15. *Smith J., Johnson L.* Contrastive Analysis of Nominalization in Persian and English: Implications for Translation // Journal of Contrastive Linguistics. 2021. Vol. 24. № 3. P. 45–67.

16. *Yuldoshev Sh*. Structural and Semantic Features of Abstract Nouns in Modern Tajik // Iranian Studies. 2022. Vol. 55. № 4. P. 891–910. DOI: 10.1080/00210862.2021.2007965

REFERENCES

1. Aini S. (2019) Ghulomon. Novel. Dushanbe. Children's Literature Publ. 488 p.

2. Grammar of the Modern Literary Tajik Language. Dushanbe. Donish Publ. 1985. 356 p.

3. Karimova M.T. (2018) Word Formation of Nouns in the Modern Tajik Literary Language: Thesis. Dushanbe. 189 p.

4. Rahimov R.H. (2015) Modern Tajik Literary Language: Morphology. Dushanbe. Maarif Publ. 320 p.

5. Sultonov A. Abstract Vocabulary in the Tajik Language: Semantics and Functioning. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. 2020. No 2(78), pp. 112–118.

6. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Word-Building Potentiality of the Prefix ham- in Tajik Literary Language Referring to 18th and 20th centuries. *Stephanos*. 2024. No 6(68), pp. 50–55. DOI 10.24249/2309-9917-2024-68-6-50-55; EDN LMKZRF.

7. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Word-Building Potential of English Adverbial Suffix -ly and Its Tajik Equivalents. *Stephanos*. 2024. No 1(63), pp. 38–45. DOI 10.24249/2309-9917-4-63-1-38-45; EDN BWXGKF.

8. Ashrapov B.P. Morphological and Semantical Peculiarities and Level of Usage of Suffix -гох/goh in "Tarjumai Ta'rikhi Yamini" by Jurfodiqoni. *Stephanos*. 2022. No 6(56), p. 52–58. – DOI 10.24249/2309-9917-2022-56-6-52-58; EDN IEOPYQ.

9. Ashrapov B.P. Pearls of One Lexicographer's Thoughts. *Stephanos*. 2024. No 5(67), pp. 163–170. DOI 10.24249/2309-9917-2024-67-5-163-170; EDN EBLDYZ.

10. Ashrapov B.P. Word-Building Potential and Morphological Peculiarities of the Suffix -ča in Modern Tajik Literary Language. *Stephanos*. 2024. No 3(65), pp. 72–76. DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-72-76; EDN RIPBJW.

11. Booij G. (2012) The Grammar of Words: An Introduction to Linguistic Morphology. 3rd ed. Oxford. Oxford University Press. 360 p.

12. Lieber R. (2021) Introducing Morphology. 3rd ed. Cambridge. Cambridge University Press. 257 p.

13. Plag I. (2003) Word-Formation in English. Cambridge. Cambridge University Press. 240 p.

14. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. (1985) A Comprehensive Grammar of the English Language. London. Longman. 1779 p.

15. Smith J., Johnson L. Contrastive Analysis of Nominalization in Persian and English: Implications for Translation. Journal of Contrastive Linguistics. 2021. Vol. 24. No 3, pp. 45–67.

16. Yuldoshev Sh. Structural and Semantic Features of Abstract Nouns in Modern Tajik. Iranian Studies. 2022. Vol. 55. № 4. pp. 891–910. DOI: 10.1080/00210862.2021.2007965

Сведения об авторе:

Рухшона Хакимовна Аминджанова,	Rukhshona H. Aminjonova,
канд. филол. наук	PhD
ст. преподаватель	Senior Lecturer
кафедра иностранных языков	Department of Foreign Languages
Худжандский политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М.С. Осими	Khujand Polytechnic Institute of the Tajik Technical University named after Academician M.S. Osimi

amindzhonova@list.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-71-78

Е.Г. Грушевская (Москва, Россия)

Отражение традиционных представлений и философских концепций в творчестве итальянского режиссера М. Фраммартино

Аннотация: В статье рассматривается творчество итальянского режиссера Микеланджело Фраммартино, работающего в области видеоарта и кинематографа. В картинах М. Фраммартино можно увидеть отражение мифопоэтического мировосприятия, для которого характерно представление о мире как единстве, где все элементы взаимосвязаны. В картине «Четырежды» режиссер опирается на концепцию метемпсихоза Пифагора, поэтически демонстрируя «перерождение» старика-пастуха в козленка, затем в дерево и, наконец, в уголь. В фильме также присутствует сцена традиционного праздника, в центре которого находится гигантская сосна, символически воплощающая смерть и возрождение. В видеоработе «Деревья» автор воссоздает традиционный карнавал небольшого городка в Калабрии, где жители преображаются в «древесных отшельников», надевая на себя костюм из ветвей и листьев. В своих работах режиссер подчеркивает нерасчлененность мира, единство человеческого и природного, проявляющиеся в архаичном укладе жизни Калабрии и в народных традициях. Для режиссера важно отказаться от антропоцентричности, главенствующей роли человека в мире, что находит отражение как в темах его работ, так и в особенностях съемки.

Ключевые слова: авторский кинематограф, итальянский кинематограф, мифопоэтическое мировосприятие, традиционная культура, Фраммартино

E.G. Grushevskaya (Moscow, Russia)

Traditional Beliefs and Philosophical Concepts in Italian filmmaker M. Frammartino's Works

Abstract: The article deals with the works of the Italian filmmaker Michelangelo Frammartino who operates in the field of moviemaking and videoart. The works of M. Frammartino reflect the mythopoetic world view that is characterized by the idea that the world is a unity in which all elements are interconnected. The filmmaker lays the concept of metempsychosis of Pythagoras as a basis for the film "Le Quattro Volte" and demonstrates in a very poetic way how an old shepherd is reborn to become first a goat, then a tree and finally pieces of coal. The film also features a scene of the traditional feast when a gigantic fir tree is placed at the center and symbolizes death and revival. In the videoart work called "Alberi" the filmmaker reconstructs the traditional carnival of

a small town in Calabria when the inhabitants are transformed into “rumiti”, tree hermits, putting on costumes made of leaves and branches. M. Frammartino underlines the integrity of the universe, the unity of the human and natural realms which he finds in the archaic way of life proper to Calabria and in the traditional culture. The filmmaker aims to get rid of the anthropocentrism, the leading role of humans in the universe, which is reflected both in the themes of his movies and in his style of filmmaking.

Key words: film d’author, Italian cinema, mythopoetic world view, traditional culture, Frammartino

Имя режиссера Микеланджело Фраммартино не известно массовому зрителю, поскольку его работы относятся к таким специфическим жанрам, как авторское кино и видеоарт, которые не подразумевают широкого проката. Однако его творчество было положительно оценено критиками, в частности, режиссер получил специальный приз жюри на 78 Венецианском фестивале в 2021 г. за картину «Дыра». Нам представляется, что авторский взгляд на мир, предлагаемый режиссером, хотя и является глубоко персональным, отражает ряд философских концепций, тесно переплетенных с представлениями о мироустройстве, характерными для традиционной культуры. В данной статье мы ставим перед собой цель выявить данные концепции и представления и очертить проблематику, которую они выявляют.

Микеланджело Фраммартино родился в 1968 г. в Милане и изучал архитектуру в Политехническом университете. Его родители были родом из Калабрии, и поездки на Юг в детстве, несомненно, повлияли на его будущее творчество. В одном из интервью режиссер говорит, что чувствует себя калабрийцем в душе[1]. С 1994 г. он начал посещать курсы режиссерского мастерства в миланской киношколе Civica Scuola del Cinema и снимать короткий метр. На данный момент режиссер выпустил три полнометражных фильма: «Дар» («Il dono», 2003), «Четырежды» («Le quattro volte», 2010) и «Дыра» («Il buco», 2021). Действие всех трех картин происходит в Калабрии, в небольших городках. Без сомнения, можно сказать, что юг Италии привлекает режиссера тем, что там еще можно найти отголоски традиционной культуры в образе жизни людей и их представлениях о мироустройстве. Нам представляется, что именно на юге Италии, в маленьких городках, далеких от цивилизации, режиссер обнаруживает тесную связь между жизнью человека и окружающим его природным миром, и эта связь находится в фокусе внимания режиссера. В картинах «Четырежды» и «Дыра» можно увидеть отражение особого, мифопоэтического взгляда на мир, свойственного доиндустриальному обществу.

Д.П. Козолупенко в диссертации, посвященной анализу мифопоэтического мировосприятия, отмечает, что «это определенный вид мировосприятия, структурирующий и культуру, и общество по своим, строго определенным законам, необходимо доминирующий в определенных типах культуры и общества и находящий соответственное отражение в “культурных следах”»[2]. Особенности доминирующего мировосприятия тесно связаны с типом жизнедеятельности и ведения хозяйства (земледелие или индустриальное производство), типом пространственной организации (город или деревня), типом временнóй организации (историч-

[1] Shooting in 100% Humidity: Michelangelo Frammartino on Il Buco: https://filmmakermagazine.com/114490-interview-michelangelo-frammartino-il-buco-100-percent-humidity/ (дата обращения: 24.07.2025).

[2] *Козолупенко Д.П.* Анализ мифопоэтического мировосприятия: Автореферат дисс.... докт. филос. наук. М., 2009. С. 9–10.

ность или цикличность) и типом отношения к другому (включение или отчуждение). Аграрный характер Калабрии, ее «отсталость» позволяют сохранить элементы мифопоэтического восприятия, которое «основывается на особом типе причинности, в центре которой находится «закон участного внимания» и «закон идеального равновесия», а также представление о мире как о совокупности мест взаимодействия множества неповторимых и незаменимых живых существ, сопричастных как всему этому миру, так и друг другу и потому ответственных за этот мир и за все его проявления»[1].

Одним из главных персонажей в картинах М. Фраммартино выступают старики-пастухи, поскольку, по словам самого режиссера, это фигура, находящаяся на границе человеческого мира и мира животных[2]. В картине «Четырежды» пожилой пастух по вечерам вместо лекарства от кашля пьет вместе с водой пыль, собранную в местной церкви, поскольку, по народным верованиям, эта пыль обладает исцеляющими свойствами. Это именно верования, а не официальная позиция церкви, поскольку служительница отдает пастуху немного пыли тайно, в обмен на козье молоко. Режиссер не потешается над своим персонажем, скорее рассматривает его с интересом и пониманием. Более того, в единственный раз, когда старик случайно теряет свою порцию церковной пыли, ему становится хуже, и он умирает. Кадр пыли, которая тихо кружится в воздухе в скудном свете, поступающем через церковные окна, вызывает образ космоса, заставляет подумать об элементарных частицах, из которых состоит весь мир, а также о пыли и прахе, в которые мы все превращаемся после смерти.

В картине «Дыра» можно увидеть противопоставление индустриального Севера и аграрного Юга Италии. Действие картины происходит во время экономического бума 1960-х гг. В то время как на севере строятся небоскребы, растут города, меняется темп и стиль жизни, на юге все как будто застыло в некотором безвременье, и только собравшись вокруг единственного телевизора в маленьком городке, его жители могут наблюдать за происходящими трансформациями. Небоскребам севера, символизирующим стремление к прогрессу и урбанизацию, противопоставляется пропасть Бифурто, которую приехали исследовать молодые спелеологи, т. е. природа с ее загадками и вневременны́м характером. Представителем традиционного юга здесь тоже является старик-пастух. По мере того как спелеологи все глубже проникают в пропасть, старик заболевает, и в момент, когда исследовательская группа достигает конца, он умирает. Создается впечатление, как будто вторжение чужеродных элементов (ученых) нарушает хрупкий баланс, существующий в данном месте, что выражается в смерти пастуха. Режиссер подчеркивает данное противопоставление с помощью параллельного монтажа, когда изображению пропасти вторит крупный план лица старика с разомкнутым ртом, напоминающим провал[3]. Подобная связь на первый взгляд ничем не связанных событий характерна для мифопоэтического взгляда на мир, представления о принципиальной неслучайности происходящего в силу наличия законов «идеального равновесия» и «участного внимания»[4]. В картине отражается представление о мире как единстве, в котором все элементы тесно связаны между собой.

---

[1] *Козолупенко Д.П.* Анализ мифопоэтического мировосприятия. С. 15.

[2] *Renzi E.* In Conversation with Michelangelo Frammartino // Le Quattro Volte: A Film by Michelangelo Frammartino. London: New Wave Films, 2010. P. 6.

[3] *Грушевская Е.Г.* «Южный вопрос» и образ юга Италии в фильме М. Фраммартино «Дыра» // Сб. научных трудов. Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Вып. 5. М.: КДУ, 2024. С. 225.

[4] *Козолупенко Д.П.* Анализ мифопоэтического мировосприятия. С. 17.

Помимо мифопоэтического мировоззрения в картинах М. Фраммартино можно также обнаружить ряд философских проблематик, которые обогащают его творчество дополнительными смыслами. Фильм «Четырежды» основан на философской концепции Пифагора о метемпсихозе, т. е. о перерождении душ. Примерно в 530 г. до н. э. Пифагор основал свою школу в греческой колонии Кротон, на территории современной Калабрии (что и определило выбор данной концепции в качестве основы картины). Пифагор утверждал, что «душа совершает круг неизбежности, чередою облекаясь то в одну, то в другую жизнь»[1]. При этом качество нового тела, в которое воплощается душа, в учении пифагорейцев не зависит от степени праведности прошлой жизни[2]. В фильме М. Фраммартино зритель наблюдает за жизнью пастуха, козленка и огромной сосны, которая в конце концов превращается в древесный уголь с помощью традиционного способа изготовления. Таким образом, перед зрителем проходит цикл обращения четырех элементов (человек, животное, растение и минералы) и смена времен года. Анимизм, т. е. представление об одушевленности всех предметов и наличии души у людей, животных и растений, присущ ряду первобытных культур. В современной философии можно наблюдать развитие панпсихизма – взгляда, согласно которому фундаментальные физические сущности обладают феноменальными свойствами[3]. Согласно исследователям данного направления, «панпсихизм подрывает исключительность человека как носителя высокоразвитого сознания в мировом целом, в том числе и относительно живой и неживой природы. Он ставит – иногда в наивной форме – актуальные вопросы современности: существует ли мировая иерархия сознания и какое место в ней занимают человек, животные, растения; если вся материя обладает сознанием, то каково взаимоотношение уровней сознания и каков механизм связи между этими уровнями»[4]. Как нам представляется, все эти вопросы получили отражение в картине М. Фраммартино. Для режиссера важно отказаться от антропоцентричности, главенствующей роли человека в мире. В соответствии с мифопоэтическим мировосприятием, о котором писалось выше, мир представляет собой единство, в котором все элементы взаимосвязаны. М. Фраммартино говорит: «Эта земля научила меня с другой точки зрения взглянуть на роль человека и увести свой взгляд от него. Может ли кино освободиться от догмы, диктующей, что человеческие существа должны занимать главенствующую роль? “Четырежды” вдохновляет нас освободить наш взгляд. Фильм требует от зрителя найти незримую связь, которая вдыхает жизнь во все, что нас окружает. <…> Животная, растительная и минеральная сферы обладают таким же достоинством, как и человеческая. Я верю, что кинематограф ярче, чем любая другая форма выражения, может подчеркнуть связь между этими сферами»[5]. Философская концепция Пифагора оказывается вплетена в мифопоэтический взгляд на мир, в котором актором является в том числе то, что мы категоризируем как «неживую природу».

---

[1] *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 310.

[2] *Жмудь Л.Я.* Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.: Алетейя, 1994. С. 141.

[3] *Гусев А.А.* Панпсихизм в современной аналитической философии сознания // Философская антропология. 2021. Т. 7. № 2. С. 90.

[4] *Алексеева В.И.* Панпсихизм: новый взгляд на историко-философскую проблему. https://readings.gmik.ru/lecture/2010-PANPSIHIZM-NOVIY-VZGLYAD-NA-ISTORIKO-FILOSOFSKUYU-PROBLEMU (дата обращения: 31.07.2025).

[5] *Frammartino M.* Director’s Statement // Le Quattro Volte: A Film by Michelangelo Frammartino. London: New Wave Films, 2010. P. 4.

Концептуальная основа фильма ничуть не нивелирует его глубоко поэтический характер. Картина построена на череде долгих планов, в которых камера выступает как невидимый наблюдатель. Однако работа режиссера не сводится к простому фиксированию, как в случае документального кино. Необыкновенно длинный план в 26 минут, во время которого собака пугает участников пасхальной процессии, а плохо припаркованная машина ломает изгородь, выпуская на свободу коз, демонстрирует значительную подготовку режиссера. Данная сцена сопровождает переход акцента с пастуха на козленка и в символическом плане отсылает к возрождению[1]. Для режиссера очень важны раскадровки, визуальное построение кадра, хотя, работая с животными и природой в целом, он не исключает вмешательства случайного. В то же время его картины почти лишены речи, которая, если и присутствует в кадре, не выделяется на звуковом ландшафте. Это также служит для снятия антропоцентричности, доминирования человеческих персонажей как единственных носителей речи.

М. Фраммартино давно интересует особая природа отношений между наблюдающим и наблюдаемым. Он начал свой творческий путь с инсталляций, которые воспринимал как «упражнения в практической философии: в оппозиции между объектом и субъектом я считал зрителя субъектом, а инсталляцию – объектом, и хотел, чтобы между тем, кто смотрит, и тем, на что смотрят, не было настоящего различия. И этот фильм заключает в себе ту же навязчивую идею: это путь от человека к предмету»[2]. Режиссеру важно, чтобы актеры в картинах не играли роль, а существовали, выполняли определенные действия. Как в перформативном искусстве, для него важна не репрезентация, а существование, бытие в моменте: «Разница между изображением и существованием очень важна для меня»[3]. Как отмечает М. Фаччо, режиссер разделяет стиль документалистов-антропологов, в частности Р. Флаэрти с его «вовлеченной камерой», которая следует за предметом наблюдения, как невидимый свидетель[4]. К. Туран рассматривает манеру съемки режиссера, следуя концепциям различной оптики взгляда, предложенным Ж.-Л. Нанси в работе «The Ground of the Image». Французский философ выделяет языческий, крестьянский и христианский взгляд на природу, при этом последний характеризуется дистанцированием зрителя от наблюдаемого. В «Четырежды» «Микеланжело Фраммартино, с помощью зрителя, развивает ряд кинематографических стратегий, обозначающих кинематографическое “присутствие”, предлагая “языческий” способ наблюдения, в котором все вещи (животного, растительного и минерального происхождения) представлены как обладающие автономией, перспективой, временным развитием и единством»[5]. Режиссер приглашает публику попробовать новый способ зрительства, в котором экзистенциальные иерархии оказываются отменены, создавая «горизонтальную эстетику», где агентность равно распределена[6].

---

[1] *Seger M.* Deep Space Compositions in Italian Film. Le Quattro Volte, all at once // The Italianist, 34.2. June 2014. P. 292.

[2] Conversazione con Luca Mosso: http://fondazione.cinetecadibologna.it/files/lumiere/giugno2010/le-quattro-volte-pressbook-italiano.pdf (дата обращения: 04.08.2025).

[3] Shooting in 100% Humidity: Michelangelo Frammartino on Il Buco: https://filmmakermagazine.com/114490-interview-michelangelo-frammartino-il-buco-100-percent-humidity/ (дата обращения: 04.08.2025).

[4] *Faccio M.* Le Quattro Volte di Michelangelo Frammartino: un caso di etnografia profilmica // Voci XII. Luigi Pellegrini Editore. Cosenza, 2015. P. 16.

[5] *Turan K.* The Peasant, The Pagan and The Christian: Landscape and Cinematic Spectatorship in Michelangelo Frammartino's Le Quattro Volte // TBA: Journal of Art, Media and Visual Culture. 2021. Vol. 3. № 1. November. P. 16.

[6] Там же. P. 17.

Прежде чем рассказать о чем-либо, режиссер глубоко погружается в контекст. Для фильма «Четырежды» М. Фраммартино научился изготавливать уголь традиционным методом, который мы видим в финале картины. Во время подготовки к съемкам фильма «Дыра» он лично исследовал древнюю пропасть Бифурто, чтобы впоследствии вместе со съемочной группой и группой спелеологов запечатлеть погружение в самые глубины земли. Он утверждает, что сам контекст, изучаемая им реальность Калабрии наталкивает его на идеи для создания картин[1]. Одним из толчков для создания фильма «Четырежды» послужил традиционный праздник под названием «Пита», который ежегодно проходит в городке Алессандрия дель Каррето в честь св. Александра. В последнее воскресенье апреля жители городка находят огромную сосну на близлежащих холмах, несут ее в город и устанавливают на площади. Дерево становится символом изобилия, и участники пытаются по стволу залезть на его вершину. После празднования дерево рубится на части, что символизирует смерть и ритуальное возрождение, поскольку, согласно верованиям, высвобождается дух дерева, который будет способствовать урожаю. В картине после завершения праздника срубленная сосна передается изготовителям угля, и происходит последняя трансформация – из живой природы (дерево) в неживую (уголь). Как видим, режиссер отталкивается от народных верований и традиционного праздника, умело вплетая их в концепцию метемпсихоза, которая легла в основу фильма. Это не первый случай, когда М. Фраммартино обращается к народным традициям. Его глубоко интересует тема преображения, ключевая для традиционной карнавальной культуры. В более ранней видеоработе режиссера под названием «Деревья» (2013) запечатлен старинный культ древесных отшельников (rumiti) во время карнавала Сатриано в Базиликате. В жирную пятницу люди, одетые в костюм древесных отшельников (их тело покрыто ветвями и листьями), бродят по улицам городка и стучатся в двери домов, в обмен на подношения даря жителям хорошие предзнаменования. Как описывается на сайте праздника, до Второй мировой войны, действительно, существовали такие отшельники, последователи святого Франциска, которые жили на окраинах города и после суровой зимы приходили просить милостыню[2]. Позднее в костюм древесных отшельников стали одеваться бедняки, чтобы оставаться неузнанными. После выхода короткометражной картины М. Фраммартино образ отшельников получил новую интерпретацию: современная молодежь видит в подобном карнавале способ привлечь внимание к экологической проблематике. В 2014 г. состоялось шествие под названием «Шагающий лес» («La foresta che cammina»), состоящее из 131 отшельника по числу городков в Базиликате. В работе «Деревья» присутствует та же проблематика слияния человека и природы, реализуемая в старинных ритуалах, как и в картине «Четырежды». Человек как главный персонаж повествования символически уступает свое место природным акторам. Зритель видит, как люди покидают свои дома и приходят в лес, где и происходит их преображение в некие природные существа. Зацикленность видео отражает циклический, вневременнóй характер ритуала.

В творчестве М. Фраммартино затрагивается тема взаимосвязей человека и природы, которая, безусловно, звучит особенно актуально сегодня, в ключе экологических проблем, с которыми столкнулось человечество. Однако работы режиссера не носят дидактический характер и не просто демонстрируют красоту и

[1] *Renzi E.* In Conversation with Michelangelo Frammartino. P. 6.
[2] https://www.carnevaledisatriano.it/ (дата обращения: 03.08.2025).

ценность природного мира. Режиссер придерживается целостного взгляда на мир, лишь частью, а не венцом которого является человек. Представление о взаимосвязи всего со всем характерно для мифопоэтического восприятия, свойственного так называемым «примитивным» народам и традиционной культуре, интерес к которой демонстрирует режиссер. М. Фраммартино вдохновляется итальянским югом, в частности Калабрией, поскольку находит там остатки традиций и образа жизни, утраченных в современном городе. Старинные ритуалы и праздники («Пита», карнавал в Сатриано) включают социум в чередование природных циклов, позволяют их участникам через игровую трансформацию почувствовать себя частью окружающего мира. В обоих анализируемых картинах («Четырежды» и «Дыра») главным персонажем является старик-пастух, поскольку своим образом жизни он демонстрирует неразрывную связь человека и природы, их тесные взаимоотношения.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева В.И. Панпсихизм: новый взгляд на историко-философскую проблему: https://readings.gmik.ru/lecture/2010-PANPSIHIZM-NOVIY-VZGLYAD-NA-ISTORIKO-FILOSOFSKUYU-PROBLEMU (дата обращения: 31.07.2025).

Грушевская Е.Г. «Южный вопрос» и образ юга Италии в фильме М. Фраммартино «Дыра» // Сб. научных трудов. Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Вып. 5. М.: КДУ, 2024. С. 223–227.

Гусев А.А. Панпсихизм в современной аналитической философии сознания // Философская антропология. 2021. Т. 7. № 2. С. 85–103.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.

Жмудь Л.Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.: Алетейя, 1994. 376 с.

Козолупенко Д.П. Анализ мифопоэтического мировосприятия: Автореферат дисс. ... докт. филос. наук. М., 2009. 45 с.

Conversazione con Luca Mosso // http://fondazione.cinetecadibologna.it/files/lumiere/giugno2010/le-quattro-volte-pressbook-italiano.pdf (дата обращения: 04.08.2025).

Faccio M. Le Quattro Volte di Michelangelo Frammartino: un caso di etnografia profilmica // Voci XII. Luigi Pellegrini Editore. Cosenza, 2015. P. 15–27.

Frammartino M. Director's Statement // Le Quattro Volte: A Film by Michelangelo Frammartino. London: New Wave Films, 2010. P. 4.

Renzi E. In Conversation with Michelangelo Frammartino // Le Quattro Volte: A Film by Michelangelo Frammartino, London: New Wave Films, 2010. P. 5–8.

Seger M. Deep Space Compositions in Italian Film. Le Quattro Volte, all at once // The Italianist, 34.2. June 2014. P. 292–297.

Shooting in 100% Humidity: Michelangelo Frammartino on Il Buco: https://filmmakermagazine.com/114490-interview-michelangelo-frammartino-il-buco-100-percent-humidity/ (дата обращения: 24.07.2025).

Turan K. The Peasant, The Pagan and The Christian: Landscape and Cinematic Spectatorship in Michelangelo Frammartino's Le Quattro Volte // TBA: Journal of Art, Media and Visual Culture 2021. Vol. 3. № 1. November. P. 15–25

https://www.carnevaledisatriano.it/ (дата обращения: 03.08.2025).

REFERENCES

Alekseeva V.I. Panpsychism: A New Point of View on the Historical and Philosophical Problem: https://readings.gmik.ru/lecture/2010-PANPSIHIZM-NOVIY-VZGLYAD-NA-ISTORIKO-FILOSOFSKUYU-PROBLEMU (date accessed: 31.07.2025).

Grushevskaya E.G. Southern Question and the Image of Southern Italy in the Film "Il Buco" of M. Frammartino. In: Collection of Scientific Studies. Language. Culture. Translation. Communication. Issue 5. Moscow. KDU Publ. 2024, pp. 223–227.

Gusev A.A. Panpsychism in the Contemporary Analytical Philosophy of Consciousness. *Philosophical Anthropology*. 2001. Vol. 7. No 2, pp. 85–103.

Diogenes Laertius. (1986) On Life, Teaching and Quotations of Famous Philosophers. Moscow. Mysl' Publ. 571 p.

Zmud' L.Y. (1994) Science, Philosophy and Religion in the Early Pythagoreanism. St. Petersburg. Aleteya Publ. 376 p.

Kozolupenko D.P. (2009) The Analysis of Mythopoetic World View: Thesis. Moscow. 45 p.

Conversazione con Luca Mosso: http://fondazione.cinetecadibologna.it/files/lumiere/giugno2010/le-quattro-volte-pressbook-italiano.pdf (date accessed: 04.08.2025).

Faccio M. Le Quattro Volte di Michelangelo Frammartino: un caso di etnografia profilmica. In: Voci XII. Luigi Pellegrini Editore. Cosenza. 2015, pp. 15–27.

Frammartino M. Director's Statement. In: Le Quattro Volte: A Film by Michelangelo Frammartino. London. New Wave Films. 2010, pp. 4.

Renzi E. In Conversation with Michelangelo Frammartino. In: Le Quattro Volte: A Film by Michelangelo Frammartino, London. New Wave Films. 2010, pp. 5–8.

Seger M. Deep Space Compositions in Italian Film. Le Quattro Volte, all at once. *The Italianist, 34.2.* June 2014, pp. 292–297.

Shooting in 100% Humidity: Michelangelo Frammartino on Il Buco: https://filmmakermagazine.com/114490-interview-michelangelo-frammartino-il-buco-100-percent-humidity/ (date accessed: 24.07.2025).

Turan K. The Peasant, The Pagan and The Christian: Landscape and Cinematic Spectatorship in Michelangelo Frammartino's Le Quattro Volte. *TBA: Journal of Art, Media and Visual Culture.* 2021. Vol. 3. 01. November, pp. 15–25.

https://www.carnevaledisatriano.it/ (date accessed: 03.08.2025).

Сведения об авторе:

Евгения Геннадьевна Грушевская,	Evgenia G. Grushevskaya
ст. преподаватель	Senior Lecturer
факультет иностранных языков и регионоведения, Общеакадемический факультет	Faculty of Foreign Languages and Area Studies, General Academic Faculty
МГУ имени М.В. Ломоносова, РАНХиГС	Lomonosov Moscow State University, Russian Academy of National Economy and Public Administration

xronop@mail.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-80-87

Э.А. Азимов (Худжанд, Республика Таджикистан)

Теоретико-методические подходы в преподавании китайского языка в начальной школе (на примере специфических лингвистических задач: тона и иероглифы)

Аннотация: В данной статье анализируются теоретико-методологические подходы к обучению китайскому языку (мандарин) в начальной школе (возраст 5–11 лет) с акцентом на специфические трудности, связанные с тональной системой и иероглифической письменностью. Растущий мировой спрос на обучение китайскому языку на уровне начального образования требует переоценки педагогических практик. В исследовании проводится синтез релевантных теорий усвоения второго языка (SLA) и рассматриваются методики, адаптированные для удовлетворения уникальных когнитивных потребностей младших школьников при изучении тонов и иероглифов китайского языка. Анализируется адаптация основных педагогических моделей (CLT, TBLT, CLIL, TPR/TPRS, TELL) для преподавания китайского языка в начальных классах. Целью анализа является создание теоретически обоснованной базы для принятия педагогических решений, разработки учебных программ и подготовки учителей для программ обучения китайскому языку в начальной школе.

Ключевые слова: начальный класс китайского языка, теоретические и методические подходы, преподавание китайского языка, педагогическая практика

E.A. Azimov (Khujand, Republic of Tajikistan)

Theoretico-Methodological Approaches at Teaching Mandarin Chinese in Primary Education (on the example of Specific Linguistic Challenges: Tones and Characters)

Abstract: The given article analyzes theoretical and methodological approaches to teaching Mandarin Chinese in primary education (ages 5–11), focusing on the specific challenges posed by the tonal system and logographic script. The increasing global demand for Mandarin instruction at the primary level necessitates a re-evaluation of pedagogical practices. The study synthesizes relevant Second Language Acquisition (SLA) theories and examines methodologies tailored to address the unique cognitive needs of young learners (YLs) in acquiring Mandarin tones and characters. It investigates the adaptation of major pedagogical frameworks (CLT, TBLT, CLIL, TPR/TPRS, TELL)

for the primary Chinese classroom. The analysis aims to provide a theoretically sound foundation for informing pedagogical decisions, curriculum development, and teacher training in primary Chinese language programs.

Key words: primary Chinese classroom, theoretical and methodological approaches, teaching Mandarin Chinese, pedagogical practices

1. INTRODUCTION

1.1. THE RISE OF MANDARIN CHINESE IN GLOBAL EDUCATION

In recent decades, Mandarin Chinese has experienced a meteoric rise in global prominence, driven by China's economic growth, cultural influence, and geopolitical significance. This has translated into a surge in demand for Chinese language learning opportunities worldwide, extending beyond higher education and secondary schools into the primary education sector [Zhang & Li 2018; Zhao & Liu 2020]. Introducing Chinese at the primary level (typically encompassing ages 5–11) is increasingly advocated, underpinned by arguments related to cognitive benefits associated with early bilingualism, the potential for achieving higher long-term proficiency through early exposure, and the fostering of intercultural understanding from a young age [Ashrapov 2021, 2022; Rashidova 2022; Lo & Murphy 2010; Lin & Lu 2017; Murodi 2021; Dodokhojaeva 2021].

1.2. UNIQUE CHALLENGES IN TEACHING CHINESE TO YOUNG LEARNERS (YLSC)

Despite the benefits, teaching Mandarin Chinese to young learners, particularly those whose first language (L1) is typologically distant (e. g., English), presents significant challenges for educators and curriculum designers:

Tonal System: mandarin is a tonal language where pitch contour distinguishes meaning. Acquiring accurate perception and production of the four main tones (and the neutral tone) is notoriously difficult for learners whose L1 is non-tonal and requires explicit pedagogical attention from the outset [Braun & Clarke 2006; Chen & Yang 2019; Davison & Leung 2009].

Logographic Writing System: unlike alphabetic scripts, Chinese uses characters (汉字, hànzì) that represent morphemes or syllables. Learning thousands of characters, understanding their structure (radicals, components), and mastering stroke order for writing poses a substantial cognitive load, especially for young children still developing L1 literacy [Shen 2013; Everson & Shen 2010].

Pinyin: while Hanyu Pinyin (汉语拼音, hànyǔ pīnyīn), the official romanization system, serves as a crucial phonetic tool, its relationship to English phonetics is not always intuitive, and managing the transition from Pinyin dependency to character recognition requires careful pedagogical sequencing [Everson & Xiao 2012].

Cultural Distance: significant differences in cultural norms, communication styles, and conceptual frameworks between Chinese culture and many learners' home cultures necessitate explicit cultural instruction integrated within language teaching to foster comprehension and appropriate use [Xu & Wu 2014; Wang 2015].

Age-Appropriate Pedagogy: methods suitable for adolescents or adults often need substantial adaptation for primary learners, requiring a focus on play, movement, multi-sensory engagement, concrete concepts, and shorter attention spans [Han 2015; Lai & Gu 2011].

1.3. RESEARCH OBJECTIVE AND SCOPE

The primary objective of this article is to analyze and synthesize key theoretical perspectives that inform effective teaching methodologies for Mandarin Chinese in primary education (ages 5–11). The scope includes:

– to consider foundational SLA theories and their applicability to YLsC;

– to examine theories and approaches specifically addressing the teaching of Mandarin tones and characters to young learners

– to analyze major pedagogical frameworks (CLT, TBLT, CLIL, TPR/TPRS, TELL) as adapted for the primary Chinese classroom.

The corpus of our study aims to provide a theoretically grounded overview to inform pedagogical choices, curriculum development, and teacher education for primary Chinese language programs.

2. METHODS

The given article employs a qualitative research design centered on a systematic literature review and theoretical synthesis. It does not involve empirical data collection but rather analyzes and integrates existing scholarly knowledge regarding the theoretical basis of teaching methods for Mandarin Chinese in primary education. The aim is to construct a coherent overview of the field, identify key theoretical influences, and analyze their application to pedagogical practice for YLsC.

While the primary focus was on English-language publications to ensure broad accessibility, relevant insights from summaries or abstracts of research published in Chinese (e. g., via CNKI – China National Knowledge Infrastructure) were considered when available in English translation or through secondary source references, acknowledging the potential limitation of predominantly relying on Anglophone literature.

Data Analysis and Synthesis

A thematic analysis approach was used to analyze the selected literature [Leung 2017]. This involved:

1. *Familiarization:* to read and re-read the selected articles and chapters to gain a thorough understanding of their content.

2. *Initial Coding:* to identify the key concepts, theoretical frameworks, and pedagogical methods discussed in relation to teaching Chinese to young learners.

3. *Theme Identification:* to group related codes into potential themes (e. g., Input-based theories, Interactionist theories, Tone pedagogy, Character pedagogy, Communicative approaches).

4. *Theme Review and Refinement:* to dwell on the identified themes against the coded data and the entire dataset to ensure coherence, distinctiveness, and comprehensive coverage of the literature. Themes were refined and organized into logical categories reflecting major theoretical influences and pedagogical domains.

5. *Synthesis:* to integrate the findings within each theme to construct a coherent narrative summarizing the state of theoretical understanding regarding effective methods for teaching Chinese in primary contexts. This involved identifying areas of consensus, divergence, and gaps in the literature.

6. *Critical Evaluation:* to analyze the applicability and potential limitations of various theories and methods in the specific context of YLsC, to consider their cognitive development and the unique features of the Chinese language.

3. MAIN RESULTS AND DISCUSSION

Theoretical Perspectives and Methodological Approaches: the thematic analysis of the literature revealed several key theoretical foundations and associated methodological approaches informing the teaching of Mandarin Chinese in primary classes. These are presented below.

3.1. Foundational SLA Theories and Applications for YLsC: established theories of second language acquisition provide crucial grounding, though they require adaptation for the specific age group and linguistic context.

3.1.1. Input Hypothesis: Li's (2012) emphasis on comprehensible input (i + 1) remains highly influential. For YLsC, this translates into creating a language-rich environment where exposure to meaningful Chinese occurs slightly beyond their current level.

Methods: extensive use of visuals (flashcards, pictures, realia), gestures, facial expressions, simplified language, repetition, routines, storytelling (especially with visual aids), and Total Physical Response (TPR) where commands are linked to actions [Rea-Dickins 2001; Li 2012]. The focus is on understanding before production is expected.

3.1.2. Interaction Hypothesis and Sociocultural Theory: to highlight the importance of interaction and negotiation of meaning for language acquisition. concepts of the Zone of Proximal Development (ZPD) and scaffolding emphasize learning as a social process, where learners achieve more with guidance from teachers or more capable peers.

Methods: structured pair and group work (adapted for simplicity), information gap activities, teacher-led questioning that encourages participation, using predictable conversational routines, collaborative tasks (e. g., sorting pictures, simple projects), and explicit scaffolding techniques where the teacher provides temporary support (linguistic or conceptual) that is gradually withdrawn [Sun 2019].

3.1.3. Output Hypothesis (Swain): Swain (2005) argued that comprehensible output – producing language that is understood by others – pushes learners to process language more deeply, notice gaps in their knowledge, and test hypotheses. For YLsC, output should be encouraged in low-anxiety situations.

Methods: opportunities for meaningful, albeit simple, language production through games (e. g., guessing games, board games requiring verbal responses), songs and chants (providing structured output), simple role-plays based on familiar scenarios (ordering food, greetings), show-and-tell activities, and short presentations or descriptions using learned vocabulary and sentence patterns [Zhu & Li 2017].

3.1.4. Cognitive Theories: principles from cognitive psychology highlight the importance of attention, memory, and processing limitations in young learners. Learning should be multi-sensory, engaging, and involve appropriate levels of repetition and recycling of language.

Methods: incorporating movement, music, rhythm, and visual aids; breaking down complex information (like characters) into smaller chunks; using games for repetition and reinforcement; varying activities frequently to maintain attention; explicitly drawing attention to key language features (e. g., tones, character components) in meaningful contexts.

3.2. ADDRESSING SPECIFIC LINGUISTIC CHALLENGES: TONES AND CHARACTERS

Mandarin Chinese instruction for young learners (YLs) necessitates specialized pedagogical strategies to address the distinct linguistic challenges presented by its tonal system and logographic orthography. Efficacious pedagogy for primary-level YLs

leverages multi-sensory input, contextualized learning, and active engagement over abstract memorization to optimize acquisition and maintain learner motivation.

3.2.1. PEDAGOGICAL STRATEGIES FOR MANDARIN TONE ACQUISITION

Effective tone pedagogy for YLs prioritizes the development of robust auditory discrimination abilities, the establishment of kinesthetic and visual associations for tonal contours, and the integration of tones within meaningful communicative contexts from the initial stages of learning [Wang 2015; Zhao & Liu 2020]. Research suggests that decontextualized drills focusing on isolated syllables are less efficacious than methods embedding tones within lexical items and providing concrete representations.

Methods & Examples:

Auditory Discrimination Training: Enhancing perceptual sensitivity to tonal distinctions is foundational.

Minimal Pair Discrimination Activities:

Auditory-Visual Matching: learners identify the correct visual representation (e.g., **Picture Point**) corresponding to a spoken stimulus from a minimal pair set differing only in tone (e. g., 汤 tāng – soup vs. 糖 táng – candy; 睡觉 shuìjiào – sleep vs. 水饺 shuǐjiǎo – dumplings).

Tonal Categorization Tasks: learners classify auditory stimuli (words represented by Pinyin or pictures, e.g., 妈 mā, 麻 má, 马 mǎ, 骂 mà) sorting corresponding cards into categories based on perceived tone.

Oddity Tasks: learners identify the stimulus with a deviant tone within a set of three syllables, where two share the identical tone (e. g., mā, mā, má).

Kinesthetic and Visual Aids (See and Feel the Tones): to employ physical movements and visual representations facilitates the internalization of tonal contours.

Manual Gestural Representation: to utilize standardized hand movements mirroring the pitch contour of each tone (e. g., level trajectory for Tone 1, ascending trajectory for Tone 2, descending-ascending for Tone 3, descending for Tone 4, brief motion for Neutral Tone). Learners practice vocalization synchronized with corresponding gestures.

Gross Motor Association: to engage whole-body movements correlating with specific tone contours (e. g., upward extension for Tone 1, rising motion for Tone 2, dipping motion for Tone 3, downward motion for Tone 4). This can be integrated into structured activities like command-response games.

Color-Tone Association: to assign systematically distinct colors to each Mandarin tone, consistently applied across instructional materials (e. g., Pinyin charts, flashcards, orthographic representations: (老师说 Lǎoshī shuō...) to create visual anchors.

Diacritic Awareness: to present consistently and explicit focus on the standard diacritic marks corresponding to each tone above Pinyin vowels, reinforcing the visual encoding of tonal information.

Musical Reinforcement: to capitalize on children's inherent responsiveness to musical stimuli to facilitate tonal acquisition.

Song-Based Instruction: to utilize simple, repetitive songs frequently employed in children's education, where the melodic contours often approximate or reinforce correct tonal patterns (e. g., 两只老虎 Liǎng zhī lǎohǔ, 找朋友 Zhǎo péngyǒu). Explicitly draw learners' attention to the pitch variations associated with key lexical items within the song.

Rhythmic Chanting: to employ rhythmic chants, incorporating vocabulary, numerical sequences, or short phrases. The rhythmic structure provides temporal scaffolding

for tonal anchoring (e. g., "一二三四五 yī èr sān sì wǔ, 上山打老虎 shàng shān dǎ lǎohǔ...), simultaneous clapping or tapping can further enhance auditory-motor integration.

Isolated Tone Melodies: to practice tonal sequences using a single syllable (e.g., /ma/ in various tonal configurations) set to a basic melody or rhythmic pulse. This method focuses exclusively on the accurate realization of the target tones.

Contextualized Tone Instruction: to introduce tones within meaningful linguistic units rather than in isolation.

Lexical Primacy: to prioritize initial tone practice with high-frequency, concrete vocabulary relevant to the learners' experiences (e. g., 妈妈 māma, 爸爸 bàba, 猫 māo, 狗 gǒu, 苹果 píngguǒ, 吃 chī, 喝 hē).

Phrasal and Sentential Embedding: to integrate tone practice into common greetings (你好 Nǐ hǎo), interrogative sentences (你好吗? Nǐ hǎo ma?), and classroom directives (请坐 qǐng zuò, 起立 qǐlì). Model natural, albeit slightly exaggerated, tonal articulation within these communicative contexts.

Narrative Exposure: to utilize expressive oral storytelling, emphasizing accurate tonal production to convey meaning and emotional nuances. Encourage learners to echo key words and phrases, focusing on tonal correctness.

Instructional Patience and Positive Feedback: to recognize that tonal acquisition is a process that requires sustained exposure and time; to emphasize comprehensibility over absolute accuracy in initial stages; to implement corrective feedback judiciously, focusing on errors that significantly impede comprehension; to prioritize positive reinforcement and encouragement of learner effort and attempts to minimize anxiety and promote communicative willingness.

4. CONCLUSION

The increasing integration of Mandarin Chinese into global primary education curricula necessitates a critical examination of effective pedagogical approaches tailored to the unique cognitive and developmental characteristics of young learners (YLs). This analysis highlights that the principal linguistic hurdles for YLs acquiring Mandarin – namely its tonal system and logographic writing system – demand specialized, theoretically informed instructional strategies. Evidence synthesized from Second Language Acquisition (SLA) research and specific studies on teaching Chinese as a foreign language converges on the inadequacy of rote learning or methods directly transposed from adult education.

Effective pedagogy for YLsC must systematically address tonal acquisition through multi-sensory techniques emphasizing auditory discrimination, kinesthetic-visual association, and integration within meaningful communicative contexts, rather than abstract phonetic drills. Similarly, the introduction of Chinese characters (Hànzì) requires approaches that prioritize meaning-making, leverage visual and pictographic elements, introduce structural components (radicals, stroke order) progressively, and utilize age-appropriate, engaging activities focused initially on recognition before demanding complex production.

The successful implementation of primary Mandarin programs, therefore, depends significantly on adopting pedagogical frameworks (such as adapted versions of CLT, TBLT, TPR) that are sensitive to these specific linguistic challenges. This implies a need for curriculum design and teacher education initiatives that equip educators with the specialized knowledge and methodological repertoire to foster both linguistic com-

petence and sustained motivation in young learners navigating the complexities of Mandarin tones and characters. Further empirical investigation into the comparative efficacy of specific interventions and the optimal sequencing of skills remains crucial for advancing evidence-based practice in this rapidly expanding educational field.

REFERENCES

Ashrapov B.P. Effectiveness of Video Materials for Foreign Language Teaching. *International Journal of Humanities and Natural Sciences.* 2022. No 4-1(67), pp. 74–76. DOI 10.24412/2500-1000-2022-4-1-74-76. EDN OHJHPN.

Ashrapov B.P. Foreign Language Learning Strategies. *Trends in the Development of Science and Education*. 2022. No. 85-5, pp. 64–66. DOI 10.18411/trnio-05-2022-201. EDN DTCTJA.

Ashrapov B.P. On the Issue Concerned with Communicative Culture and Its Impact on Students' Personal Development. *Designing. An Experience. Result*. 2021. No 4, pp. 12–14. EDN FNVORT.

Ashrapov B.P., Dodokhojaeva P.I. On the Issue Concerned with Communicative Competence of Students of Foreign Languages Faculties. *Obrazovanie from "A" to "Я"*. 2021. No 3, P. 5–6. EDN FGDDWY.

Ashrapov B.P., Murodi N. On the Issue Concerned with the Notion of Teaching Methods in the Didactical System. *Designing. An Experience. Result*. 2021. No 4, pp. 15–17. EDN SVEIMN.

Braun V., & Clarke V. Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*. 2006. No 3(2), pp. 77–101.

Chen H., & Yang L. Scaffolding Strategies in Teaching Chinese as a Foreign Language: A Sociocultural Perspective. *Journal of Language Teaching and Research*. 2019. No 10(4), pp. 747–755.

Davison C., & Leung C. Current Issues in English Language Teacher-based Assessment. *TESOL Quarterly.* 2009. Vol. 43. No 3, pp. 393–415.

Everson M.E., & Shen H.H. Investigating the Reading Development of Adolescent Learners of Chinese as a Foreign Language. *The Modern Language Journal*. 2010. Vol. 94. No 2, pp. 245–264.

Everson M. E., & Xiao Y. Teacher Education and Teacher Efficacy for K-12 Chinese Language Programs. *Journal of the Chinese Language Teachers Association*. 2012. Vol. 47. No 3, pp. 1–24.

Han Y. Implementing Content and Language Integrated Learning (CLIL) in a Chinese Primary School: A case study. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2015. Vol. 18. No 4, pp. 430–447.

Lai C., & Gu M. Self-regulated Out-of-class Language Learning with Technology: Issues and challenges. *ReCALL*. 2011. Vol. 23, No 3, pp. 253–271.

Leung C. Theoretically Informed Literacy Pedagogy: What Makes a Difference to the Learning of Young L2 Learners? *Journal of Second Language Writing*. 2017. Vol. 37, pp. 1–12.

Li J. Effects of Total Physical Response (TPR) on Young Learners' Acquisition of Chinese Verbs. *Journal of the National Council of Less Commonly Taught Languages*. 2012. No 11, pp. 135–156.

Lin C.H., & Lu W.C. Developing Young EFL Learners' Oral Proficiency through Storytelling and Process Drama. *RELC Journal*. 2017. Vol. 48. No 1, pp. 85–100.

Lo Y.Y., & Murphy V.A. Vocabulary Knowledge and Growth in Immersion and Regular Language-learning Programmes in Hong Kong. *Language and Education*. 2010. Vol. 24. No 3, pp. 215–231.

Rashidova D.A., Ashrapov B.P. The Leader of the Nation Emomali Rahmon's Contribution into Enactment of Programme of Foreign Languages. *Herald of the Pedagogical University*. 2022. No 3(98), pp. 85–88. EDN CMKVYU.

Rea-Dickins P. Mirror, Mirror on the Wall: Identifying Processes of Classroom assessment. *Language Testing*. 2001. Vol. 18. No 4, pp. 429–462.

Shen H.H. Teaching Chinese Characters to Young Learners: Research and Practice. *Journal of the Chinese Language Teachers Association*. 2013. Vol. 48. No 2, pp. 1–24.

Shu H., & Anderson R.C. Role of Radical Awareness in the Character and Word Acquisition of Chinese Children. Reading Research Quarterly. 1997. Vol. 32. No 1, pp. 78–89.

Sun S. Review of Technology Integration in K-12 Mandarin Chinese Instruction. *Journal of Technology and Chinese Language Teaching*. 2019. Vol. 10. No 1, pp. 1–19.

Swain M. The Output Hypothesis: Theory and Research. In: Handbook of research in second language teaching and learning / E. Hinkel (Ed.). Lawrence Erlbaum. 2005, pp. 471–483.

Wang L. Pedagogical Strategies for Teaching Mandarin Tones to Young English-speaking Learners. *Chinese as a Second Language*. 2015. Vol. 50. No 2, pp. 135–160.

Xu Q., & Wu X. Integrating Culture into Language Teaching: A Case Study of a Primary School Chinese Curriculum. *Language, Culture and Curriculum*. 2014. Vol. 27. No 1, pp. 47–63.

Zhang G.X., & Li L.M. Chinese Language Education in the World: Policies, Practices, and Prospects. *Language Policy*. 2018. Vol. 17. No 3, pp. 295–306.

Zhao J., & Liu Y. Perceiving and Producing Mandarin Tones by Young L2 Learners: The Role of Explicit Instruction and Multi-sensory Input. J*ournal of Second Language Pronunciation*. 2020. Vol. 6. No 1, pp. 88–112.

Zhu X., & Li W. Task-based Language Teaching in Chinese Primary Schools: Opportunities and Challenges. *Chinese Language Teaching Methodology and Technology*. 2017. Vol. 1. No 1, pp. 25–38.

Сведения об авторе:

Эминджон Абдунабиевич Азимов,	Eminjon A. Azimov,
ст. преподаватель	Senior Lecturer
факультет восточных языков	Faculty of Oriental Languages
Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова	Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov

eminjon_tj@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-88-96

М.А. Окилова (Худжанд, Республика Таджикистан)

Способы повышения грамотности студентов технических вузов Республики Таджикистан на уроках русского языка

Аннотация: В статье рассматривается важность повышения грамотности студентов технических вузов Республики Таджикистан при изучении русского языка как ключевой компетенции для успешной профессиональной деятельности. Обосновывается актуальность проблемы на фоне недостаточного уровня навыков владения языком, низкой мотивации студентов и отсутствия квалифицированных преподавателей. Предлагаются разнообразные методы для улучшения грамотности, включая внедрение мультимедийных технологий, создание языковых клубов, проведение вебинаров и семинаров, а также активное использование практического подхода на занятиях. Статья подчеркивает необходимость комплексного подхода и важность создания мотивационной среды для эффективного овладения русским языком, что в конечном итоге будет способствовать успешной карьере молодежи и обеспечению квалифицированных специалистов для экономики страны.

Ключевые слова: грамотность, русский язык, технические вузы, Республика Таджикистан, профессиональная деятельность, студенты, мотивация, мультимедийные технологии, языковая среда, обучение

M.A. Okilova (Khujand, Tajikistan Republic)

Ways of Improving Literacy of Students of Technical Universities of the Tajikistan Republic in Russian Language Classes

Abstract: The article dwells on the importance of improving the literacy of Russian language among students of technical universities of the Republic of Tajikistan as a key competence for successful professional activity. The urgency of the problem against the background of insufficient level of language skills, low motivation of students and lack of qualified teachers is substantiated. Various methods for improving literacy are proposed, including the introduction of multimedia technologies, the creation of language clubs, webinars and seminars, as well as the active use of a practical approach in classes. The article emphasizes the need for a comprehensive approach and the importance of creating a motivational environment for effective mastery of the Russian language, which will ultimately contribute to the successful careers of young people and provide qualified professionals for the country's economy.

Key words: literacy, Russian language, technical universities, Tajikistan Republic, professional activity, students, motivation, multimedia technologies, language environment, training

В современном мире грамотность любого человека и квалифицированного специалиста в частности является одной из важнейших компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности. В современных условиях иноязычное общение становится существенным компонентом будущей профессиональной деятельности специалиста [2; 3; 4]. Особенно это актуально для студентов технических вузов, осваивающих свою специальность, работающих наряду с учебой и часто сталкивающихся с необходимостью составления документации, написания отчетов, научных статей и общения с иностранными партнерами. Низкая грамотность студентов технических вузов является серьезной проблемой, влияющей на успешность обучения и будущую профессиональную деятельность. В Республике Таджикистан, где русский язык занимает важное место как язык межнационального общения и профессиональной сферы, повышение грамотности студентов на занятиях русского языка становится важной задачей [14: 15; 15: 85–88].

Русский язык в Таджикистане – это не только язык обучения и работы, но и средство общения между представителями различных народов внутри страны, в ближнем и дальнем зарубежье. Поэтому важно, чтобы студенты технических вузов овладевали грамотной речью на русском языке, что поможет им не только в учебе, но и в дальнейшей профессиональной жизни [10; 11].

По данным исследований, уровень грамотности студентов в данной сфере оставляет желать лучшего, что подчеркивает необходимость внедрения новых подходов к обучению.

В основе формировании грамотности у студентов технических вузов лежит функциональная грамотность, т. е. способность применять полученные знания и навыки для решения практических задач в области техники и технологий, а также для эффективного взаимодействия в профессиональной среде. В широком смысле функциональная грамотность – это способность человека использовать знания, навыки и умения, приобретенные в процессе обучения, для решения широкого круга жизненных задач, в том числе и в профессиональной сфере, «это уровень знаний, умений и навыков, обеспечивающий нормальное функционирование личности в системе социальных отношений, который считается минимально необходимым для осуществления жизнедеятельности личности в конкретной культурной среде» [1]. Функциональная грамотность является социально-экономическим явлением, связанным с благосостоянием населения и государства в целом [6: 3–17].

Для студентов технических специальностей функциональная грамотность означает:

– умение применять теоретические знания на практике: к ним относится способность решать инженерные задачи, используя математический аппарат, физические законы, принципы работы технических устройств;

– навыки работы с технической документацией (умение читать и понимать чертежи, схемы, инструкции, спецификации, стандарты);

– умение анализировать и решать проблемы (способность находить и устранять неисправности в оборудовании, разрабатывать новые технические решения);

– навыки командной работы и коммуникации (умение работать в коллективе, четко излагать свои мысли, представлять результаты работы);

– способность к обучению и самообразованию (умение самостоятельно находить и усваивать новую информацию, следить за развитием науки и техники).

Процесс обучения специалистов должен быть ориентирован на развитие компетентностей, способствующих реализации концепции «образование через всю жизнь» [7: 120].

Основными компонентами функциональной грамотности являются: читательская, математическая, естественно-научная, финансовая грамотность, глобальные компетенции, креативное мышление.

Читательская грамотность, применительно к техническим специальностям, подразумевает: понимание технической терминологии, умение извлекать информацию из различных источников, анализ и критическое осмысление технической информации, навыки работы с графической информацией, способность применять полученные знания в практической деятельности.

В целом, функциональная и читательская грамотность тесно взаимосвязаны и являются ключевыми факторами успешной профессиональной деятельности студентов технических специальностей. Развитие этих навыков позволяет будущим инженерам, техникам и другим специалистам эффективно решать сложные задачи, адаптироваться к меняющимся условиям и добиваться успеха в своей карьере.

Кроме этого, существуют социокультурные факторы, влияющие на уровень языковой подготовки. Они включают языковую политику государства, статус таджикского языка в обществе, влияние русского языка и других иностранных языков, а также культурные и исторические особенности страны:

– языковая политика государства (государственная языковая политика, направленная на поддержку и развитие таджикского языка как государственного, играет ключевую роль в формировании языковой среды и мотивации к изучению языка; в то же время наличие русского языка как языка межнационального общения и изучение английского и других иностранных языков также влияет на выбор и уровень языковой подготовки);

– восприятие таджикского языка как родного, языка образования, делопроизводства и культуры влияет на мотивацию к его изучению. Если таджикский язык воспринимается как основной язык общения и развития, это способствует более глубокому и осознанному изучению;

– влияние русского языка как межнационального и других иностранных языков становится все более актуальным в условиях глобализации. Выбор и уровень изучения этих языков также оказывает влияние на языковую подготовку;

– влияние миграции на языковую среду и выбор языков для изучения;

– роль семьи в формировании языковых предпочтений и мотивации к изучению языка;

– образовательная система (качество преподавания языка, наличие соответствующих учебных материалов и квалифицированных преподавателей).

Уровень языковой подготовки в Таджикистане формируется под влиянием сложного взаимодействия различных социокультурных факторов, которые необходимо учитывать при разработке образовательных программ и языковой политики.

Существует несколько основных проблем, которые затрудняют процесс повышения грамотности студентов:

– недостаточность базового русского языка, ученики школ недостаточно изучают русский язык, хотя он есть в школьной программе (но часов по русскому языку мало);

– выпускники дальних районов, изучая государственный таджикский язык, мало времени уделяют изучению русского языка, хотя в основном жители из районов едут в трудовую миграцию в Россию;

– нехватка практики (отсутствие языковой среды): студенты часто не имеют возможности активно использовать русский язык в повседневной жизни;

– низкий уровень мотивации: многие студенты считают изучение языка рутинным и не видят его практической ценности для своей профессиональной деятельности;

– отсутствие квалифицированных преподавателей: не все преподаватели обладают достаточной подготовкой для эффективного обучения;

– недостаток методических материалов: существует нехватка современных и доступных учебников и пособий, учитывающих специфику технической сферы.

В Республике Таджикистан русский язык сохраняет важную роль как язык межнационального общения, что обуславливает особенности его преподавания в школах и вузах. В школах русский язык изучается как обязательный предмет, причем уделяется внимание как развитию навыков устной и письменной речи, так и формированию общекультурной компетенции учащихся. В вузах русский язык может изучаться как профильный предмет для определенных специальностей, а также как язык, необходимый для доступа к научной и образовательной литературе, межкультурной коммуникации. В целом преподавание русского языка в Таджикистане имеет свои особенности, обусловленные его ролью как языка межнационального общения и необходимостью интеграции в мировое образовательное и научное пространство [12: 12–14; 13: 15–17].

Специфика языковых и речевых навыков для студентов технических вузов в Таджикистане включает в себя владение родным и русским языками на уровне, необходимом для обучения и работе по специальности, а также способность понимать и использовать межнациональный русский и иностранные языки, в первую очередь английский, для профессиональной деятельности и научных исследований. В частности, студентам необходимы навыки академического письма и устной речи, умение работать с технической документацией, вести деловую переписку, участвовать в конференциях и семинарах, а также свободно общаться с коллегами и специалистами из других стран.

Русский язык играет ключевую роль в формировании общекультурной и профессиональной компетенции, являясь средством коммуникации, познания и самовыражения. Он обеспечивает доступ к богатому культурному наследию, способствует развитию критического мышления и формированию профессиональных навыков.

Формирование коммуникативной компетенции у студентов технических вузов в Таджикистане при обучении русскому языку имеет свои особенности, связанные с интеграцией языка в профессиональную деятельность. Необходимо учитывать специфику технических специальностей и создавать условия для развития умений, необходимых для эффективного общения в профессиональной сфере. Успешное формирование коммуникативной компетенции предполагает развитие всех четырех видов речевой деятельности: говорения, аудирования, чтения и письма [5].

В образовательных учреждения Таджикистана должно уделяться особое внимание развитию языковых и речевых навыков студентов технических специальностей, чтобы подготовить их к успешной карьере в современном мире, где знание иностранных языков и способность к эффективному общению являются ключевыми факторами успеха.

В настоящее время в нашем вузе обучение направлено на формирование коммуникативной компетенции, позволяющей студентам эффективно использовать язык в профессиональной сфере. Это включает в себя не только знание грамматики и лексики, но и умение применять язык в различных коммуникативных ситуациях, характерных для технических специальностей, т. е. оно должно быть тесно связано с будущей профессиональной деятельностью студентов. Это означает, что учебные материалы и задания должны отражать реальные ситуации, с которыми студенты столкнутся в своей карьере [8].

Особое внимание уделяется развитию навыков русской устной и письменной речи, умению вести деловую переписку, понимать и представлять техническую информацию, а также навыкам работы в команде при использовании русского языка.

Рассмотрим особенности формирования коммуникативной компетенции в технических вузах при обучении русскому языку в Таджикистане. Для этого нужно учесть специфику профессиональной коммуникации.

В рамках коммуникативной компетенции важно учитывать социокультурные особенности языка, на котором общаются специалисты в данной области. В технических вузах особое внимание уделяется развитию навыков говорения и письма, так как именно эти навыки наиболее востребованы в профессиональной деятельности. Знание правил этикета, понимание культурных особенностей делового общения и умение адаптироваться к различным ситуациям общения являются важными элементами коммуникативной компетенции. Обучение русскому языку должно быть направлено на формирование умений, необходимых для общения в конкретной профессиональной сфере. Формирование коммуникативной компетенции предполагает не только овладение грамматикой и лексикой иностранного языка, но и развитие умений использовать язык для решения профессиональных задач. Например, студенты должны уметь читать и понимать техническую литературу, писать отчеты о проделанной работе, вести переговоры с иностранными партнерами. Так, студенты-архитекторы должны хорошо знать терминологию по архитектуре и дизайну, уметь общаться с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья; студенты-программисты учатся понимать язык программирования, пишут программы и должны уметь общаться со своими партнерами из других стран и т. д и т. п.

Обучение русскому языку должно быть тесно связано с изучаемыми профессиональными дисциплинами. Это может быть использование аутентичных текстов по специальности, таких как статьи из технических журналов, видеоматериалы, презентации, что позволяет студентам познакомиться с реальным языком, используемым в профессиональной сфере; учебных материалов, связанных с будущей специальностью, или проведение занятий по русскому языку на базе лабораторий и мастерских. Кроме этого, важно уделять внимание развитию навыков письменной речи, так как в профессиональной деятельности часто требуется составление отчетов, технических описаний, написание научных статей. В случае возникновения трудностей в процессе общения, студенты должны уметь использовать ком-

пенсаторные стратегии, такие как перефразирование, использование синонимов, жестов и мимики для поддержания коммуникации [9].

В Таджикистане, где русский язык имеет статус языка межнационального общения, необходимо формировать у студентов межкультурную компетенцию, т. е. умение понимать и учитывать культурные особенности русскоговорящих людей.

Необходимо создавать условия для практического применения полученных знаний и умений, например: проведение ролевых игр, симуляций профессиональных ситуаций, организация стажировок, привлечение носителей языка для проведения занятий, мастер-классов, консультаций.

Одной из важных задач является мотивация студентов к изучению русского языка, так как понимание его значимости для будущей профессиональной деятельности повышает эффективность обучения. Недостаточное практическое применение, сложная грамматика и произношение, что ведет к трудности в общении, обучении и трудоустройстве вследствие недостаточного знания русского языка, неуверенность в себе и своих способностях негативно сказываются на мотивации студентов к изучению русского языка.

В целом нужно разрабатывать и применять задания, направленные на формирование функциональной и читательской грамотности, и основными их принципами должны быть контекстуализация, комплексность, межпредметность, разнообразие форматов, дифференциация, рефлексия, анализ текста и его интерпретация, коммуникация, креативное мышление, включение в учебный процесс. Нужно выполнять упражнения на формирование навыков письменной речи (написание рефератов, аннотаций, отчетов, научных статей), навыков устной речи (доклады, презентации, участие в дискуссиях).

Рассмотрим несколько способов повышения грамотности у студентов всех вузов, в конкретном случае – технических вузов Республики Таджикистан.

Во-первых, интеграция технологий в обучение является одним из способов повышения грамотности на уроках русского языка. Для создания интерактивных уроков можно использовать мультимедийные технологии и интернет-ресурсы. Это может включать в себя использование видеоматериалов, онлайн-курсов и приложений для изучения языка. Такие виды занятий повысят мотивацию студентов и сделают процесс обучения более интересным.

Во-вторых, проведение вебинаров и онлайн-лекций с приглашенными специалистами из разных областей тоже является одним из способов повышения уровня владения русским языком.

В-третьих, создание искусственной языковой среды также является одним из способов изучения русского языка. Организация языковых клубов и объединений по интересам, где студенты могут обсуждать различные темы на русском языке в неформальной обстановке, поможет в решении этой проблемы.

Еще одним из способов изучения языка является проведение конференций и семинаров, посвященных актуальным вопросам в области техники и технологий, с использованием русского языка в качестве основного языка общения.

Кроме того, активное использование практического подхода на уроках русского языка, т. е. внедрение практических заданий, связанных с профессиональной деятельностью студентов: написание проектов, составление отчетов, разработка технической документации, проведение ролевых игр и ситуационных задач, которые помогают студентам применять свои знания языка в реальных ситуациях, являются способами овладения русским языком в качестве основного на занятиях

в техническом вузе. Обучение русскому и иностранному языкам в технических вузах должно быть направлено на развитие активности и самостоятельности студентов, что позволит им в дальнейшем эффективно использовать язык в своей профессиональной деятельности.

На занятиях по русскому языку очень важно формировать мотивацию студентов: приводить примеры успешного использования русского языка в жизни специалистов из сферы обучаемых студентов; внедрять игровые методы в обучении русскому языку для повышения интереса студентов к изучению языка.

Проведение регулярных тестирований и контрольных работ для оценки уровня грамотности студентов поможет в обучении русскому языку и корректировке учебного процесса в зависимости от результатов. Для мотивации студентов можно использовать различные формы оценки, включая самооценивание, что позволит им осознать свои достижения и пробелы, требующие восполнения.

Есть еще некоторые предложения, которые помогут студентам овладеть русским языком в полной мере, поднимут мотивацию и дадут возможность использовать его на практике, – это организация обменных программ с русскоязычными вузами, что позволит студентам применять свои знания в естественной среде общения, партнерство с русскими вузами для проведения совместных проектов и исследований.

Таким образом, повышение грамотности студентов технических вузов Республики Таджикистан на уроках русского языка является актуальной задачей, требующей комплексного подхода. Современные технологии, интеграция практических заданий и создание мотивационной среды могут значительно помочь в этом процессе. Только тогда студенты смогут эффективно овладеть языком, что в дальнейшем положительно скажется на их профессиональной деятельности и социальной адаптации. Нужно отметить, что большую роль играют и опытные преподаватели, учитывающие интересы и потребности студентов: они смогут создать эффективную образовательную среду, способствующую развитию грамотности и успешной карьере молодежи в условиях глобализации. Все вышеуказанные способы, в той или иной степени, могут помочь в повышении уровня грамотности при изучении русского языка в технических вузах и повысить квалификацию выпускника-инженера и тем самым обеспечить производства Республики Таджикистан квалифицированными специалистами.

Формирование коммуникативной компетенции у студентов технических вузов в Таджикистане при обучении русскому языку должно быть направлено на развитие умений, необходимых для успешной профессиональной деятельности в условиях многоязычного и многокультурного мира; это сложный процесс, который требует комплексного подхода и учета специфики технических специальностей. Успешное формирование коммуникативной компетенции позволит выпускникам технических вузов быть конкурентоспособными на рынке труда и активно взаимодействовать с иностранными партнерами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009. 448 с.

2. *Бибикова Э.В.* Теоретико-методологические основы иноязычной коммуникативной компетентности будущих экологов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2010. №2. С. 17–20.

3. *Кудрявцева Н.И.* Мотивация к изучению языка как фактор достижения успеха. Томск: ТГУ, 2018. 120 с.

4. *Мальцева О.Ю.* Проблемы и перспективы преподавания русского языка в техническом университете. СПб.: СПбГУ, 2019. 300 с.

5. *Солодкова А.В.* Мультимедийные технологии в обучении иностранным языкам: источники, возможности, перспективы. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2021. 240 с.

6. *Тангян С.А*. «Новая грамотность» в развитых странах // Советская педагогика. 1990. № 1. С. 3–17.

7. *Фролова П.И.* Формирование функциональной грамотности студентов технического вуза в процессе изучения гуманитарных дисциплин // Омский научный вестник. 2021. № 5(72). С. 120–125.

8. *Калинина Г.А.* Формирование коммуникативной компетенции в процессе изучения иностранному языку: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kommunikativnoy-kompetentsii-v-protsesse-obucheniya-inostran-nomu-yazyku (дата обращения: 12.09.2025).

9. *Рахматова О.К., Косимова Д.Р.* Актуальные проблемы преподавания русского языка в технических вузах: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-prepodavaniya-russkogo-yazyka-v-tehnicheskih-vuzah (дата обращения: 12.09.2025).

10. *Ashrapov B.P.* Effectiveness of Video Materials for Foreign Language Teaching // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. № 4-1(67). P. 74–76. DOI 10.24412/2500-1000-2022-4-1-74-76; EDN OHJHPN.

11. *Ashrapov B.P.* Foreign Language Learning Strategies // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85-5. P. 64–66. DOI 10.18411/trnio-05-2022-201; EDN DTCTJA.

12. *Ashrapov B.P.* On the Issue Concerned with Communicative Culture and Its Impact on Students' Personal Development // Designing. An Experience. Result. 2021. № 4. P. 12–14. EDN FNVORT.

13. *Ashrapov B.P., Dodokhojaeva P.I.* On the Issue Concerned with Communicative Competence of Students of Foreign Languages Faculties // Образование от "А" до "Я". 2021. № 3. P. 5–6. EDN FGDDWY.

14. *Ashrapov B.P., Murodi N.* On the Issue Concerned with the Notion of Teaching Methods in the Didactical System // Designing. An Experience. Result. 2021. № 4. P. 15–17. EDN SVEIMN.

15. *Rashidova D.A., Ashrapov B.P.* The Leader of the Nation Emomali Rahmon's Contribution into Enactment of Programme of Foreign Languages // Herald of the Pedagogical University. 2022. № 3(98). P. 85–88. EDN CMKVYU.

REFERENCES

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. (2009) New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching). Moscow. Ikar Publ. 448 p.

2. Bibikova E.V. Theoretical and Methodological Foundations of Foreign Language Communicative Competence of Future Ecologists. *The Bulletin of the Adyghe State University. Series "Pedagogy and Psychology"*. 2010. No 2, pp. 17–20.

3. Kudryavtseva N.I. (2018) Motivation to Language Learning as a Success Factor. Tomsk. TSU Press. 120 p.

4. Mal'tseva O.Yu. (2019) Problems and Prospects of Teaching Russian Language in a Technical University. St. Petersburg. SPbGU Press. 300 p.

5. Solodkova A.V. (2021) Multimedia Technologies in Foreign Language Teaching: Sources, Opportunities, Prospects. Yekaterinburg. UGTU-UPI Press. 240 p.

6. Tangyan S.A. “New Literacy” in Developed Countries. *Sovetskaya Pedagogika*. 1990. No 1, pp. 3–17.

7. Frolova P.I. Formation of Functional Literacy of Technical University Students in the Process of Studying Humanitarian Disciplines. *Omsk Scientific Bulletin*. 2021. No 5(72), pp. 120–125.

8. Kalinina G.A. Formation of Communicative Competence in the Process of Learning a Foreign Language]: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kommunikativnoy-kompetentsii-v-protsesse-obucheniya-inostran-nomu-yazyku (date accessed: 12.09.2025).

9. Rakhmatova O.K., Kosimova D.R. Actual Problems of Teaching Russian Language in Technical Universities: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-prepodavaniya-russkogo-yazyka-v-tehnicheskih-vuzah (date accessed: 12.09.2025).

10. Ashrapov B.P. Effectiveness of Video Materials for Foreign Language Teaching. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022. No 4-1(67), pp. 74–76. DOI 10.24412/2500-1000-2022-4-1-74-76; EDN OHJHPN.

11. Ashrapov B.P. Foreign Language Learning Strategies. *Trends in the Development of Science and Education*. 2022. No 85-5, pp. 64–66. DOI 10.18411/trnio-05-2022-201; EDN DTCTJA.

12. Ashrapov B.P. On the Issue Concerned with Communicative Culture and Its Impact on Students’ Personal Development. *Designing. An Experience. Result.* 2021. No 4, pp. 12–14. EDN FNVORT.

13. Ashrapov B.P., Dodokhojaeva P.I. On the Issue Concerned with Communicative Competence of Students of Foreign Languages Faculties. *Obrazovanie from “A” to “Ya”*. 2021. No 3, pp. 5–6. EDN FGDDWY.

14. Ashrapov B.P., Murodi N. On the Issue Concerned with the Notion of Teaching Methods in the Didactical System. *Designing. An Experience. Result*. 2021. No 4, pp. 15–17. EDN SVEIMN.

15. Rashidova D.A., Ashrapov B.P. The Leader of the Nation Emomali Rahmon’s Contribution into Enactment of Programme of Foreign Languages. *Herald of the Pedagogical University*. 2022. No 3(98), pp. 85–88. EDN CMKVYU.

Сведения об авторе:

Мохира Алиджановна Окилова,
ст. преподаватель
кафедра иностранных языков
Худжандский политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М.С. Осими

Mohira A. Okilova,
Senior Lecturer
Foreign Languages Department
Khujand Polytechnic Institute of Tajik Technical University named after academician M.S. Osimi

akilova-mohira@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-97-107

Д.С. Мансурова, Н.М. Мансурзода (Душанбе, Республика Таджикистан)

Влияние персидских и таджикских гуманистических учений на методы преподавания в начальной школе

Аннотация: В современных образовательных учреждениях вопрос гуманизма всё чаще обсуждается в контексте преподавания учебных предметов и проведения воспитательных мероприятий. Идеи гуманизма, воплощенные в трудах выдающихся мыслителей Таджикистана и Персии, играют ключевую роль в воспитании нравственных и гуманистических ценностей у детей. Эти идеи помогают формировать у школьников уважение к личности, ответственность за свои действия и понимание социальной справедливости. В дальнейшем важно продолжать использовать эти богатые традиции для создания образовательных программ, направленных на всестороннее развитие личности учащихся.

Ключевые слова: гуманизм, человеческое достоинство, межличностные отношения, таджикский гуманизм, равенство, свобода, социальная справедливость, воспитание, образовательные учреждения, нравственные качества, традиции, мыслители

D.S. Mansurova, N.M. Mansurzoda (Dushanbe, Tajikistan Republic)

The Influence of Persian and Tajik Humanistic Teachings on Teaching Methods in Primary School

Abstract: In modern educational institutions, the issue of humanism is increasingly discussed in the context of teaching academic subjects and conducting educational activities. The humanistic ideas embodied in the works of outstanding thinkers from Tajikistan and Persia play a key role in the education of moral and humanistic values in children. These ideas help shape students' respect for the individual, responsibility for their actions, and an understanding of social justice. It is important to continue using these rich traditions to create educational programs that focus on the comprehensive development of students' personalities.

Key words: humanism, human dignity, interpersonal relations, Tajik humanism, equality, freedom, social justice, education, educational institutions, moral qualities, traditions, thinkers

Гуманизм, как философия и мировоззрение, служит основой для развития человечества на протяжении всей истории. Его идеи находят отражение в стремле-

нии к созданию справедливого и равноправного общества, где каждый человек имеет право на уважение, свободу и возможности для самовыражения. В условиях глобализирующегося мира, где преобладают разнообразные культурные и социальные традиции, гуманизм остается актуальной ценностью, призывающей к уважению человеческого достоинства и прав личности. Он направлен на развитие моральных и этических принципов, обеспечивающих гармонию в отношениях между людьми и поддерживающих ценность личности как центрального элемента общества [1: 100; 16: 85–88].

Основанная на признании ценности и достоинства каждого человека, идея гуманизма заключается в уважении к личной свободе и правам индивида. Это учение представляет собой фундамент для формирования нравственных и этических норм, позволяющих выстраивать отношения между людьми, и становятся основой их взаимодействия. Гуманизм активно пропагандирует такие ценности, как взаимопонимание, толерантность и справедливость, что способствует созданию общества, в котором учитываются интересы каждого его члена.

В процессе исторического развития гуманистические идеи принимали разные формы и оказывали влияние на различные социальные и культурные движения, зависимые от политической и экономической ситуации того времени. Например, в древнегреческой и римской цивилизациях гуманизм развивался в контексте философии, искусства и политической теории. В период Ренессанса гуманистическое мировоззрение вновь получило широкое распространение, когда внимание людей сосредоточилось на ценности человеческой личности, ее возможностях и правах [2; 3; 15].

Однако в феодальных и рабовладельческих обществах гуманизм нередко использовался как инструмент для легитимизации власти правящих слоев. В этих условиях гуманистические идеи становились идеологической основой, поддерживающей интересы аристократии и феодалов, часто укрепляя существующие социальные и экономические структуры. Такие структуры препятствовали достижению равенства и справедливости, поскольку гуманизм служил целям сохранения социального порядка и укрепления властных позиций правящих классов. В этих обстоятельствах идеи гуманизма ограничивали возможности для реализации реальных социальных изменений и развития равенства прав личности.

Таким образом, несмотря на то что гуманизм является универсальной ценностью, его проявления в разных исторических и социальных контекстах имели различные формы и значения. В некоторых случаях он служил интересам определенных слоев общества, а в других – становился источником вдохновения для борьбы за права и свободы каждого человека.

Такой подход дает более широкое представление о том, как идеи гуманизма развивались и менялись в зависимости от исторического контекста, а также о том, как эти идеи могли быть использованы в разных социально-политических системах.

Гуманизм таджикского народа имеет свои корни еще с самых древних времен. Этот гуманизм выражается в тех идеях и учениях, которые проповедовали такие выдающиеся личности, как Каюмарс и Джамшед, Рустам и Сиявуш, Заратустра и Ману, Бузургмехр и Справедливый Нушерван, Рудаки и Фирдоуси, Шайх Аттор, Абдурахмон Джами, Хусейн Воизи Кошифи, Мирзо Абдулкадир Бедил, Ахмади Дониш, устод Садриддин Айни и Мирзо Турсунзода. Эти великие мыслители и поэты не жалели сил и жизни на благо свободы и равенства, уважения человечес-

кой личности, ее достоинства и положения в обществе. Они боролись против социальных различий, пытаясь ликвидировать несправедливость и принести гармонию и равенство в общественные отношения [5].

Гуманизм таджикского народа, как и многих других восточных цивилизаций, имеет глубокие исторические корни, восходящие к древним временам. Важно подчеркнуть, что гуманистические идеи, распространенные среди мыслителей и деятелей культуры Таджикистана, не только служили основой для духовного развития народа, но и были инструментом для борьбы за справедливость, равенство и уважение человеческого достоинства.

От первых известных фигур древнеиранской мифологии и философии, таких как Каюмарс и Джамшед, до более поздних великих личностей, таких как Рустам и Сиявуш, гуманизм был неотъемлемой частью таджикской культурной и интеллектуальной традиции. В эпоху Заратустры и Ману, когда была разработана концепция нравственных норм и общественного порядка, уже заложились основы гуманистических ценностей, которые подчеркивали важность равенства и уважения к каждому человеку. Эти идеи будут развиваться и преобразовываться в дальнейшем [4; 14].

Заратустра (или Зороастр) стал одним из первых философов, который говорил о важности моральных принципов, таких как добродетель и борьба с несправедливостью. Его учение оказало значительное влияние на многие культуры, в том числе на таджикскую. Вместе с тем фигуры вроде Бузургмехра и Справедливого Нушервана символизируют стремление к созданию справедливого общества, где забота о благосостоянии народа и каждого его члена стоит на первом месте.

В средневековый период гуманизм приобрел новый импульс через выдающихся поэтов и ученых, таких как Рудаки, Фирдоуси и Шайх Аттор. Эти мыслители поднимали важные вопросы о правде, гуманности и месте человека в мире. Через поэзию и литературу они пропагандировали идеалы, где каждый человек имеет право на свободу и уважение, а также утверждали ценность внутреннего мира человека.

Абдурахмон Джами, как один из крупнейших представителей персидской литературы, продолжил развивать идеи гуманизма в своих произведениях, в которых он акцентировал внимание на нравственных и моральных качествах личности. Эти идеи нашли свое продолжение у таких мыслителей, как Хусейн Воизи Кошифи, который также стремился воплотить гуманистические ценности в своей философии и поэзии.

Мирзо Абдулкадир Бедил и Ахмади Дониш продолжили развивать идеи гуманизма в контексте восточной философии и культуры. Их работы, наполненные глубокими размышлениями о смысле жизни и месте человека в мире, способствовали развитию духовной и культурной самобытности таджикского народа.

В XX в. гуманистические идеи получили дальнейшее развитие благодаря выдающимся личностям, таким как устод Садриддин Айни и Мирзо Турсунзода. Эти деятели литературы и культуры были не только великими творцами, но и активными борцами за права человека, за справедливость и социальное равенство. Они оставили богатое наследие, которое продолжает вдохновлять будущие поколения на борьбу за свободное и справедливое общество [7; 8; 13].

Таким образом, гуманизм таджикского народа, начиная с самых древних времен, через свою литературу, философию и культуру, олицетворяет стремление к справедливости, равенству и уважению к человеческому достоинству. Вклад каж-

дого из этих великих мыслителей в развитие гуманистических ценностей является важной частью культурного наследия, которое продолжает жить и развиваться в современном Таджикистане.

Можно отметить, что эту святую задачу поэты и писатели Ахам считают своей миссией, посвятив свое духовное наследие данной теме. Следует также отметить, что на входе в ЮНЕСКО высечены слова великого гуманиста классической персидско-таджикской литературы Саади:

Бани одам аъзои якдигаранд,
Ки дар офариниш зи як ҷавҳаранд...

На самом деле, изменение общества, что проявляется в быстром формировании духовного облика человека, создании его морально-гуманистических и социальных качеств, направлено на решение проблем и достижение положительных результатов в таких областях, как национальная экономика, демократизация общества, повышение материального благосостояния людей, решение актуальных социальных вопросов, территориальных и глобальных проблем, экологических вызовов и международной политики.

Следует отметить, что в оценке современного гуманизма отражены все достижения идей, присущих прошлым эпохам, а также основные принципы ценности человеческой личности. Основная цель гуманистического принципа заключается в том, чтобы прекратить эксплуатацию человека человеком, а также избавиться от страха, угнетения и социальных и политических неравенств. Это подразумевает отказ от насилия и жестокости, установление справедливости и равенства в обществе, что является основой для гармоничного развития как индивидов, так и всего общества в целом.

Важной частью современного гуманизма является стремление создать такие условия, в которых каждый человек может реализовать свой потенциал и быть свободным от социальных и политических оков. Гуманизм, в свою очередь, ориентирован на идею, что человек, независимо от его социальной, этнической или национальной принадлежности, достоин уважения и внимания, а общество должно создавать возможности для полноценного развития личности, способствовать социальной интеграции и обеспечивать равенство всех перед законом и обществом [9].

Поэтому, гуманизм остается основой для создания справедливого и цивилизованного общества, где главной ценностью является не только успех и развитие государства, но и благополучие каждого человека.

Вопрос о месте человека и его благополучии, гуманизме и человечности является одной из важнейших тем в произведениях философов и мыслителей.

Величие человека было воспето многими великими мыслителями мира, они писали оды, создавали эпопеи и сочиняли произведения. Поэт Омари Хайям называл человека «драгоценным существом», «жемчужиной бытия», подчеркивая его значимость и ценность.

Мақсуд зи ҷумла офариниш моем,
Дар чашми хирад ҷавҳари биниш моем.
Ин доираи ҷаҳон чу ангуштарист,
Бе ҳеҷ шаке нақши нигинаш моем.

Важность человека как такового заключается в том, что его называют человеком. Для того чтобы отличить его от других существ, слово «человек» стало синонимом ценности и достоинства.

Основоположник классической литературы таджикского и персидского языков Абуабдулло Рудаки в своих произведениях придает особое внимание судьбе человека, его добродетелям и моральному поведению. Он постоянно изображал в своих работах разумного и мудрого человека, способного любить и наделенного глубокими гуманистическими чувствами.

Гар бар сари нафси худ амирӣ, мардӣ,
Бар куру кар ар нукта нагирӣ, мардӣ.
Мардӣ набувад фитодро пой задан,
Гар дастӣ фитодае бигирӣ, мардӣ [6].

Рудаки в своих поэмах, восхваляя царей и эмиров, старался проникнуть в их душу и направить их на путь человечности, гуманизма, благородства и щедрости по отношению к подданным. Он, будучи выдающимся гуманистом, поднимал важные социальные проблемы с целью воспитания в молодежи таких качеств, как мужество, доблесть, дружба, братство, сотрудничество, щедрость и миролюбие. Эти идеи он вложил в свои произведения, призывая к моральному и нравственному совершенствованию.

Ҳеҷ шодӣ нест андар ин ҷаҳон,
Бартар аз дидори рӯи дӯстон.
Ҳеҷ талхӣ нест бар дил талхтар,
Аз фироқи дӯстони пурҳунар [10].

Вопросы гуманизма и человеколюбия занимают особое место в произведениях классиков таджикской и персидской литературы. Отражены они в педагогических взглядах Фирдоуси. Согласно его мнению, человечество должно освободить мир от зла и тьмы, от угнетения и деспотизма. Зло всегда приносит вред самому человеку. Только совершая добрые поступки, человек может искоренить семена ненависти и вражды:

Биё то ҷаҳонро ба бад наспарем,
Ба кӯшиш ҳама дастӣ некӣ барем.

Фирдоуси видит человечество и его жизненный путь исключительно в добродетели, гуманизме и самопознании. Образ жизни человека становится значимым, если он вносит вклад в развитие экономики, культуры и духовности своего народа и нации, если он способствует прогрессу, соединяет национальные ценности с общечеловеческими идеалами.

Носири Хусрав подчеркивает, что если хочешь узнать добро и зло, понять, что правильно и что неправильно, если хочешь быть успешным в обществе и освободиться от всяких бед, то первым шагом будет познание самого себя. Он говорит: «Познай себя, знай себя». Это утверждение отражает важность самосознания как основы для морального и духовного роста личности и общества в целом.

Бидон худро, агар худро бидонӣ,
Зи худ ҳам неку ҳам бадро бидонӣ.
Шиносои вуҷуди хештан шав,
Пас он гаҳ сарфарози анҷуман шав...
Чу худ донӣ, ҳама дониста бошӣ,
Чу донистӣ, зи ҳар бад раста бошӣ.

Идеалы гуманизма в современных условиях приобретают особое значение. Согласно гуманистическим принципам, каждый человек должен искренне служить

обществу и проявлять уважение к окружающим, почитать трудящихся, быть верным своему государству и народу.

Гуманизм, с одной стороны, направлен на удовлетворение материальных и духовных потребностей человека, а с другой стороны, он предполагает акцент на искренность, доброту, любовь, милосердие, дружбу и сотрудничество. Эти качества должны быть основой для удовлетворения потребностей и желаний человека, ибо именно они определяют, каким образом человек будет взаимодействовать с окружающими, а также как он будет строить свою жизнь и отношения с другими людьми.

Гуманизм в современном мире способствует укреплению таких ценностей, как уважение, к личности, справедливость и равенство, и общество стремится создать условия для развития каждого человека, его полноценной самореализации и гармоничного существования в коллективе. Гуманистические принципы не только помогают человеку чувствовать себя частью общества, но и формируют атмосферу доверия, взаимопонимания и поддержки.

Соответственно, гуманизм в условиях современности – это не просто философия или теория, а важная составляющая практической жизни, которая влияет на развитие социальной, экономической и культурной сфер. Он вдохновляет на созидание, – на созидание общества, где каждый человек может реализовать свои потенциалы, вносить свой вклад в общественные процессы и в то же время быть уважаемым членом сообщества, заботящимся о благе других.

Пропаганда и внедрение принципов гуманизма в образовательных учреждениях происходит через систематическое изучение предметов учебной программы и проведение различных воспитательных мероприятий. Однако особенно важным этапом в процессе воспитания гуманистических качеств у детей является их дошкольный и начальный школьный возраст. Это период, когда закладываются основы моральных и этических ценностей, а также формируются такие важные качества, как уважение к личности, честность, доброта и сочувствие.

Учебные материалы начальной школы, включая учебники и различные учебные пособия, изобилуют текстами, в которых акцент делается на идеях гуманизма. Это не случайно, ведь именно в раннем возрасте необходимо начать формировать у детей осознание человеческой ценности, учить их уважать права и достоинство каждого человека. Важность этого подхода заключается в том, что гуманизм не только развивает чувства эмпатии и понимания, но и способствует воспитанию ответственности перед обществом.

В младшем школьном возрасте дети находятся в стадии активного восприятия окружающего мира, и именно в этот период они наиболее восприимчивы к моральным и этическим учениям. Эти учения закладывают основы их будущих отношений с окружающими, формируют их гражданскую позицию и понимание роли личности в обществе. Гуманистическое воспитание в этот период направлено на развитие способности детей видеть ценность и уникальность каждого человека, учить их уважению к различиям, содействию справедливости и благополучию других.

Особое внимание стоит уделить обучению детей с помощью примеров. Важно, чтобы дети не только усваивали теоретические знания о гуманистических ценностях, но и учились применять их на практике. Это включает в себя развитие у детей навыков социальной ответственности, таких как помощь нуждающимся, забота о природе, уважение к традициям и культуре других народов. Такие практические занятия помогают учащимся формировать целостное восприятие

гуманистических принципов, что в свою очередь способствует их личностному и социальному росту.

Важно отметить, что гуманистические идеи, заложенные в учебной программе на начальном этапе образования, помогают развить у детей не только умственные, но и эмоциональные навыки. Уважение к личности, способность воспринимать мир с точки зрения другого человека, склонность к решению конфликтов мирным путем – все это способствует созданию более справедливого и гармоничного общества в будущем.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что гуманистическое воспитание в школьном возрасте является основой формирования полноценной личности, обладающей высокими моральными и этическими качествами, что, в свою очередь, имеет решающее значение для дальнейшего развития общества.

Шайх Муслиҳиддини Саади Шерази является одним из тех мыслителей, которые, в соответствии с требованиями своего времени, высоко оценили понятие «гуманизм» или «человечность» с собственной точки зрения. Саади был великим гуманистом своего времени. Его социально-педагогические учения наполнены идеями гуманизма и человеколюбия. Саади всегда подчеркивал важность воспитания уважения к родителям, а также сострадания и милосердия к бедным, старикам, больным и сиротам с самого раннего возраста.

Особое внимание он уделял заботе о сиротах и бедных, считая это важнейшей задачей гуманистического воспитания. В своем произведении «Бустон», вторая глава которого полностью посвящена вопросам человеческой добродетели и альтруизма, он писал: «Помогай тем, кто в беде, ободряй тех, кто в отчаянии, ибо это – высший долг человека перед обществом». В этой части произведения Саади акцентирует внимание на ответственности за слабых и обездоленных, подчеркивая, что помощь им является важнейшей составляющей истинного гуманизма. Саади считал, что забота о бедных и немощных – это не просто моральная обязанность, но и основа благополучия и гармонии в обществе.

Данный подход к гуманизму у Саади выходил за рамки теоретических рассуждений и глубоко проникал в практическую плоскость человеческой жизни. Для него гуманизм был не просто абстрактной концепцией, а основой для построения более справедливого и сострадательного общества, где каждому человеку предоставляется возможность жить с достоинством.

Саади Шерази не ограничивался лишь теоретическими рассуждениями – он призывал людей к конкретным действиям в повседневной жизни. В своих произведениях он неоднократно возвращался к темам добродетели, справедливости, милосердия и заботы о других. Его учение оставило глубокий след в традициях воспитания и гуманистической философии, продолжая вдохновлять людей и по сей день. Это видно из его знаменитых строк, в которых он обращается к вечным ценностям человечности и сострадания:

Чу бини ятиме сарафканда пеш,
Мадеҳ бўса бар рўи фарзанди хеш.
Ятим ар бигўяд, ки нозаш харад,
В-ар хашм гирад, ки бораш барад…
Ба раҳмат бикун обаш аз дида пок,
Ба шавқат биафканаш аз чеҳра хок.
Агар сояи худ бирафт аз сараш,
Ту дар сояи худ парвараш.

Саади считает воспитание добродетели с самого раннего возраста одной из важнейших задач для родителей и учителей.

Унсурмаоли Кайкавус рассматривает суть «человечности» следующим образом: «Если ты хочешь быть самым хорошим и любимым среди людей, то, что тебе нравится, должно нравиться и другим».

Агар хоҳӣ, қадри ту бар ҷой бошад,
Қадри мардумон бишнос.
Агар хоӣ, ки беҳтарини халқ бошӣ,
Аз халқ чизе дареu мадор.

Таким образом, суть гуманизма заключается в добродетели, любви, дружбе и взаимопомощи. Как сказал Абушакур Балхи:

Зи некӣ ҳама некӣ ояд ба ҷой,
Ба некӣ диҳад низ некӣ ҷой.

Принципы гуманизма, учитывая индивидуальные отношения в педагогическом процессе, ставят в центр образовательного процесса не только программу и учебник, но и личность ученика, его требования, предпочтения и интересы как одно из основных условий. Использование таких форм деятельности, как создание исторического музея и работа с произведениями о героях, а также общение с потомками этих героев, почитание памяти предков и другие подобные мероприятия, имеют огромное воспитательное значение для формирования гуманистических взглядов.

В современных условиях в образовательных учреждениях вопрос гуманизма становится все более актуальным при изучении учебных предметов и проведении воспитательных мероприятий. В частности, гуманистический подход в содержании учебных предметов начального образования способствует развитию нравственных качеств и гуманистических ценностей у учеников. Безусловно, в этом процессе большое значение имеет наследие выдающихся мыслителей и ученых Таджикистана и Персии, так как в их произведениях гуманизм занимает важное место.

Проблема гуманизма в образовании всегда была актуальной, поскольку она затрагивает вопросы воспитания, формирования личности учащегося и его отношения к окружающему миру. В рамках нашего исследования рассмотрены были принципы гуманистического подхода в образовательном процессе, а также роль гуманистических ценностей в воспитании школьников, особенно на ранних этапах обучения [11; 12; 13].

В ходе исследования выяснилось, что гуманизм в образовании является основой для формирования не только академических знаний, но и моральных и нравственных качеств учащихся. Одним из важнейших аспектов гуманистического подхода является внимание к личности ученика, его интересам, потребностям и внутренним переживаниям. Гуманизм подчеркивает значимость уважения, справедливости, любви и сочувствия, что создает условия для развития ученика как гармоничной личности, способной активно и ответственно взаимодействовать с обществом.

Гуманистические идеи великих мыслителей и педагогов, таких как Саади, Фирдоуси, Рудаки и других, оказали значительное влияние на развитие педагогической мысли. Их работы пропагандируют идеи уважения к человеческому достоинству, взаимопомощи и терпимости. Эти ценности играют важную роль в воспитании детей, формируя у них правильное отношение к себе и окружающим.

На основе этих идей можно развивать систему образования, которая ориентирована на всестороннее развитие личности, уважение к правам и свободам других людей, а также на осознание личной ответственности.

Особое внимание в исследовании было уделено роли гуманизма в образовательном процессе в ходе преподавания различных дисциплин. В частности, в начальном и среднем образовании важно включение гуманистических идей в содержание учебных предметов, что помогает детям не только овладевать знаниями, но и развивать моральные качества. Использование проектно-исследовательской деятельности, творческих заданий, организация воспитательных мероприятий, направленных на формирование уважения и сочувствия, способствуют развитию этих ценностей у школьников.

На основе полученных результатов можно заключить, что гуманизм играет ключевую роль в современном образовательном процессе. Он не только способствует интеллектуальному развитию учащихся, но и помогает формировать их моральные ориентиры, уважение к человеческому достоинству и стремление к социальной ответственности. В дальнейшем важно продолжать исследовать и разрабатывать способы интеграции гуманистических принципов в образовательные программы, чтобы обеспечить всестороннее развитие учащихся и подготовить их к активной роли в обществе.

Таким образом, гуманизм в образовании является неотъемлемой частью воспитания, направленного на развитие учащихся как личностей, обладающих не только знаниями, но и высокими нравственными ценностями, что является основой гармоничного и справедливого общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Атахонов Т., Лутфуллоев М., Шарифов Ф.* Очеркҳои афкори педагогӣ. Душанбе: Дониш, 2005, 228 с.

2. *Афзалов Х., Раҳимов Б.* Таърихи педагогикаи халқи тоҷик. Душанбе: Ирфон, 1994, 190 с.

3. *Лутфуллоев М.* Тоҷикистони соҳибистиқлол ва масъалаҳои тарбия. Душанбе: Дониш, 2005. 205 с.

4. *Лутфуллоев М.* Дастури фаъолияти омӯзгор. Душанбе: Ирфон, 2007. 200 с.

5. *Лутфуллоев М.* Фарзанд – ҳадяи Худованд. Душанбе: Маориф, 2007. 112 с.

6. *Лихачев Б.Т.* Педагогика: курс лекций. М.: Юрайт-М, 2000. 265 с.

7. *Лутфуллоев М.* Гуманистическая педагогика. Душанбе: Маориф, 1994. 165 с.

8. *Лутфуллоев М.* Эҳёи педагогикаи Аҷам. Душанбе: Дониш, 2000. 160 с.

9. *Лутфуллозода М., Бобизода Қ.* Андешаҳо перомуни салоҳият ва ташаккули онҳо. Душанбе: Маориф, 2017. 86 с.

10. *Рӯдакӣ.* Шеърҳо / Тартибу тавзеҳи У. Каримов, С. Саъдиев. Душанбе: Ирфон, 1974. 217 с.

11. *Ashrapov B.P.* Effectiveness of Video Materials for Foreign Language Teaching // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. №4-1(67). P. 74–76. DOI 10.24412/2500-1000-2022-4-1-74-76; EDN OHJHPN.

12. *Ashrapov B.P.* Foreign Language Learning Strategies // Тенденции развития науки и образования. 2022. №85-5. P. 64–66. DOI 10.18411/trnio-05-2022-201. EDN DTCTJA.

13. *Ashrapov B.P.* On the Issue Concerned with Communicative Culture and Its Impact on Students' Personal Development // Designing. An Experience. Result. 2021. №4. P. 12–14. EDN FNVORT.

14. *Ashrapov B.P., Dodokhojaeva P.I.* On the Issue Concerned with Communicative Competence of Students of Foreign Languages Faculties // Образование от "А" до "Я". 2021. №3. P. 5–6. EDN FGDDWY.

15. *Ashrapov B.P., Murodi N.* On the Issue Concerned with the Notion of Teaching Methods in the Didactical System // Designing. An Experience. Result. 2021. №4. P. 15–17. EDN SVEIMN.

16. *Rashidova D.A., Ashrapov B.P.* The Leader of the Nation Emomali Rahmon`s Contribution into Enactment of Programme of Foreign Languages // Herald of the Pedagogical University. 2022. №3(98). P. 85–88. EDN CMKVYU.

REFERENCES

1. Atakhonov T., Lutfulloev M., Sharifov F. (2005) Essays on Pedagogical Thought. Dushanbe. Donish Publ. 228 p.

2. Afzalov Kh., Rahimov B. (1994) History of Tajik People's Pedagogy. Dushanbe. Irfon Publ. 190 p.

3. Lutfulloev M. (2005) Independent Tajikistan and Issues of Upbringing. Dushanbe. Donish Publ. 205 p.

4. Lutfulloev M. (2007) Teacher's Activity Guide. Dushanbe. Irfon Publ. 200 p.

5. Lutfulloev M. (2007) Child – the Gift of God. Dushanbe. Maorif Publ. 112 p.

6. Likhachev B.T. (2000) Pedagogy: Lecture Course. Moscow. Yurayt-M Publ. 265 p.

7. Lutfulloev M. (1994) Humanistic Pedagogy. Dushanbe. Maorif Publ. 165 p.

8. Lutfulloev M. (2000) Revival of Ajam Pedagogy. Dushanbe. Donish Publ. 160 p.

9. Lutfullozoda, M., Bobizoda, Q. (2017) Thoughts on Competence and Its Formation. Dushanbe. Maorif Publ. 86 p.

10. Rūdakī. Poems / Arrangement and explanation by U. Karimov, S. Sa'diev. Dushanbe. Irfon Publ. 1974. 217 p.

11. Ashrapov B.P. Effectiveness of Video Materials for Foreign Language Teaching. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022. No 4-1(67), pp. 74–76. DOI 10.24412/2500-1000-2022-4-1-74-76; EDN OHJHPN.

12. Ashrapov B.P. Foreign Language Learning Strategies. *Trends in the Development of Science and Education*. 2022. No 85-5, pp. 64–66. DOI 10.18411/trnio-05-2022-201; EDN DTCTJA.

13. Ashrapov B.P. On the Issue Concerned with Communicative Culture and Its Impact on Students' Personal Development. *Designing. An Experience. Result.* 2021. No 4, pp. 12–14. EDN FNVORT.

14. Ashrapov B.P., Dodokhojaeva P.I. On the Issue Concerned with Communicative Competence of Students of Foreign Languages Faculties. Obrazovanie from "A" to "Я". 2021. No 3, pp. 5–6. EDN FGDDWY.

15. Ashrapov B.P., Murodi N. On the Issue Concerned with the Notion of Teaching Methods in the Didactical System. *Designing. An Experience. Result*. 2021. No 4, pp. 15–17. EDN SVEIMN.

16. Rashidova D.A., Ashrapov B.P. The Leader of the Nation Emomali Rahmon's Contribution into Enactment of Programme of Foreign Languages. *Herald of the Pedagogical University.* 2022. No 3(98), pp. 85–88. EDN CMKVYU.

Сведение об авторах:

Джамила Сулаймоновна Мансурова,	Djamila S. Mansurova,
канд. пед. наук	Ph.D. in Education
доцент, зав. кафедрой общей педагогики	Associate Professor, Head of the Department of General Pedagogy
Таджикский государственный педагогический университет имени Садриддина Айни	Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Ayni
	mansurova.dzhamila@mail.ru
Наргис Мансур Мансурзода,	NargisMansur Mansurzoda,
ассистент	Assistant
кафедра общей педагогики	Department of General Pedagogy
Таджикский государственный педагогический университет имени Садриддина Айни	Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Ayni

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-108-114

Ю.Д. Шабуня (Новополоцк, Беларусь)

Образ дома в романе Ч.Р. Мэтьюрина «Мельмот Скиталец»

Аннотация: Статья посвящена образу дома в романе английского писателя Ч.Р. Мэтьюрина (Charles Robert Maturin, 1780–1824) «Мельмот Скиталец» («Melmoth the Wanderer», 1820). Анализируются особенности пространственной структуры произведения. Выделяются черты готической традиции в описании готического строения. Отмечается влияние религиозной тематики, а также эстетических концепций на образ дома.

Ключевые слова: дом, образ, художественное пространство, готический роман, топос

Ju.D. Shabunya (Novopolotsk, Belarus)

The Image of the House in the Novel by C.R. Maturin “Melmoth the Wanderer”

Abstract: The article deals with the image of the house in the novel “Melmoth the Wanderer” (1820) by the English writer C.R. Maturin (1780–1824). It analyzes the features of the spatial structure of the novel. The article highlights the features of the Gothic tradition in the description of the Gothic building. It notes the influence of religious themes, as well as aesthetic concepts on the image of the house.

Key words: house, image, literary space, Gothic novel, topos

Художественный образ в литературе играет основополагающую роль, поскольку из образов строится произведение вне зависимости от жанра. Образ, по мнению И.Б. Роднянской, представляет собой всеобщую категорию художественного творчества, а также форму воспроизведения, истолкования и освоения жизни путем создания эстетически воздействующих объектов [4: 670].

Готический роман первой трети XIX в. представляет собой жанр, который не только формировал романтическую литературную традицию, но и служил пространством для трансформации традиционных художественных образов. Одним из таких образов стал дом, который в контексте готического романа является местом страха, ужасов и тайн. В готическом романе дом является не только архитектурным строением, которое функционирует как место жительства, но и отражением состояния человеческой души и внутренних конфликтов. В романе Ч.Р. Мэтьюрина (Charles Robert Maturin, 1780–1824) «Мельмот Скиталец» («Melmoth the Wanderer», 1820) образ дома подвергается переосмыслению, поскольку

он трансформируется из традиционного готического дома, в котором господствует атмосфера страха и власти, в пространство ужаса и изоляции, характеризующееся хаосом, не имеющим четких границ.

Актуальность данной статьи обусловлена несколькими факторами. В рамках художественной литературы прослеживается возросший интерес к топосу дома как места жительства. В готическом романе дом, замок, поместье, монастырь и т. д. занимает центральное место, в котором разворачиваются события. Вследствие этого возникает необходимость рассмотрения дома не только как жилища аристократической семьи, но и как неустойчивой и динамической структуры, которая характеризуется элементами страха, морали и религии. Анализируя специфику хронотопа в романе Ч.Р. Мэтьюрина «Мельмот Скиталец», Ю. Афанасьева отмечает, что семейное поместье представляет собой топос, в который эволюционирует родовой готический замок [1: 14]. Исследование образа дома в контексте романа «Мельмот Скиталец» позволяет проследить переосмысление готической традиции в конструировании данного образа. Автор создает художественное пространство, в котором дом перестает быть убежищем и превращается в ловушку или лабиринт, где религиозные стереотипы играют важную роль. Роман Ч.Р. Мэтьюрина занимает особое место в развитии готической литературы, и анализ его пространственной поэтики, в частности в аспекте образа дома, позволяет выявить новые качества готического дома – его функционирование как объекта, отражающего метафорическое разрушение. Цель статьи – рассмотреть образ дома в романе Ч.Р. Мэтьюрина «Мельмот Скиталец» посредством пространственной структуры произведения, готической традиции в описании архитектуры, а также религиозных и эстетических факторов, влияющих на восприятие данного образа.

Ч.Р. Мэтьюрин – английский писатель, автор пьес, романов и рассказов, священник. Религия и церковь сыграли значительную роль и нашли отражение в творчестве писателя. Во-первых, Ч.Р. Мэтьюрин в романе «Мельмот Скиталец» исследует темы страдания, искупления и спасения, что имеет связь с теологией. В предисловии к роману автор пишет, что идея романа была взята из одной из его проповедей[1] (здесь и далее перевод наш. – *Ю.Ш.*). Во-вторых, изобилие ссылок на религиозные тексты и библейские мотивы в романе помогает создать атмосферу мистицизма и напряжения. Ч.Р. Мэтьюрин использует религию не только как фоновую деталь, но и как центральный элемент в развитии сюжета и характеров персонажей. Религиозные мотивы в данном произведении подчеркивают конфликт между светом и тьмой, добром и злом, что является важной темой готической литературы. В этой связи А.В. Варушкина полагает, что роман «Мельмот Скиталец» посвящен морально-философской проблематике [2]. В произведении Ч.Р. Мэтьюрина прослеживаются также аллюзии на произведения готической литературы «Монах» («The Monk», 1796) М.Г. Льюиса (Matthew Gregory Lewis, 1775–1818) и «Итальянец» («The Italian», 1797) А. Радклиф (Ann Radcliffe, 1764–1823), через которые наблюдается влияние как готической традиции, так и религиозных мотивов, что привело к переосмыслению жанровых канонов в данном романе.

«Мельмот Скиталец» Ч.Р. Мэтьюрина получил неоднозначную оценку. Критики обвиняли автора во «вздоре, недостоверности, невежестве, богохульстве и жестокости, а также в мрачной, хладнокровной, педантичной непристойности»[2],

[1] «The hint of this Romance (or Tale) was taken from a passage in one of my Sermons» [8].

[2] «accuses the author of nonsense, want of veracity, ignorance, blasphemy and brutality, and a dark, cold-blooded, pedantic obscenity» [7: 268].

и относились к роману враждебно. Однако У. Экстон называет это произведение «прекраснейшим цветком – последним и величайшим произведением готической литературы»[1]. Полярность мнений свидетельствует о сложной и многогранной природе произведения, которое занимает важное место в готической традиции.

В романе «Мельмот Скиталец» Ч.Р. Мэтьюрин описывает различные художественные пространства, которые выступают как структурные и метафорические элементы повествования. Во вставных новеллах автор создает сложную и многоуровневую пространственную структуру романа. Как отмечает О.В. Лебедева, вставные новеллы создают повышенную сложность и неоднородность пространственно-временнóй организации произведения, что обеспечивает диалогичность пространства и времени [3: 42]. Писатель описывает поместье, старинные замки, монастыри с чуланами и темницами, мрачные руины, которые создают ощущение ужаса, тайны и опасности. Данные художественные пространства представляют собой места, связанные с верой, прошлым и угнетением. Через ряд пространственных топосов в романе реализуется категория дома как центра родового поместья. Автор использует художественные пространства для анализа взаимодействия личности и окружающей среды, что оттеняет ужасы, происходящие в романе, а также для изображения восприятия реальности. Каждый из топосов связан с архетипом дома. Поместье представляет собой центр рода, однако в контексте произведения становится местом отчуждения и одиночества. Старинные замки играют роль символов власти и угрозы, что является чертой готической традиции. Монастырь, несмотря на его религиозное значение, становится пространством мрака, насилия и утраты духовных ценностей. Руины, в свою очередь, фиксируют стадию распада строения, где идея дома как пространства защиты и уюта трансформируется в место пустоты и смерти. В результате создается сложная система художественных пространств, которые отражают человеческий опыт и его интерпретацию в рамках художественного текста.

Основным художественным пространством романа является дом дяди Джона Мельмота. Ч.Р. Мэтьюрин описывает поместье как пространство, где господствует атмосфера уединения и меланхолии. Автор указывает на изменения, произошедшие с поместьем, где величественное и богатое поместье превращается в полуразрушенный дом. Ч.Р. Мэтьюрин акцентирует внимание на архитектурных особенностях, интерьере и окружающей природе, где сочетаются спокойствие и запустение вследствие течения времени. Автор в деталях описывает поместье как внутри, так и снаружи: «Дом отчетливо выделялся даже на фоне темного вечернего неба. Рядом с ним не было ни флигеля, ни других построек. Не было кустарников и деревьев, которые могли бы затенить или смягчить его резкие контуры. Джон, меланхолично взглянув на заросшие травой ступени и заколоченные окна, решил постучать в дверь, но дверной молоток отсутствовал. Зато камней вокруг было предостаточно»[2]. Так, Ч.Р. Мэтьюрин подчеркивает изоляцию, мрачность и зловещую атмосферу дома, что создает ощущение его оторванности от окружающей действительности и возможной опасности. Отсутствие других построек рядом с домом, растительности и природного разнообразия указывает на изолированность данного пространства, что делает его единственным объектом на местности. Архитектурные особенности дома способствуют созданию ощущения

[1] «finest flowering… the last and the greatest expression of the Gothic novel» [5: 12].

[2] «The house itself stood strongly defined even amid the darkness of the evening sky; for there were neither wings, or offices, or shrubbery, or tree, to shade or support it, and soften its strong harsh outline. John, after a melancholy gaze at the grass-grown steps and boarded windows, “addressed himself” to knock at the door; but knocker there was none: loose stones, however, there were in plenty» [8: 8].

запустения, заброшенности и потенциальной опасности. Внешний вид дома усиливает ощущение тревоги и предвкушения перед опасностью, что характерно для английской готической литературы.

С первых страниц романа дом показан через призму воспоминаний Джона. Автор указывает на ужасные впечатления детских лет Джона Мельмота из-за проведенного времени в поместье у дяди. Важную роль играют вещные детали, наполняющие дом: «Ни в коем случае нельзя было нарушать неприкосновенное расположение табакерки, колокольчика и очков. Нельзя было поддаваться соблазну потрогать трость с блестящим золотым набалдашником – это смертный грех. И, наконец, самому прокладывать свой опасный путь от входа в комнату и обратно, не задев груды книг, глобусы, стопки старых газет, подставки для париков и курительных трубок, табакерок…»[1]. В описаниях как старинного поместья, так и вещных деталей присутствует историческая преемственность и оторванность от современности, что подчеркивает роль строения как символа прошлого и постоянных ценностей, имеющих значение для одного человека. Данные характеристики служат фоном для развития событий, а также отражают отношение персонажей ко времени и изменениям. Принцип изображения действительности, которому следует автор, большое число примеров, фактов из прошлого, насыщенность образами и деталями способствуют погружению читателя в готическую атмосферу произведения.

В соответствии с готической традицией, изолирован от окружающей действительности, находясь далеко за городом, его интерьер мрачен и таинствен. Первоначальное восприятие дома как места действия связано с поместьем Мельмота в Ирландии – родовым поместьем, где Джон Мельмот находит таинственный портрет и рукопись, раскрывающие судьбу его предка – Мельмота Скитальца. В первых главах произведения художественное пространство изображается как замкнутое по структуре и оторванное от окружающей действительности.

Дом представлен как традиционное воплощение готического пространства, насыщенного атмосферой тревоги и тайны. Он расположен в изолированной местности, имеет ветхие стены, темные коридоры и комнаты, массивную старинную мебель. Данные элементы соответствуют традиционной готической эстетике последней трети XVIII в. – первой трети XIX в., однако у Ч.Р. Мэтьюрина дом не только становится сценой действия, но и имеет отличительные черты. Одной из таких черт является функционирование дома как психологического отражения внутреннего мира персонажей. Пространство и интерьер дома связаны с темой безумия, страха и религиозных сомнений. В «Мельмоте Скитальце» запустение дома совпадает с гибелью его как культурного института. Эстетика запустения, характерная для готики, у Ч.Р. Метьюрина превращается в дистанцированную реальность. Дом не разрушается – он уже полуразрушен, поскольку структура художественного мира произведения также разрушена и разделена на несколько художественных пространств.

Отличительной чертой готического старинного дома является то, что пространство становится местом не только семейного, но и духовного наследия, так как с самого начала поместье описывается как проклятое, запустевшее и отчужденное. Религиозная проблематика играет центральную роль в интерпретации пространства дома. Дом дяди Джона Мельмота представляет собой **деконструированное христианское пространство**: вместо уюта и спасения он являет собой место стра-

[1] «on no account to disturb the inviolable arrangement of his snuff-box, hand-bell, and spectacles, nor to suffer the glittering of the gold-headed cane to tempt him to the mortal sin of handling it, – and, finally, to pilot himself right through his perilous course in and out of the apartment without striking against the piles of books, globes, old newspapers, wig-blocks, tobacco-pipes, and snuff-cannisters…» [8: 4].

ха, безысходности, сомнений и упадка. Мельмот-старший погружен в фантазии, фобии и далек от Бога, на что указывает его скептицизм, пороки и грехи (скупость). Так, мерцание свечей в доме подчеркивает иллюзорность веры дяди Джона, а запустение строения свидетельствует об **упадке религиозных ценностей и веры.**

Важнейшей вещной деталью романа является таинственный портрет незнакомца: «Повинуясь непреодолимому и мучительному порыву, он приблизился к портрету, поднес к нему свечу и смог разобрать слова на рамке картины: "Джон Мельмот, год 1646". Джон не был ни робким по натуре, ни нервным по складу ума, ни суеверным по привычке, однако он продолжал с ужасом смотреть на эту странную картину, пока, разбуженный кашлем дяди, не поспешил в свою комнату»[1]. При помощи данной детали строится конфликт произведения, поскольку на портрете изображен близкий родственник Джона Мельмота, продавший душу Сатане в обмен на долгую жизнь. Автор пишет об «оживании» данного портрета, что является сверхъестественным элементом повествования, а также указывает на сходство фамильного портрета с Джоном: «Сходство, без сомнения, было достаточно сильным, чтобы поразить его даже в этой темной комнате, но это, без сомнения, было всего лишь сходством»[2]. Мотив таинственного портрета является традиционной чертой готического романа и встречается также в произведениях Х. Уолпола «Замок Отранто», К. Рив «Старый английский барон», А. Радклиф «Итальянец» и «Удольфские тайны», что формирует жанровый канон готического романа.

Ч.Р. Мэтьюрин вводит элемент множественных реальностей, в которых граница между домом как физическим объектом и метафизическим пространством размыта. Тайная комната, в которой хранится портрет Мельмота Скитальца, функционирует как переход к другому пространству, в котором хранится тайна. Так, дом дяди Джона Мельмота является хранителем тайных знаний. Рукопись – важная вещная деталь в повествовании, также представляет собой портал в другой художественный мир, поскольку в рукописи содержится история жизни Мельмота Скитальца. При помощи рукописи автор создает рамочную композицию произведения, а прием «рассказ в рассказе» способствует ретроспективному описанию событий из прошлого.

В доме происходит смерть Мельмота-старшего при странных обстоятельствах. Мужчина умирает от страха, который был вызван необоснованными волнениями перед настоящим и будущим: дядя Мельмот был одержим скупостью, а также верил, что предок с портрета придет к нему. Данная часть сюжета со смертью в «глубоком забытьи»[3] является традиционной для готической литературы.

Дом дяди Джона является также хранителем семейной памяти, связанной с проклятием рода Мельмотов. Его стены «впитали» следы исторической вины, передающейся через поколения. В этом проявляется влияние **историзма**, где частная история становится отражением общественно-религиозного краха. Мельмот Скиталец – фигура, несущая в себе проклятие из-за сделки с Сатаной. Когда Скиталец входит в дом, умирает дядя Джона Мельмота, что является своего рода метафорическим разрушением родового поместья.

---

[1] «From an impulse equally resistless and painful, he approached the portrait, held the candle towards it, and could distinguish the words on the border of the painting, – Jno. Melmoth, anno 1646. John was neither timid by nature, or nervous by constitution, or superstitious from habit, yet he continued to gaze in stupid horror on this singular picture, till, aroused by his uncle's cough, he hurried into his room» [8: 31].

[2] «The likeness was doubtless strong enough to strike him even in that darkened room, but it was doubtless only a likeness» [8: 37].

[3] «a deep stupor» [8: 34].

Ч.Р. Мэтьюрин обращается к описанию природных ландшафтов, которые дополняют образ дома. Важную роль играют описания природы: «Погода была холодная и мрачная. Тяжелые тучи предвещали долгую и тоскливую череду осенних дождей. Облака неслись друг за другом, словно темные знамена приближающегося войска, чей марш несет опустошение»[1]. Автор изображает как увядающую, так и цветущую природу, противопоставляя ужасное и живописное. Стоит отметить, что описания природы в произведении гиперболизированы: ветер – сильный и порывистый, небо – черное и дождливое, сумерки – жуткие и пугающие. Автор использует описания ночи как инструмент создания саспенса и атмосферы страха, а сад рядом с домом называет «садом смерти»[2]. Кроме того, Ч.Р. Мэтьюрин использует звуковые эффекты, которые также основаны на противопоставлении «тихо – громко»: «В доме воцарилась полная тишина»[3]; «Звон колокольчика вызвал большой переполох»[4]. Как отмечает Е. Браковская, «руины и величественный ландшафт в романе Ч.Р. Мэтьюрина “Мельмот Скиталец” служат подлинным маркером столкновения цивилизации с чистотой природы, что являлось одной из приоритетных тем писателя»[5].

Образ дома как один из ключевых образов готической литературы конца XVIII в. – начала XIX в. формирует не только сценическое, но и философское пространство жанра. Дом дяди Джона Мельмота в романе Ч.Р. Мэтьюрина – это не только физическое пространство, а **многозначный образ**, сочетающий в себе элементы готической архитектуры и религиозной рефлексии. Дом у Ч.Р. Метьюрина перестает ассоциироваться с центром рода или наследия, а приобретает черты утраты, изоляции, страха, вины и проклятия, в чем прослеживается трансформация образа дома. Стоит отметить многомерную природу данного художественного пространства, сочетающего в себе традиционные готические характеристики и новаторские интерпретации готической традиции. Дом в произведении выступает как сложный объект, отражающий внутренние конфликты, религиозные сомнения и экзистенциальные страхи персонажей. Автор демонстрирует трансформацию традиционного готического топоса. Дом, утратив привычные функции убежища и порядка, превращается в пространство хаоса, изоляции и духовного разрушения. Религиозные мотивы и аллюзии на библейские сюжеты усиливают мистическую атмосферу и подчеркивают морально-философский контекст произведения. Пространственная поэтика романа включает детализированное описание архитектуры, интерьера и природных особенностей, что формирует сложную систему художественного пространства. Таким образом, дом в «Мельмоте Скитальце» отражает переход от традиционной к современной готике, обозначая новое восприятие художественного пространства как метафоры внутреннего мира и социально-культурных трансформаций через призму религии.

---

[1] «The weather was cold and gloomy; heavy clouds betokened a long and dreary continuance of autumnal rains; cloud after cloud came sweeping on like the dark banners of an approaching host, whose march is for desolation» [8: 51].

[2] «the garden of death» [8: 52].

[3] «The house was now perfectly silent» [8: 33].

[4] «The sound of the bell produced its full effect» [8: 18].

[5] «The ruins and sublime landscape in Maturinís Melmoth the Wandererí function as a genuine marker of the clash between the artificial contracts of civilization and the purity of nature, one of Maturinís favorite themes» [6: 129].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьева Ю.* Специфика хронотопа в романе Ч.Р. Метьюрина «Мельмот скиталец» // Juventus in litteratura: материалы 76-й научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов БГУ / Редколл. : А.М. Бутырчик [и др.]. Минск: РИВШ, 2019. С.13–17.

2. *Варушкина А.В*. Образ мира и способы его создания в романе Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 24 с.

3. *Лебедева О.В*. Поэтологическая специфика вставной новеллы английского готического романа // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5-2(47). С. 42–43.

4. *Роднянская И.Б.* Образ // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 670.

5. *Axton W.* Introduction to the Charles Maturin's Melmoth the Wanderer. Lincoln: University of Nebraska Press, 1961. 444 p.

6. *Brakovska J.* Natural Landscape and Its Transformation in Charles Robert Maturin's and Joseph Sheridan Le Fanu's Prose // Comparative Studies (1691–5038). 2013. Vol. 5. № 2. P. 129.

7. *Idman N.* Charles Robert Maturin: His Life and Works. Helsingfors: Helsingfors Centraltryckeri, 1923. 325 p.

8. *Maturin C.R.* Melmoth the Wanderer: A Tale. Vol. 1. Edinburgh: Printed for Archibald Constable and Company, and Hurst, Robinson, and co. Cheapside, 1820. 341 p.

REFERENCES

1. Afanasyeva Y. Specificity of the Chronotope in the Novel by Ch.R. Maturin "Melmoth the Wanderer". In: Juventus in litteratura: Proceedings of the 76th scientific conference of students, master's degree students and postgraduate students of BSU / Editorial board: A.M. Butyrchik [et al.]. Minsk. NIHE Publ. 2019, pp. 13–17.

2. Varushkina A.V. (2005) The Image of the World and the Ways of Its Creation in the Novel of C.R. Maturin "Melmoth the Wanderer": Author's abstract. Voronezh. 24 p.

3. Lebedeva O.V. The Specific Character of the Inserted Short Story Poetics of the English Gothic Novel. *International Research Journal*. 2016. No 5-2(47), pp. 42–43.

4. Rodnyanskaya I.B. The Image. In: Literary Encyclopedia of Terms and Concepts / Ed. by A.N. Nikolyukin. Moscow. Intelvac Publ. 2001, p. 670.

5. Axton W. (1961) Introduction to the Charles Maturin's Melmoth the Wanderer. Lincoln. University of Nebraska Press. 444 p.

6. Brakovska J. Natural Landscape and Its Transformation in Charles Robert Maturin's and Joseph Sheridan Le Fanu's Prose. *Comparative Studies (1691–5038)*. 2013. Vol. 5. No 2, p. 129.

7. Idman N. (1923) Charles Robert Maturin: His Life and Works. Helsingfors. Helsingfors Centraltryckeri. 325 p.

8. Maturin C.R. (1820) Melmoth the Wanderer: A Tale. Vol. 1. Edinburgh. Printed for Archibald Constable and Company, and Hurst, Robinson, and co. Cheapside. 341 p.

Сведения об авторе:

Юлия Дмитриевна Шабуня,	Julia D. Shabunya,
аспирант	Postgraduate Student
кафедра мировой литературы и иностранных языков	Department of World Literature and Foreign Languages
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой	Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk

y.shabunya@psu.by

Библиографии

Bibliography

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-116-131

М.М. Громова (Москва, Россия)

О Лидии Чарской. Библиография (к 150-летию со дня рождения). Часть 5

M.M. Gromova (Moscow, Russia)

About Lydia Charskaya. Bibliography (on the 150th anniversary of her birth). Part 5

1911

[*Автор не указан*]. Библиография // Бессарабская жизнь. 1911. № 24. 29 янв. С. 5.

Отзыв на повесть **«Царский гнев»**: «В предисловии к повести “Царский гнев” издательство высказывает совершенно правильную мысль, что детей должно знакомить в должной форме с историей, представляющей неистощимый источник научного материала. При чем не войны и не подвиги военных героев должны служить этим материалом, а время мирного развития государств, имеющее своих героев. Такая задача заслуживает, конечно, всяческого поощрения. Изданная по этой программе повесть Л. Чарской посвящена эпизоду из мрачной эпохи царя Ивана Грозного и его опричины (sic!) – убийству по проискам Басманова князя Овчины-Оболенского и бегству его жены от набега опричников. Если такое содержание повести и несоответствует(sic!) задаче, поставленной себе издательством, то, независимо от нее, ознакомление детей с царствованием Ивана Грозного, несомненно, весьма желательно. Беллетристическую же форму нужно считать для этой цели наиболее удачной, особенно для детей дошкольного возраста. Как и все издания т-ва М.О. Вольф, книжка издана весьма изящно и обильно снабжена иллюстрациями».

[*Автор не указан*]. Библиография // Сибирский край. 1911. № 23. 12 фев. С. 4.

Отзыв на повесть **«Царский гнев»**, идентичный [Бессарабская жизнь 1911], за исключением многочисленных опечаток.

[*Автор не указан*]. Библиография. Детские книги // Бобруйские отклики. 1911. № 116. 25 дек. С. 3–4.

Отзыв на повесть **«Джаваховское гнездо»**, идентичный [Саратовский вестник 1911] (с. 4).

[*Автор не указан*]. Библиография. Издания т-ва М.О. Вольфа // Варшавский дневник. 1911. № 361. 30 дек. (12 янв. 1912). С. 3.

Отзывы на книги Чарской. **«Вечера княжны Джавахи. Сказания старой Барбалэ»**: «Это весьма интересная повесть для юных читателей, ярко и поэтически написанная талантливой чуткой писательницей для детей, известной своими весьма художественными произведениями. Сказания старой Барбалэ – это сборник сказок старой няньки-грузинки; старуха рассказывала эти сказки своей воспитаннице, княжне Джавахе, жизнь которой и развертывается попутно между сказками. Интерес рассказываемых старою Барбалэ сказаний заключается в грузинском эпосе и в той поэзии, которою облекает автор все, о чем пишет»; **«Джаваховское гнездо»**: «Очень интересная повесть, полная всевозможных приключений, страданий и превратностей судьбы юной девушки. Как и предыдущие повести, отличается и эта всеми не раз уже отмеченными достоинствами, присущими таланту Л.А. Чарской. Обе книги в прекрасных переплетах и превосходно изданы».

[*Автор не указан*]. Библиография. Книги для детей и юношества // Саратовский вестник. 1911. № 283. 24 дек. С. 4.

Отзыв на повесть **«Джаваховское гнездо»**: «Произведения Л.А. Чарской достаточно известны и настолько популярны среди юношества, что нет надобности отмечать их достоинства и недостатки. “Чжаваховское(sic!) гнездо” принадлежит к серии повестей Л.А. Чарской – “Княжна Джаваха”, “Записки институтки”, “Люда Влассовская” и “Вечера княжны Джавахи”, – ничем, даже новизной сюжета не отличающихся друг от друга. Фабула повести, – эпизод из жизни враждующих семейств грузинских князей. Интерес создается множеством драматических моментов, надуманность которых, по-видимому, ускользает от наблюдательности детей, благодаря чему Л.А. Чарская и стала любимым их автором».

[*Автор не указан*]. Библиография. Книги – подарки детям на елку. Изд. т-ва М.О. Вольф // Кронштадтский вестник. 1911. № 282(7903). 20 дек. С. 3.

Отзыв на повести **«Счастливчик»**, **«Записки маленькой гимназистки»**, рассказы **«Вовик»** и **«Счастливый цветок»**: «Автором этих повестей и рассказов является весьма известная писательница для детей Л.А. Чарская, давшая много полезного своим юным читателям.

В первой повести простым, безыскусственным языком излагаются все те переживания и волнения, которые сопровождают школьную жизнь начиная с первых шагов, с “новичка” наших детей. Тема не новая: все эти Подгурины, в сущности совершенно не злые мальчики, но в силу своей физической особенности поставленные в положение каких-то злых гениев для вновь поступающих “новичков”; в противовес им – ангелы хранители в лице Курнышевых и друг.; знакомые все лица и, прочтя эту повесть узнаешь в ней автора ее – талантливую, чуткую и наблюдательную Л.А. Чарскую.

Совершенно не то представляет вторая повесть – “Записки маленькой гимназистки”. Тема ее также не новая: тяжелая доля сиротки в доме богатых родственников; в результате – полное торжество добродетели. Конечно, все, что описывает автор, в жизни может случиться, но обыкновенно бывает гораздо проще. Простота фабулы и естественность вымысла – вот главные качества детской книги, чего, как это ни странно, в данной повести нет, и в ней не чувствуется той искренности, которую проявил автор в своей предыдущей повести. Слишком много в ней сложного и хитросплетенного.

Остальные два маленьких рассказика – для детей младшего возраста и в них, несмотря на их миниатюрность, перед нами опять знакомая простота и безыскусственность. Миленькие и наивные рассказики».

[*Автор не указан*]. Библиография. Новые книги для рождественских подарков издания Т-ва М.О. Вольф С.П.Б. и Москва // Голос Либавы. 1911. № 291(442). 17 (30) дек. Приложение. С. 2.

«Т-во М.О. Вольф давно зарекомендовало себя одним из наилучших издательств. Все книги, выпущенные им, отличаются как по внутреннему содержанию, так и по внешнему виду.

Вот почему все книжки в издании Вольфа можно смело рекомендовать для детских подарков к Рождественским праздникам. Большое преимущество этих книг еще и то, что они гармонично приноровлены к тому или иному детскому возрасту.»

Отзыв на повести **«Счастливчик»**, **«Дом шалунов»** и **«Записки маленькой гимназистки»**: «Чарская уже давно пользуется популярностью, как детская писательница. И, действительно, все ее рассказы дышат удивительной простотой, что так особенно прельщает маленький читательский мир. И три повести, перечисленные выше, только лишний раз подтверждают прочно установившуюся репутацию талантливой писательницы».

[*Автор не указан*]. Библиография. «Рождественские подарки» // Котлин. 1911. № 284(4549). 21 дек. С. 4.

«Перед наступающими праздниками многие родители задумываются над подарками для своих детей.

В этом случае, следует обратить внимание на книгоиздательство Т-ва М.О. Вольф, по своему обыкновению выпустившему перед праздниками много хороших книг и книжек на всякий возраст, вкус и достаток.

Есть роскошные и дорогие книги в чудных переплетах и небольшие скромные, но изданные с такою же тщательностью, как и первые, что составляет одно из больших преимуществ названной фирмы.

Так в этом году между прочим вышли следующие книги: “Задушевное слово” за 1911 г. для старшего и для младшего возраста, обе книги в роскошных переплетах, при чем в первой идет

очень интересная повесть **“Сестра Марина”**, а во второй **“Щелчок”**, обе – *г-жи Чарской*, автора многих, хорошо известных юным читателям интересных повестей.

Кроме этих двух повестей вышеназванного автора, вышли отдельными книгами ее же повести для детей школьного и младшего возраста **“Счастливчик”**, **“Записки маленькой институтки** (sic!)”, **“Дом шалунов”** – три очень интересные повести из жизни детей школьного периода. Написаны они талантливой писательницей, как и всегда мастерски и ярко обрисовывают детский мир и детскую душу. Каждая из этих книг в роскошном переплете может служить прекрасным подарком для детей. <…>

Для малюток в числе многих других интересных книжек вышла в этом году **“Вовик”**, полу-сказка, полу-быль *Л.А. Чарской* с рисунками барона *А. Демерта*. Хорошенький рассказ из жизни малютки мальчика.

Рассказ для малюток **“Счастливый цветок”** тоже *Л.А. Чарской*, с рисунками *И. Гурьева*.

Обе книжки в красивых обложках из толстого картона, на хорошей веленевой бумаге, напечатаны крупным ясным шрифтом, так что дети едва умеющие читать вполне могут читать сами.»

[*Автор не указан*]. Десятилетие «Записок институтки» // Задушевное слово. Для младшего возраста. 1911. Т. 51. № 47. С. 1–2 обл.

«Десять лет тому назад вышла в свет повесть для юношества “Записки институтки”, первоначально напечатанная в “Задушевном Слове”. В ней рассказывалось о трогательной дружбе двух девочек – одной уроженки Малороссии, Люды Влассовской, другой – уроженки Кавказа, княжны Нины Джаваха, об их приключениях в институте, подругах и пр.

Это была первая большая повесть Лидии Андреевны Чарской, тогда еще только начинающей писательницы, ныне же известной всем читающим русским детям.

“Записки институтки” имели шумный успех, такой, какой [нрзб.] до сих пор имела другая повесть для детей и юношества.

Уже в то время, когда “Записки институтки” печатались на страницах “Задушевного Слова”, [нрзб.]чались отовсюду трогательные, восторженные письма, в которых юные читательницы делились своими впечатлениями о прочитанных ими главах. А когда эта повесть вышла отдельною книгою, ее стали читать усердно и те читатели и читательницы, которые не получали “Задушевного Слова”. В короткое время все экземпляры первого издания “Записок институтки” разошлись совершенно, потребовалось второе, затем третье, четвертое издание. “Записки институтки” предназначались для детей старшего возраста, но их с одинаковым увлечением читали и дети младшего возраста, и взрослые девицы. Кроме того, по просьбе юных читателей и читательниц, Л.А. Чарской пришлось написать еще несколько повестей, в которых описывалась дальнейшая судьба лиц, упоминаемых в “Записках институтки” (“Люда Влассовская”, “Вторая Нина”, “Джаваховское гнездо”), и эти новые произведения вызвали такой же восторг, как и первая повесть даровитой писательницы.

Одновременно с “Записками институтки”, Л.А. Чарская написала большую повесть для детей младшего возраста п. з. “Записки сиротки”, а затем длинный ряд других повестей, рассказов, сказок, стихотворений, значительная часть которых печаталась сначала в “Задушевном Слове”, а затем была издана отдельными книгами Товариществом М.О. Вольф. Почти все эти книги имели такой же успех, как и “Записки институтки”, в особенности же большие повести.

Содержание повестей Л.А. Чарской самое разнообразное. “Лизочкино счастье” – это повесть о приключениях маленькой девочки, которая попадает в детскую драматическую труппу. В рассказе “Юркин хуторок” изображается пребывание барчат на хуторе в лесу, где ночью случается пожар, при чем находчивость и отвага маленького героя повести спасает хутор. Историческая повесть “Газават” рисует долгую борьбу, которую вели кавказские горцы за свободу своей родины. В повести “Паж цесаревны” длинной вереницей перед читателем проходят богатые события времен, наступивших после смерти Петра Великого. В “Смелой жизни” рассказывается о подвигах девушки-героини и т. д., и т. д.

Выпуская одну повесть за другою, Л.А. Чарская имела в виду не только доставить юным читателям приятное и занимательное чтение, но старалась всегда вселить в души юных читателей добрые чувства, развить в них любовь к ближним, показать примеры добра, привить и укрепить любовь к родине, заставить уважать всех людей, к какой бы народности они ни принадлежали, и т. д. Кроме того, в некоторых из своих повестей она стремилась познакомить детей с жизнью разных народов, с прошлым русской земли и т. д.

К десятилетию “Записок институтки”, положивших начало известности Л.А. Чарской, как любимой детской писательницы, Товарищество М.О. Вольф, в качестве издателя ее повестей, совместно с редакциею “Задушевного Слова”, где впервые появилась названная повесть, поднесло писательнице адрес, в котором перечислены ее труды для детей, и серебряный письменный прибор. Кроме того, зная, как горячо Л.А. Чарская любит своего сына, как сильно

привязана к своему “дорогому Юрику” – издатели поднесли ему художественно исполненный портрет его матери. В адресе, поднесенном Л.А. Чарской, высказана надежда, что даровитая писательница подарит русским детям еще много таких же интересных повестей, как “Записки институтки”, “Княжна Джаваха”, “Лизочкино счастье”, “Счастливчик” и др.»

[*Автор не указан*]. Книга о детской литературе // Воспитание и обучение. 1911. № 5. Стб. 147–153.

Рец. на книгу Н.В. Чехова «Детская литература» (изд-во «Польза»). «В большинстве случаев автор совершенно голословно вносит в разряд хороших книг те, которые лишены самой элементарной педагогической ценности, как, напр., произведения Чарской, которая своим фальшивым сентиментализмом дает ложное представление о действительности. Поэтому к этой главе мы советуем отнестись с особенной осторожностью» (стб. 152–153).

[*Автор не указан*]. Книги к Рождеству // Нива. 1911. № 50. С. 940.

«Особливую категорию среди детских книг занимают рассказы и историйки из школьного быта. Своеобразную привилегию на этот род литературы имеет Л. Чарская, очень читаемая и почитаемая читателями и читательницами школьного возраста. И в нынешнем году она дала такого рода произведение (**“Записки маленькой гимназистки”**), но теперь у нее оказалась и конкурентка – “О.П. Зиводева” (sic!), написавшая рассказ “Когда я была институткой”. Которая из этих двух книг занимательнее, решат юные читательницы и читатели, а мы можем удостоверить, что оба автора пишут литературно и живо и хорошо знакомы с изображаемым бытом.»

[*Автор не указан*]. Новые книги // Речь. 1911. № 341. 12 (25) дек. С. 4–5.

Отзыв на книгу С. Либровича «Каменный мальчик»: «Рассказ С.Ф. Либровича принадлежит к тому же типу сантиментальных рассказов, как и знаменитые повести Чарской. Несчастный сирота, живущий у князя, преследуемый лакеями, заводит себе единственнаго друга – статую мальчика.

Надо, впрочем, сказать, что в рассказе Либровича больше ума, чем в повестях Чарской, и потому он производит лучшее впечатление» (с. 5).

[*Автор не указан*]. Обзор журналов // Новости детской литературы. 1911. № 3. С. 23–26.

«Обстоятельную и уничтожающую критику произведений г. Чарской, этого своего рода “enfant terrible” нашей детской литературы, дает статья З. Масловской “Наши дети и наши педагоги в произведениях Чарской”.

“Чарская поет пошлые мелодии жизни, дает мишуру, побрякушки ложно понятого эгоизма, заставляет детей любить их и заводит в то болото пошлости, из которого нет возврата уже по одному тому, что “привыкший ползать – летать не может” (сноска: Да! “Ползание” по страницам деланных детских книжек не научает восприятию того прекрасного, что дается лишь истинно-поэтическим творчеством, предназначающимся “для всех”. Автор заканчивает свою статью совершенно справедливым выводом: “Лучше было бы не давать детям, так называемых, “детских книг”). Нельзя не согласиться с автором статьи, ищущем(sic!) объяснения исключительному успеху Чарской у детей – в условиях переживаемого нами общественного момента: “Чарская является знамением времени: высокие идеалы падают, на все смотрят легче… Молодежь особенно ярко показывает *общее настроение*”…

“Заблудились сейчас наши дети, заканчивает г. Масловская, – они ищут, кто им споет песнь *об идеалах*, о том стремлении их к Высшему, которое *бессознательно живет* в их душе”.

Будем надеяться, что наступает уже это время…» (с. 24).

[*Автор не указан*]. «Первые товарищи» // Задушевное слово. Для старшего возраста. 1911. [Т. 51.] № 23. С. 2 обл.

«Несколько лет тому назад в “Задушевном слове” для младшего возраста была помещена большая повесть Л.А. Чарской **“Первые товарищи”**, вышедшая затем отдельной книгой. В настоящее время польская писательница Ванда Кнобляух, желая ознакомить с этой повестью польских детей, принялась за перевод “Первых товарищей” на польский язык, дабы и польские дети могли провести над ней столько приятных часов, сколько проводили те дети, которые читали по-русски.»

[*Автор не указан*]. Что нового в детской литературе? // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1911. № 12. Стб. 330–344.

«Бесспорно популярнейшая и плодовитейшая детская писательница, Л.А. Чарская представлена в этом году среди новинок рождественского сезона несколькими новыми книгами для раз-

ных возрастов. Для детей младшего возраста предназначены две ее книги: **“Счастливчик”** и **“Дом шалунов”**. В повести “Счастливчик”, иллюстрированной худ. Гурьевым (Ц. 3 р.), рассказывается история богатого мальчика, поступившего в первый класс гимназии, его переживания среди товарищей, его дружба с бедным одноклассником и пр. “Дом шалунов” того же автора, с рис. Бальдингера (Ц. 3 р.), это – история заблудившегося мальчика, который попадает сначала в деревню, а оттуда, со своею верною собачкою, в своеобразный пансион, где воспитываются шаловливые дети. В пансионе мальчик переживает целый ряд приключений, спасает жизнь одного из товарищей и, в конце концов, случайно встречает брата и мать.

Небольшой рассказ Л.А. Чарской **“Счастливый цветок”** (напечатанный в формате in 4°, крупным шрифтом, с рис. Гурьева) имеет темою судьбу бедной девочки-торговки, случайно встретившей доброго мальчика, который принимает близкое участие в ее горе и дарит ей цветок, принесший затем счастье всей семье.

“Вовик” Л.А. Чарской – книжка для маленьких детей, крупным шрифтом, сказочного характера: встреча мальчика с враждующими животными, которых он примиряет игрою на скрипке» (стб. 331–332);

«В **“Джаваховском гнезде”**, иллюстрированном худ. Гурьевым (Ц. 3 р.), г-жа Чарская рассказывает об оригинальном детском питомнике, устроенном юною кавказскою княжною среди ущелья Кавказа, куда попадает молодая русская девушка, увлекающаяся игрою на арфе, переживающая многочисленные захватывающие приключения.

“Вечера княжны Джавахи” Л.А. Чарской (с илл. Гурьева) возобновляют в памяти читателей созданный писательницей и ставший столь популярным образ храброй кавказской княжны. “Вечера” состоят из рада кавказских сказаний, рассказываемых княжне, при разных случаях ее жизни, старою грузинкою Барбалэ.

Со своеобразным институтским мирком, его радостями и горестями, которые так увлекают в повестях Л.А. Чарской: “Записки институтки”, “Княжна Джаваха”, “Люда Влассовская” – знакомит также книжка О. Заведеевой “Когда я была институткою…”» (стб. 336–339);

«Историческая повесть Л.А. Чарской **“Один за всех”** (иллюстрированная снимками с картин Нестерова, Брюллова, рисунками Панова и, кроме того, копиями миниатюр с древней русской рукописи) развертывает историю жизни, и в особенности юных лет, одного из величайших подвижников земли русской, св. Сергия Радонежского. В художественной беллетристике для юношества это тема совершенно новая, но, несомненно, вполне заслуживающая внимания, ибо если считается полезным знакомить в такой форме с жизнью героев, ученых, писателей и пр., то не менее полезным явится ознакомление юношества, в подобной интересной и увлекательной форме, с жизнью и деяниями одного из тех, перед которыми преклоняются все верующие» (стб. 340);

«Следует еще упомянуть о целом ряде вышедших новыми изданиями книг, уже пользующихся достаточною известностью у читающего юного поколения. Так “Газават” Л.А. Чарской вышел 4-м изданием, “Княжна Джаваха” – тоже четвертым, “Вторая Нина” – вторым, “Записки маленькой гимназистки” – вторым, “Первые товарищи” – вторым, “Сказки голубой феи” – вторым… “Веселая дюжинка” Л.А. Чарской – вторым…» (стб. 344).

А-в. Детские книги // Киевская мысль. 1911. № 354. 23 дек. С. 6.

«Товарищество М. Вольф выпустило еще несколько книг Л.А. Чарской (“Счастливчик”, “Дом шалунов”, “Записки маленькой гимназистки”). Если принять во внимание всю ту массу повестей и рассказов, которые ежегодно выходят из под этого пера, г-жу Чарскую едва ли не следует считать самой плодовитой из детских авторов. Несомненно, что это *количество* не может не отражаться неблагоприятно на *качестве*. Но нельзя не признать, что Л. Чарская пишет живо и занимательно и умеет заинтересовать свою аудиторию. Редкий номер “Зад. Слова” обходится без детских самых горячих похвал по адресу Л.А. Чарской.

Для более юного возраста имеются рассказы той же Л.А. Чарской “Вовик” и “Счастливый цветок”, оба неважные…»

Аякс. Детская литература (Рождественские новинки книжного рынка) // Биржевые ведомости (первое издание). 1911. № 12697. 21 дек. (3 янв. 1912). Вечерний выпуск. С. 6.

«По роскоши детских изданий немногие фирмы могут соперничать с фирмой Вольфа. Тех, кого только приучают читать, надо влечь и золотом переплетов.

Целый ряд новых книг, изящно отпечатанных, переплетенных и иллюстрированных, идет на рынок в нынешнем году из типографий Вольфа.

Среди своих авторов здесь царит *г-жа Чарская*. Большой успех ее у юной публики – дело столь же неоспоримое, как успех Вербицкой у молодежи студенческой. В чем секрет этого

успеха и признает ли резоны этого успеха взрослый читатель, – об этом можно много говорить, но книги этой рассказчицы идут 4-м и 5-м изданиями!

На взгляд взрослого г-жа Чарская сенсиментальна (sic!). Ее фигуры однотонны, – уголь и розовая краска, прекрасные люди и дети, “воспитанные во всех отношениях”, и злые люди и испорченные дети. Но зеленое детство любит эту разность линий и определенность красок, и Чарская нравится и будет нравится (sic!), пока дитя не вырастет.

Ныне она дает “Джоваховское (sic!) гнездо” (русские и черкесы на Кавказе), “Счастливчик” (детство богатого мальчика, гимназия, товарищи…), “Вечера княжны Джавахи” (сказания старой грузинки) “Дом шалунов” (пансионные шалости) и “Записки маленькой гимназистки”».

Бахтин Н. Детская литература (По поводу книги Н.В. Чехова «Детская литература». М. 1909. Стр. 256) // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. 1911. № 11. С. 434–448.

«Значение подобного рода повестей, раздробленных по нумерам и поддерживающих постоянный интерес к журналу, уловлено и другими редакторами, но – редактор редактору рознь, и в иных журналах роль такой “приманки” играют нездоровые сенсационные произведения, вроде пресловутой Л. Чарской (в ее последних произведениях) или переводных романов с необыкновенными и притом совершенно бессмысленными приключениями. Поэтому и в наше время можно сказать про разных лиц: он воспитан на “Задушевном Слове” – это целая характеристика детства буржуазного, имеющего идеалом сытую и приличную жизнь и, от времени до времени, грошовую благотворительность, основанную на известной дозе сантиментальности, развитой на рассказах о бедных детях; воспитан на “Семейных Вечерах” – это значит на журнале, предназначенном для помещиков и отражающем помещичьи взгляды» (с. 442).

В. Библиография // Кронштадтский вестник. 1911. № 290(7911). 31 дек. С. 3.

Отзыв на книгу **«Вечера княжны Джавахи»**: «Поэтичные сказания волшебной природы Кавказа переложены любимой детской писательницей в форме коротких рассказов, увлекательны своеобразным характерным стилем и знакомят с бытом, верованиями, взглядами малоизвестного для детей кавказского населения. Красивы описания природы, не менее красивы легенды; подобраны искусно, без участия излюбленной в кавказских преданиях любви и чувственности».

В. П. Библиография // Правительственный вестник. 1911. № 265. 11 (24) дек. С. 6.

«*Л.А. Чарская.* ***Дом шалунов***. Повесть для детей. С 10 иллюстрациями А. Бальдингера. Изд. т-ва М.О. Вольф. Спб. Стр. II+II+303.

Ее же. ***Счастливчик***. Повесть для детей. С 10 иллюстрациями И. Гурьева. Изд. т-ва М.О. Вольф. Спб. 1912. Стр. 223.

У г-жи Чарской имеется большой опыт по писанию детских книг; ее рассказы читаются легко; этому способствует и разговорная форма изложения, к которой она большею частью прибегает, и небольшие, не утомляющие внимания главы, на которые она делит свои рассказы. С этой стороны можно было бы давать читать детям произведения г-жи Чарской безбоязненно. Однако, вполне удовлетворительная внешняя форма не всегда соответствует внутреннему содержанию этих рассказов. В обеих повестях – и в “Счастливчике” и в “Доме шалунов” – чувствуются часто натяжки, неправдоподобность описываемого и явная пристегнутость того или иного из положений, только ради того, чтобы довести рассказ до благополучного окончания. Действующие лица той и другой повести – дети, лет семи-восьми. Герой повести “Счастливчик”, не смотря на старания автора заставить читателя сочувствовать ему, местами возбуждает скорее сожаление, а у более развитых детей-читателей может встретить даже насмешливое отношение. Круг семьи, в которой он живет, взят чрезвычайно состоятельный, причем последнее усердно подчеркивается автором. Не думается, чтобы большинство читателей были знакомы с такой обстановкой, и чтение этой повести может послужить к развитию совсем нежелательных вкусов у ребенка. Повесть “Дом шалунов”, конечно, возбудит сильный интерес маленьких читателей: описание, по большей части, безобидных шалостей обитателей этого дома, любовное отношение к ним лиц, их воспитывающих, наконец, и ярко очерченный образ главного героя повести – захватит внимание. Однако, и здесь нельзя найти той бесхитростной простоты действия в рассказе, которая бы не наводила читающего ребенка на сомнения в правдоподобности описываемого.

Изданы обе книжки очень изящно; хорошая бумага, довольно крупная печать; рисунки живо иллюстрируют текст; где только иллюстратор видел такие костюмы на деревенских мальчиках?»

В. Т. Библиография. Книги для подарков // Московские ведомости. 1911. № 293. 22 дек. (4 янв. 1912). С. 4.

«Л.А. Чарская. **Вовик.** С рис. барона А. Демерта. 24 стр. Изд. Т-ва М.О. Вольф. Спб. Моск.

“Вовик” – прехорошенькая сказочка Л.А. Чарской для маленьких детей. Волшебная скрипка приводит мальчика в царство зайцев. Там он мирит два враждующие племени зайцев, устраивает свадьбу принца Белячка и королевы Грызуньи, делает их царем и царицей и… просыпается у себя в постельке. Сказочка написана очень мило. Так же хороши и рисунки. Вот мы видим маленького музыканта с его волшебною скрипкой, а за ним, в веселой пляске, – целую армию зайцев: кто скачет на задних лапках, кто на передних… Вот мальчик прощается со своим заячьим народом: только и видны заячьи ушки и мордочки, уткнувшиеся в землю в низком поклоне… Вообще эту книжечку можно очень порекомендовать маленьким читателям.

Л.А. Чарская. **Счастливый цветок**. С рис. И. Гурьева. 18 стр. Изд. Т-ва М.О. Вольф. Спб. Моск. 1912.

Это – рассказик для маленьких детей. Содержание его несложно: как с подаренным цветком лилии счастье вошло в дом бедного семейства. Но написан он тепло и с любовью к детям. В тексте книжки помещено несколько рисунков, оживляющих ее содержание.»

В. Т. Библиография. Книги для подарков // Московские ведомости. 1911. № 295. 24 дек. (6 янв. 1912). С. 4.

«Л.А. Чарская. **Счастливчик.** С иллюстр. И. Гурьева. Изд. Т-ва М.О. Вольф. 223 стр. Спб. – Моск. 1912.

Эта повесть прочтется детьми с большим удовольствием и интересом. Л.А. Чарская со своею обычною живостью рассказа описывает здесь историю поступления маленького баловня богатой семьи – “Счастливчика”. На первых порах хорошенького, как девочка, изнеженного “Счастливчика” товарищи встречают насмешками, и маленькие читатели посмеются вместе с ними над тем, напр., как лакей привозит своему молодому барину в гимназию громадную корзину с “фриштыком”. Но скоро золотое сердце “Счастливчика” делает его и в гимназии таким же всеобщим любимцем, как и дома.

Очень недурны иллюстрации И. Гурьева. В общем нарядная книжка с интересною повестью Л.А. Чарской составит прекрасный праздничный подарок для детей.

Л.А. Чарская. **Дом шалунов**. С иллюстр. А. Бальдингера. Изд. Т-ва М.О. Вольф. 303 стр. Спб. – Моск.

Л.А. Чарская в настоящее время – одна из любимейших детских писательниц. Она умеет заинтересовать маленьких читателей, увлечь их своими героями. Герои ее повестей – всегда смелые, отважные, часто сорви-головы и шалуны, но с благородною, отзывчивою душой.

Таковы и обитатели “Дома шалунов”. Описание их бесконечных проказ способно очень заинтересовать молодую публику, вызывая то веселый смех, то – восхищение перед самоотверженными поступками маленьких шалунов.

Внешность издания – обычная для “книг для подарков”: хорошая бумага, нарядный переплет, много иллюстраций.»

В. Т. Библиография. Книги для подарков // Московские ведомости. 1911. № 296. 25 дек. (7 янв. 1912). С. 3.

«Л.А. Чарская. **Записки маленькой гимназистки**. С рис. А. Бальдингера. Изд. второе Т-ва М.О. Вольф. 168 стр. Спб. – Мск. Ц. 2 р. 50 к.

В “Записках маленькой гимназистки” Л.А. Чарская рассказывает историю бедной сиротки, взятой на воспитание в дом родственников. Сначала ей много приходится вынести от своих кузин и кузенов, но своею добротой она незаметно влияет на них и заставляет, наконец, горячо полюбить себя. Тема, конечно, не новая, но она всегда способна тронуть детское сердце; к тому же Л.А. Чарская умеет заинтересовать маленьких читателей и заставить их с глубоким сочувствием следить за судьбой своих героев и героинь.

Издана книга хорошо: в красивом переплете, на хорошей бумаге, со многими иллюстрациями.»

Зеленко В. Ближайшие задачи детских библиотек // Новости детской литературы. 1911. № 3. С. 5–7.

«И вот этот юный, но уже порядком пострадавший читатель, устремляется в библиотеку. В душе что-то бродит; очевидно, хочется отвлечься от серой и тяжелой жизни, пожить в другом мире. Он просит “поинтереснее”. Подсуньте в эту минуту Шерлока, Чарскую, Пинкертона… и вы увидите, что детям они понравятся, потому что героям этих произведений все удается, что редко случается в окружающей жизни, где так много неудач, горя, страданий и так мало бодрящего, возвышающего…» (с. 7).

И. Г. Б.Б. Глинский, Царские дети и их наставники; С.Ф. Литвинцев, Маленький русский историк; Н.Н. Головин, Моя первая русская история; А.Е. Зарин, Князь Теряев-Распояхин; Л. Чарская, Великий император и маленький паж, Царский гнев, Газават; Луи Русселе, Герой-барабанщик; Габриэль, Косталь-индеец. Книги для юношества. Издания т-ва М.О. Вольф. Спб. 1911 // Исторический вестник. 1911. Т. 126. № 12. С. 1164–1165.

«В конце года обыкновенно выпускается целый ряд книг для молодого поколения разных возрастов, при чем только часть этих книг исторического содержания. В настоящее время редкий педагог не согласится, что чтение по истории, отечественной и всеобщей, – самое здоровое чтение для детей и юношества. Давно признано, что исторические сюжеты в детской литературе имеют немаловажное воспитательное значение, а потому приходится сожалеть, что наши писатели для подрастающего поколения так редко и так случайно обращаются к подобным сюжетам.

Перед нами сейчас несколько таких книг, выпущенных товариществом Вольф…» (с. 1164);

«Остальные книги – историческая беллетристика, которой иными педагогами придается еще больше значения, чем просто истории, так как беллетристика сглаживает, смягчает, дополняет и иллюстрирует те сведения, которые даёт детям школа и учебники. **“Царский гнев”** и **“Так велела царица”** госпожи Чарской имеют в виду читателей младшего возраста. Первая повесть из мрачных времен Ивана Грозного, фоном для второй послужил ряд действительных фактов из жизни родственников Екатерины I. Обе написаны интересно и если несколько грешат против исторической правды, то все же дают более или менее близкую к действительности картину описываемых событий, чего для их читателя вполне достаточно. Другое дело повесть той же писательницы – **“Газават”**. Это безусловно талантливо написанная повесть для юношества, которая долго будет читаться, в виду интереса и задушевности, веющих с каждой страницы. Сюжетом для своей повести госпожа Чарская взяла последние годы завоевания Кавказа. События этой героической борьбы, полной удивительной самоотверженности русских воинов, от генерала до солдата, и отчаянной храбрости горцев, от простого узденя до главного вождя, настолько трогательно, тепло и живо запечатлены на страницах этой книги, что невольно переживаешь все тревоги, все надежды каждого из героев. И это несмотря на массу небрежностей в смысле стиля, допущенных автором» (с. 1165).

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1911. № 1. Отд. пагинация.

Перепечатка фрагментов отзывов на произведения Чарской. **Повести и рассказы**: фрагмент [О.Л. 1910]; фрагмент [Нива 1910]; **«Большой Джон»**: фрагмент [Σ 1910]; фрагмент [N 1910b] (с. 4).

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1911. № 2. Отд. пагинация.

Перепечатка фрагментов отзывов на произведения Чарской. **«Сибирочка»**: фрагмент [Нива 1910]; фрагмент [В.П. 1910b]; фрагмент [Н.Т. 1910]; фрагмент [О.Л. 1910]; **«Грозная дружина»**: фрагмент [Саввин 1911] (с. 3); **«Так велела царица»**: фрагмент [О.Л. 1910]; фрагмент [Нива 1910]; фрагмент [Николай Т 1910] (с. 3–4); **«Голубая волна»**: фрагмент [О.Л. 1910]; фрагмент [Нива 1910]; фрагмент [N 1910a]; **«Царский гнев»**: фрагмент [Саввин 1911]; фрагмент [Σ 1910]; фрагмент [В.П. 1910a] (с. 4).

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1911. № 3. Отд. пагинация.

Перепечатка фрагментов отзывов на произведения Чарской. **«Царский гнев»**: фрагмент [Бессарабская жизнь 1911]; **«Голубая волна»**: «Изящно изданная книга стихов популярной писательницы смело может быть рекомендована как прекрасный подарок и полезный вклад в библиотеку… Стихи изящны, грациозны и многие из них могут служить прекрасным материалом для декламации» (Литературно-театральный курьер. 1911. 23 янв.) (с. 2).

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1911. № 4. Отд. пагинация.

Перепечатка фрагмента отзыва на повесть **«Царский гнев»** [Сибирский Край 1911], идентичного отзыву [Бессарабская жизнь 1911] (с. 2).

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1911. № 7. Отд. пагинация.

«Голубая волна»: «Главным Управлением Военно-Учебных заведений допущено в ротные библиотеки III–VII классов кадетских корпусов (Отн. 30. IV. 911. № 9130); **«Большой Джон»**: «Главным Управлением Военно-Учебных заведений допущено в ротные библиотеки VI–VII классов кадетских корпусов (Отн. 30. IV. 911. № 9130)» (с. 2).

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1911. № 10. Отд. пагинация.

Перепечатка фрагментов отзывов на произведения Чарской. **«Газават»**: фрагмент [Правительственный вестник 1906]; **Сочинения для детей и юношества** (общие отзывы): фрагмент [Евг-р 1909а]; фрагмент [Е. – 1909]; фрагмент [Евг-р 1909]; «Не многим дан талант воскрешать в живых, правдивых и ярких картинах повесть о детства для детей, передавать верно детскую психологию со всеми особенностями непосредственных переживаний детской души в художественной форме беллетристического произведения. Таким талантом, несомненно, одарена Л.А. Чарская» (Россия. 1908. № 945[1]) (с. 2).

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1911. № 11. Отд. пагинация.

«Большой Джон», **«Голубая волна»**: «Главн. Управл. Воен.-учебн. завед. допущено для пополнения фундаментальных и ротных библиотек военно-учебн. заведений. (Цирк. 12. 5. <1>911, № 17)»; **Сочинения для детей и юношества** (общие отзывы): «Имя Л.А. Чарской, как писательницы для детей, пользуется заслуженною популярностью. Рассказы ее живы, увлекательны и с удовольствием читаются не только детьми, но и взрослыми» (Театральный день. 1909. 31 мая); «Г-жа Чарская составила себе имя, как занимательная рассказчица для детей. Книги ее пользуются успехом» (Мир. 2. 1903) (с. 4).

Измайлов А. Подарки рождественского деда (детская рождественская литература) // Русское слово. 1911. № 294. 22 дек. С. 4.

«Из старых дней мне запомнился разговор при мне двух значительных стареющих писателей.

– Когда я состареюсь, и иной меня препояшет, – сказал один, – я оставлю все, где нужно творчество, и буду писать воспоминания и переводить. Для первого нужна только память и правдивость, для второго – знание языка и техника писательства. На то и другое меня хватит.

– А я тогда начну писать рассказы для детей, – сказал второй. – Не сказки, для которых нужна фантазия, ибо у стариков она вянет, а рассказы. А почему? Потому, что ребенок менее требователен, чем взрослый. Ребенок не терпит подделки, не терпит, когда человек, рассказывая ему, становится на корточки и начинает сюсюкать (как у нас делают пишущие для детей дамы), но банального он не чувствует и сантиментального не отличает от трогательного… <…>

Можно положить, как аксиому: “самое случайное выступление настоящего писателя лучше труда специалиста-поставщика, увенчанного лаврами книгоиздателей”. <…>

Я слышал и читал об успехе у детей писательницы Л. Чарской. Об этом успехе говорят и пишут, как об успехе Вербицкой у молодежи старшей. Серьезное и богатое издательство (г. Вольфа) находит возможным издавать ее вещи в роскошном виде и, вероятно, не имеет повода раскаиваться, ибо повторяет их третьим, четвертым, пятым изданиями, печатает ее повести в “Задушевном Слове”, как “гвозди сезона”, и оглашает ее имя крупным шрифтом, как афиши печатают имя знаменитой гастролерши.

Сейчас выходят целых пять ее томов, богато иллюстрированных, чудесно переплетенных (“Джеваховское(sic!) гнездо”, “Счастливчик”, “Вечера княжны Джавахи”, “Дом шалунов”, “Записки маленькой гимназистки”).

Я почитал, – наивно, простодушно, местами сантиментально, но в наивности своей искренно. Милые девочки, обойденные, обиженные, – тип Сандрильоны. Великая вера, что послушную, добрую, добродетельную девочку рано или поздно Бог взыщет и люди полюбят. Шалуны-сорванцы, сажающие живого петуха в печку на уроке… Учитель спрашивает ученика, а петух как закричит свое “ку-ку-реку!”…

Я вижу, как крошечный мальчуган задорно и счастливо хохочет, закинув головку назад и показывая тоненькое горлышко с синенькими жилками. И когда потом, за обедом, вспомнит, то тоже расхохочется и фыркнет в тарелку. Ах, этот петух! И пошлет письмо в редакцию: “Милая г-жа Чарская, мне очень понравился ваш “Дом шалунов”…

Я не хотел бы быть понятым в том смысле, что собираюсь издеваться над г-жей Чарской. Чего же проще с точки зрения взрослого вышутить весь этот труд для детей! Нет, я вполне понимаю, что детям может нравиться то, что она пишет о детях добрых и злых и людях сердечных и жестоких, о гонимых девочках, которые потом побеждают своим благородством даже врагов, о

[1] В указанном номере материала о Чарской нет.

девочках, не спящих ночей у одра больной подруги, и т. д. Только взрослый, собираясь мерять дарование Чарской, должен оставить дома свой аршин.

Детям нужна такая литература, и Чарская не научит их ничему злому. Повторяю, у ней есть черта искренности. Я даже положительно думаю, что не одна из ее читательниц впоследствии вспомнит ее, как учительницу добра, не при одном добром движении своего сердца.

Но я хочу сказать, что писатель, говоривший, будто дети не чутки к банальному, был прав, по крайней мере, этот раз. И художественной критике, в обычном ее понимании, иногда нечего делать около детской литературы.

Несравнимо богаче жизненный опыт другой писательницы для детей, К. Лукашевич. Вот на ком можно наблюдать не недочеты, а выгоды специализации! Но здесь специализация покоится на гранитном фундаменте призвания. Этого нет у девяти из десятка.»

Л–ва К. Письмо в редакцию // Новости детской литературы. 1911. № 2. С. 31.

«Обращаюсь к Вам, М. Г., с большой просьбой.

Любимыми книгами моих детей (девочек 11 и 13 лет и мальчика 10 лет) являются книжки Чарской, к которой Ваш журнал относится отрицательно, ставя ее рядом с Пинкертоном. Что же мне делать? Должна ли я давать детям то, что они просят и любят или я должна ограждать их от этих книг? Дети уже произнесли свой приговор: как я должна разубеждать их? что я должна сказать им о Чарской?

Очень прошу Вас разъяснить мое недоумение за что я, да и наверное другие матери, будут Вам благодарны.»

М. Б. Книги для рождественских подарков. Издания товарищества М. Вольф // Россия. 1911. № 1874. 23 дек. (5 янв. 1912). С. 4.

«**Вовик**. Полу-быль, полу-сказка Л.А. Чарской. Пет., стр. 24. Цена 30 к.

Счастливый цветок. Рассказ Л.А. Чарской. Пет., 1912, стр. 18. Цена 30 к.

Джаваховское гнездо. Повесть для юношества Л.А. Чарской. Пет., 1912 г., стр. 303. Цена 3 рубля.

Вечера княжны Джавахи. Сказания (sic!) Л.А. Чарской, Пет., 1911 г., стр. 189. Цена 2 р. 25 к.

«Все эти произведения известной детской писательницы г-жи Чарской заслуживают безусловного внимания родителей. Спокойная и вдумчивая манера, с какой госпожа Чарская разрабатывает взятую ею тему, умение заинтересовать молодых читателей, несмотря на обыденность сюжета несложность интриги, а, главное, гуманное чувство, которое проникает все произведения г-жи Чарской, — все это делает ее книги, действительно, полезными подарками для юношества. Лучшей из названных книг мы считаем “Вечера княжны Джавахи”, где, в форме рассказов старухи, передается ряд красивых и подчас увлекательных легенд из жизни Грузии. <…>

Л.А. Чарская. **“Дом шалунов”**. Повесть для детей с 10 иллюстрациями Больдингера. СПБ. 303 с.

Наша талантливая писательница, как всегда, очень чутко понимающая детскую душу, описала жизнь потерявшегося ребенка, который попал сначала к добрым людям в деревню, а затем, по смерти последних, отданный к “Дяде Михею”, убежал оттуда и попал в исправительный пансион “Шалунов”, где оставался, пока не был случайно найден родной матерью. Хорошо описана его любовь к собаке-другу и интересны некоторые, даже злые, шалости детей, показывающие, какие из-за них могут произойти неприятные последствия.

Для детей полезная и очень занимательная книга.

Л.А. Чарская. **“Счастливчик”**. Повесть для детей с 10 иллюстрациями И. Гурьева. СПБ. 1912 г. 223 с.

В этой повести очень хорошо описано поступление и первый год учения в гимназии богатого мальчика “Счастливчика”, как его дома все называли, так как он пользовался любовью всех домашних. Товарищи же к нему отнеслись очень недружелюбно, но благодаря его правдивому и хорошему характеру, полюбили его.

Книга читается с большим интересом.»

М. В. Новые издания для детского чтения // Правительственный вестник. 1911. № 274. 22 дек. (4 янв. 1912). С. 4.

«*“Задушевное Слово”*. Журнал для детей младшего и старшего возраста, том LI. XXXV год издания (ноябрь 1910 – октябрь 1911 г.). Цена каждого тома 6 рублей. Изд. М.О. Вольфа. С.-Петербург.

<…> …мы должны признать, что несмотря на почтенную давность и широкую популярность, это издание, как журнал, не может оправдать своего существования чем-либо иным, кроме спроса. <…> В остальном чисто литературном материале господствует то общее, давно

уже установившееся в “Задушевном Слове” направление, выразительницей которого является главная сотрудница журнала – г-жа Чарская. Со специальной, образцовой детской литературой эти произведения не могут выдержать конкуренции уже по одному тому, что они пишутся на срок и не могут быть в достаточной степени выношены авторами. Большинство рассказов идеализируют условия т. н. “сытой” жизни с гувернантками, собственными каретами, условной благотворительностью и т. п. Герои и героини таких рассказов и повестей для детей из того класса, который изображается в них, должны быть скучны, у детей же, экономические условия жизни которых менее благоприятны, могут воспитать вкусы и надежды совсем не желательные. В погоне за занимательностью авторы иногда рассказывают о таких фактах и сплетают их столь неожиданно, что герои превращаются почти в психопатов (см. повесть Чарской **“Сестра Марина”**). <…>

Джаваховское гнездо. Повесть для юношества Л.А. Чарской. С 10 иллюстр. И. Гурьева. Стр. 303. Изд. т-ва М.О. Вольф. Спб. 1912. Ц. 3 руб.

Содержание новой повести г-жи Чарской, как и ряда других из той же серии (“Княжна Джаваха”, “Люда Влассовская” и др.), заимствовано из грузинской жизни. Эта серия, по-видимому, должна составить полную семейную хронику “Джаваховского гнезда” и дать историю каждого в отдельности ее представителя. Рассматриваемая повесть – большой том в 300 с лишним страниц; на всем протяжении его рассказывается о высоких добродетелях и геройских подвигах джавахской княжны и удивительных приключениях молоденькой русской девушки, случайно попавшей в дебри Дагестана и выходящей из всех грозящих ей опасности благодаря лишь почти вездесущему вмешательству княжны-спасительницы. И все это рассказано с особенностями языка, литературной манеры и миросозерцания, присущими г-же Чарской. Приподнятый тон и изысканная вычурная фраза, в ущерб естественности и простоте изложения, в полной мере отличают и это произведение. В погоне за быстрым и живым развитием действия в рассказе, автор выбросил за борт описания картин природы (уж Грузия ли не дает их!), все этнографические черты, пренебрег даже историческим материалом, словом, отстранен весь тот образовательный элемент, который является наиболее ценным в повествовании, написанном для юношества. В результате получилось описание действий и событий, происходящих как бы вне времени и пространства и не носящих того “couleur locale”, который придает художественному изображению полный реализм и соответствие с действительностью. Будучи таким образом лишена образовательного значения, повесть г-жи Чарской может зато дать подходящий материал для т. наз. легкого или, еще точнее, “салонного чтения”: написана она живо (вся в диалогической форме) и издана изящно.

Л.А. Чарская. ***Счастливый цветок***. Рассказ для детей; с рис. И. Гурьева. Изд. т-ва М.О. Вольф. Спб. 1912. Стр. 18.

Ее же. ***Вовик***. Полубыль, полусказка; с рис. бар. А. Домерта. Изд. т-ва М.О. Вольф. Спб. 1911. Стр. 24.

<…> И рассказ и полусказка г-жи Чарской написаны просто, задушевно и живо; не чувствуется растянутости, присущей большинству произведений этого автора. Маленькие читатели и читательницы, думается, с неослабеваемым интересом проследят приключение бедной девочки-продавщицы, устроившей благополучие всей семьи; заинтересует их и сон мальчика, навеянный подаренной ему старой скрипкой. Рисунки в обеих книжках вполне могут удовлетворить не только невзыскательного ребенка, но и взрослого.»

Масловская З. **Наши дети и наши педагоги в произведениях Чарской // Русская школа. 1911. Т. 3. № 9. Отд. 1. С. 102–125.**

Морозова М. Книги для детей дошкольного возраста // Воспитание и обучение. 1911. № 4. Стб. 111–123.

О книге «Жако и Жучка» (изд. т-ва М.О. Вольфа, автор не указан): «И вот на этих-то книжонках воспитывается целыми поколениями большинство наших детей, на этом хламе вырабатывается вкус маленьких читателей. И после всего этого мы еще можем удивляться, что, подрастая, дети не понимают высоко художественных произведений и, казалось бы, совершенно естественно, от увлечения “Жако и Жучкой” переходят к увлечению произведениями Чарской и Нат Пинкертоном. Вполне понятно, что дети, воспитанные на подобной литературе, редко дорастают до понимания тонких эстетических переживаний, им нужна только занимательность фабулы, грубое раздражение воображения, душу раздирающие сцены» (стб. 116). В разделе «удовлетворительных книг» названы **«Рыжик и Чернушка»** (стб. 120–121), **«Когда мы были маленькие»** (стб. 122).

Н. К. Детские книги // Земщина. 1911. № 846. 12 дек. С. 2.

«Из всех современных авторов русских детских книг, – только одна г-жа Чарская пользуется огромной популярностью среди детей, и ее с равным удовольствием читают дети разных сословий, и в столицах наших, и в глубокой провинции. Чем же это объясняется? Исключительной талантливостью автора? Да, конечно, нельзя отказать в талантливости г-же Чарской. Ее и сказки, и рассказы дышат художественностью и яркостью красок. Видна в ней любовь к детям, видна нежная, трогательная любовь к родине, и неуловимый нежный флер поэзии обвивает все, что пишет она. Но нельзя не сознаться, что г-жа Чарская довольно однообразна, ее произведения не блещут жизненной правдой, а герои ходульны, и тем не менее, дети зачитываются ею. В чем же секрет успеха? А вот, именно в том, что г-жа Чарская не старается прививать детям никаких общественных тенденций. Она с нежностью относится к юным детским сердечкам и не пытается, подобно другим авторам, лепить из детей будущих работников "свободной, обновленной родины".

Бегут дети от этих самозванных детских апостолов в скэтинг-ринк, или кинематограф, предается забвению подаренная "модная" детская книжка, и лишь с одной г-жой Чарской с удовольствием бродят малыши по своим учебным заведениям, да – путешествуют по Кавказу.»

Николай Т. Библиография. Книги для подарков // Московские ведомости. 1911. № 299. 30 дек. (12 янв. 1912). С. 4.

«Л.А. Чарская. **Джаваховское гнездо**. Повесть для юношества. 303 стр. С 10 иллюстрациями. И. Гурьева. Издание Т-ва М.О. Вольф. С.-Петербург – Москва. 1912. Цена 3 р.

Настоящая повесть принадлежит к серии рассказов про княжну Джаваху, излюбленнейшую героиню Л.А. Чарской. С обычным своим искусством талантливая писательница рассказывает здесь историю сиротки арфистки Дани, лишившейся матери. Ее приютила у себя княжна Джаваха, отказавшаяся от личного счастья для служения бедным сироткам-детям. Кроме Дани, она воспитывает еще много других; веселая казачка Маруся, кроткая Гема, дикая татарка Селтонет, благородный Сандро, Селим и умный, рассудительный Валь, – все они как живые вырисованы пером Л.А. Чарской.

Постепенно под благотворным влиянием "друга", как прозвали княжну Джаваху ее питомцы, все природные недостатки Дани постепенно исчезали, а тяжелые испытания, пережитые ею, когда она, поверив коварной Селтонет, бежала от Джавахи, заставили ее понять все безумие ее детского самомнения, и, поняв наконец всю душевную высоту "друга", она горячо полюбила эту чудную женщину, стараясь во всем подражать ей.

Повесть читается с неослабевающим интересом, и ее, конечно, ждет такой же успех, как и другие произведения Л.А. Чарской, этой любимейшей детской писательницы.

Внешность книги вполне соответствует интересному содержанию. Переплет, бумага, иллюстрации не оставляют желать ничего лучшего.

Л.А. Чарская. **Вечера княжны Джавахи.** Сказания старой Барбалэ. 189 стр. С иллюстрациями И. Гуньва, Н. Каразина и др. Издание Т-ва М.О. Вольф. С.-Петербург и Москва. 1911.

Перед нами изящно переплетенный томик, отпечатанный на прекрасной бумаге с красивыми иллюстрациями.

Книга это только внешним образом связана с Джаваховской серией. Это сказки и легенды, которые рассказывала по вечерам молодой княжне Нине ее старая няня Барбалэ.

В сборник вошли девять рассказов: "Безумец Бессо", "Старый Гуд", "Каменный джигит", "Кинжал Сафара", "Последняя песнь Хогбара", "Глупый Дев", "Невеста водяного царя", "Веселый джин" и "Кунаки Шайтана".

Эти красивые кавказские легенды с одинаковым интересом прочтет и юноша, и взрослый. Величественная природа Кавказа и его дикие вольнолюбивые зрители служат фоном для этих рассказов, а причудливая восточная фантазия разбросала по этому фону красивые цветы и узоры.

Нельзя оторваться от этих поэтичных легенд. Несомненно книга будет пользоваться заслуженным успехом, и ее вполне можно порекомендовать как прекрасный подарок.»

Панов А.Ф. **Видения. Стихотворение. Посвящается Л.А. Чарской // Задушевное слово. Для старшего возраста. 1911. Т. 51. № 48. С. 758–759.**

Р–ков В.Л. Детская литература перед Рождеством // Новое время. 1911. № 12848. 17 (30) дек. Иллюстрированное приложение. С. 9–14.

«По существу "Задушевное Слово" слагается из таких элементов: какой-нибудь роман г-жи Л. Чарской, печатающийся из нумера в нумер отдельными главами в течение чуть ли не целого года, а "для пополнения" нумера прибавляются маленькие рассказики, стишки… и т. п. <…> Очередной роман г-жи Чарской в издании для младшего возраста за истекший год называется **"Щелчок"**. Здесь обычные "эфекты" (sic!), которые писательница щедрою рукою рассыпает, на

удивление детям, в своих произведениях. Попавшая к цыганам белокурая Галька и ее защитник и покровитель, необузданный цыганенок, черноглазый Орля, прозванный так “за лихость”, – главные герои. Орля совершает разные подвиги, между прочим, как и полагается, спасает из огня своего “соперника”, мальчика “Счастливчика”. Кончился “Щелчок” – и начинается новая повесть того же автора “Тото, Коко и Лоло”, на этот раз, как видно даже из самого заглавия, с эфектами(sic!) преимущественно юмористического характера» (с. 9); О книгах **«Счастливчик»**, **«Записки маленькой гимназистки»**, **«Дом шалунов»**, **«Приютки»**: «В четырех книгах г-жи Л. Чарской действующими лицами являются в одной гимназисты, в другой гимназистки, в третьей – воспитанники какого-то удивительного пансиона, предназначенного главным образом “для капризных, злых, сердитых, пустых или ленивых детей”, и в четвертой – приютские девочки. Заглядывая мысленно в будущее представляешь себе, что писательница выпустит еще не один десяток повестей, героями которых будут школьники п школьницы, лишь несколько варьируя их взаимные отношения и “особые приметы”. Трудно сказать, чем собственно отличаются “Гимназистки” г-жи Чарской “выпуска” 1909 года или ее же институтки в “Большом Джоне” прошлогоднего выпуска от гимназисток, выпущенных в свет в нынешнем году. Приключения гимназистки, с “записками” которой на этот раз г-жа Чарская знакомит своих читателей, протекают впрочем больше вне стен гимназии. За то в “Счастливчике” на лицо все обычные атрибуты гимназической повести: появление новичка, насмешки над ним, неожиданный заступник, проявленное новичком великодушие по отношению к обидчикам и последовавший вслед за этим поворот в настроении школьников и т. д. В повести **“Приютки”** изображаются быт и нравы приюта для девочек. Здесь в роли “преследовательницы” героини является одна из надзирательниц, “черствая и немилостивая”, а другой надзирательнице, доброй горбунье, предназначена роль покровительницы обижаемой “приютки”. В приют попадает между прочим и одна из специально изготовляемых г-жею Чарской для ее институтских повестей неотразимо привлекательных девочек – “чернокудрая принцеса(sic!)”, “сказочная царевна”, у которой “короткие, пушистые кудри чудесной рамкой окаймляли лицо”, и “что-то” покоряющее толпу подруг сказывается во всем, – “в горделиво изогнутых прихотливым изгибом бровях, в алом румянце на молочно-белой коже” и т. д. (Заметим мимоходом, что тайны излома этих бровей, в одно и то же время и “горделивого” и “прихотливого”, – не сумел постичь и иллюстрировавший повесть художник и снабдил девочку самыми обыкновенными бровями). **“Дом шалунов”** написан не без задней мысли. С одной стороны, надо было “показать юным шалунам и веселым резвушкам всю нередко неприглядную сторону их шалостей”, с другой – нельзя было “не учитывать и того, что у юных читателей ничто другое не вызывает такого искреннего, сердечного смеха, как описание невинных шалостей, свойственных детскому возрасту”. Шалостей, в роде надевания на собаку парика и носков учителя и т. п., в повести г-жи Чарской действительно достаточно. Но чего здесь не хватает, так это чувства меры, и описываемая автором сцена, в которой целая куча мальчуганов, переодевшись в чертенят, забирается в лес и наводит страх на мужика, дядю Михея, похожа на опереточное представление» (с. 10–11); «Повести г-жи Л. Чарской **“Семья Лоранских”** и **“Дурнушка”** написаны в обычной манере этой писательницы. Валентина Лоранская с “матово-бледным” лицом, с “загадочно-странными зеленоватыми глазами под темными ресницами”, с “гордым ртом, редко дарящим улыбкой”, – состоит в несомненном родстве с героинями других повестей г-жи Чарской, хотя и исполняет в ожидании блестящей артистической карьеры обязанности чтицы при богатом старике, заставляющем ее читать “Спенснера” (sic!). Героиня другого рассказа, хотя и “дурнушка”, но написала “чудесную, полную блеска и красоты сказку, вызывающую жгучие слезы участия и восторженные порывы восхищения”, после чего вышла замуж за знаменитого писателя Водова. Впоследствии, когда у нее родился сын, она отказалась, впрочем, от писательства, находя, что “ничто не сравнится с этим чудесным, дивным чувством материнства”» (с. 12).

С-в М.В. Струйка за струйкой, волна за волной. Пересказ немецких детских писателей Л.А. Чарской, изд. Губинского, с рис. Андреева и др. Спб. 1909 г. 208 с. Ц. 1 р. 50 к. // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. 1911. № 2. С. 284.

«Ознакомившись с этим сборником, невольно возвращаешься к заглавному листу, чтобы проверить: действительно ли на нем стоит имя Л. Чарской, автора нескольких живых очерков из жизни учащейся молодежи, из русской истории? Неужели она нашла возможным связать свое имя с безжизненными и нравоучительными произведениями неизвестных немецких писателей? Ведь повествование о добродетельных детях, об исправившихся упрямцах и шалунах, об поучающих животных, – материал малоценный в воспитательном отношении и давно осужденный педагогической критикой. Думаем, что дети, знакомые с другими произведениями г. Чарской, по прочтении этого сборника, скажут: какие скучные повестушки написал наш любимый автор!»

С. П. Детские книги (к предстоящим праздникам). Окончание // Юго-западная Волынь. 1911. № 517. 24 дек. С. 3.

Отзыв на книгу С. Либровича «Каменный мальчик»: «Рассказ С.Ф. Либровича принадлежит к той же серии сентиментально-чувствительных произведений, на которые так отзывчивы наши дети. В этом жестоком умении затронуть не огрубевшие еще душевные струны детей и довести их до слез г. Либрович с большим успехом конкурирует с г-жей Чарской, столь почитаемой в кругу детей. Если задача автора сводилась к тому, чтобы дать не полезное, а только захватывающее чтение, то цель его достигнута блестяще».

Саввин Н.А. Опыт ежегодника детской литературы. Детская литература и журналистика за 1909–1910 гг. М.: редакция журнала «Педагогический листок», 1911. 90 с. (Учительская библиотека.)

Отзыв на повести **«Белые пелеринки»** и **«Гимназистки»** (с. 53–54), **«Грозная дружина»** и **«Царский гнев»** (с. 75), идентичный [Саввин 1910b].

Саввин Н. Опыт ежегодника детской литературы. Детская литература и журналистика за 1911 год // Педагогический листок. 1911. № 6. С. 416–441.

В обзоре беллетристики для детей среднего возраста: «Изображение школьной жизни вообще не удается русской детской литературе.

Детская литература находит выход из создавшегося тупика: она раздвигает суженные рамки тесного мирка и ведет читателя на простор жизни, но чаще это расширение совершается в двух направлениях. Первое – и самое легкое – повесть приключений, самых невероятных, ни логически, ни психологически не оправдываемых. Какой-то клубок нервирующих читателя положений, какой-то калейдоскоп быстро сменяющихся событий, – и в результате произведение, залпом прочитываемое, но только болезненно расстраивающее воображение и бесконечно далекое от жизненной правды. Такова повесть Л.А. Чарской "**Сибирячка** (sic!)". (Ц. 3 руб.). – Это настоящий роман приключений, грубо, чисто механически склеенных. Автор ведет читателя в область прямо невероятных положений; художественности в повести нет; герои все обрисованы одною краскою, смотря по тому, кто он: добродетельный или злой человек. Здесь и тайга Сибири, и цирк в Петербурге, и столичная гостиница; здесь и каторжники, и цирковые артисты, и звери, – словом, все склеилось в одну беспорядочную группу и что же? Роман проглатывается без перерыва, но нужно ли такое произведение младшему возрасту? Что оно ему даст? Отнимет время, отучит от чтения реального произведения, испортит его художественный вкус.

Другой путь – это раскрытие жизни…» (с. 439).

Саввин Н. Опыт ежегодника детской литературы (продолжение). Детская литература и журналистика за 1911 год // Педагогический листок. 1911. № 7. С. 547–568.

В обзоре книг для детей старшего возраста: «Другая писательница, специалистка по изображению школьной жизни, г-жа Чарская. Ее новая книга **"Большой Джон"**. (Изд. Вольф, ц. 3 руб.). Г-жа Чарская, главным образом, изображает институтскую жизнь. В новой повести некоторые моменты подмечены очень удачно: такова, напр., сцена прощания с учителями, недурно обрисованы некоторые лица преподавательского персонала, подхвачены и некоторые характерные черточки институтского быта (в роде, напр., пресловутого "обожания" старших младшими). Автору удалось изображение экзальтированности институток. Но все эти положительные достоинства повести тонут в массе недостатков. Фигура самого Большого Джона целиком неестественна и надумана: он не живое лицо. Затем, вся повесть слишком однообразно построена: она вся в ряде внешних эффектов, неожиданных случайностей, искусственно придуманных автором. Героиня повести издерганное, с надорванными нервами существо, находящееся во власти нервических эффектов, по воле автора подчиняющееся своим капризным побуждениям. Внешние эффекты повести слишком дешевого качества, но они действуют вредно на детскую психику читателя, держа его во власти нервного напряжения; весь этот мелодраматизм лишает повесть всякой художественной ценности. В итоге – повесть не желательна в детской библиотеке» (с. 559–560).

Саввин Н. Опыт ежегодника детской литературы (окончание). Детская литература и журналистика за 1911 год // Педагогический листок. 1911. № 8. С. 611–636.

В разделе «История и историческая беллетристика»: «Л. Чарской **"Так велела царица"**, ц. 50 коп. Отдельный эпизод из эпохи царствования Екатерины I, как императрица привезла к себе своих деревенских родственников. На этой почве разыгрывается несколько комических случаев, смешных положений. Бесхитростно рассказанная, повесть представляет интерес для читателя» (с. 612);

В разделе «Детская журналистика в 1911 году»: «“Задушевное Слово” для младшего возраста. <…> Неизменною поставщицей журнала является г-жа Чарская, давшая новую повесть **“Щелчок”** и опять ряд эффектных внешних положений, нервирующих читателя, и отсутствие художественной правды» (с. 629); «“Задушевное Слово” для старшего возраста наполнено повестью Л. Чарской **“Сестра Марина”** со всеми присущими писательнице свойствами ее писательской манеры: и внешнею занимательностью, и массою эффектных сцен, не мотивированных ни логически, ни психологически, и прописною моралью» (с. 631); «Вообще, беллетристика “Задушевного Слова”, – а ее очень много, принимая во внимания еще приложения, – какая-то странная: она производит впечатление надуманности. **“Вечера княжны Джавахи”** Л. Чарской могли бы выйти полными поэзии, если бы за них взялся не манерничающий писатель» (с. 632).

Фриденберг В. Творческое чтение // Новости детской литературы. 1911. № 2. С. 1–6.

«Имея живое, яркое, согретое горячим чувством любви представление о Пушкине, Гоголе, Толстом, ребенок не пустит в свою душу такие уродства, как Чарская, Ник-Картер или Нат-Пинкертон» (с. 6).

***Чуковский К.И.* Матерям о детских журналах. СПб.: Русская скоропечатня, 1911. 103 с.**

Ю. Библиография // Голос Либавы. 1911. № 301(452). 30 дек. (12 янв. 1912). С. 3.

«О детских книгах, в издании т-ва М.О. Вольф вообще мы говорили на днях. Тогда же мы давали краткий отзыв о некоторых книжках, как бы специально выпущенных к рождественским праздникам.

Теперь мы продолжим список этих книг.» Отзыв на повесть **«Джаваховское гнездо»**: «В этой книжке по обыкновению простым, понятным детям, языком г-жа Чарская рассказывает историю одного детского питомника, устроенного юною кавказскою княжною среди ущелий Кавказа, в который попадает молодая русская девушка, увлекающаяся игрой на арфе и переживающая здесь многочисленные захватывающие приключения»[1]. Отзыв на книгу **«Вечера княжны Джавахи»**: «Старая грузинка Барбалэ рассказывает княжне массу кавказских поэтических сказаний, из которых и слагаются “Вечера”. Язык и манера письма Чарской известны всем и говорить о них лишний раз не стоит. Книжка прочтется детьми с увлечением».

Ю. П. Библиография // Варшавский дневник. 1911. № 352. 20 дек. (2 янв. 1912). С. 3.

Отзывы на издания т-ва М.О. Вольфа. **«Задушевное слово» для старшего возраста**, т. 51 (1911): «В этом томе помещены, между прочим, “Сестра Марина” повесть для юношества Л.А. Чарской с прекрасными иллюстрациями Е. Самокиш-Судковской… Кроме отмеченных произведений в этом томе много и другого, весьма интересного и полезного материала для чтения; интересны картины, прекрасны печать и бумага; роскошен переплет»; **«Задушевное слово» для младшего возраста**, т. 51 (1911): «В этом томе помещены “Щелчок”, большая повесть для детей Л.А. Чарской; “Собака-докторша”, рассказ К. Лукашевич; “Синие головки”, рассказ С.Ф. Либровича; “Большое путешествие вокруг маленького стола”, рассказанное Н. Антоновским. Очень интересен подбор материала как для чтения маленьким детям, так и для забав; очень много занимательных картинок. Лучший подарок на елку, в чудном переплете»; повесть **«Дом шалунов»**: «Мир веселых шалунов, шалости которых не вызваны злыми намерениями, а происходят от избытка живости детских натур, является фоном, на котором развивается грустная повесть о случайно попавшем в эту среду мальчике с добрыми задатками особенно чуткой и мягкой души. Юный читатель найдет здесь целый ряд типов проказников, узнает об их радостях и невзгодах. Написана повесть очень живо, занимательно и увлекает с первых же страниц»; повесть **«Счастливчик»**: «Повесть эта посвящена описанию школьной жизни одного красивого мальчика. Все возможные события из общей жизни с товарищами и из семейной жизни составляют содержание этой весьма интересной повести, полной правдивой детской психологии, которую автор превосходно изучил. Богатый материал для чтения»; повесть **«Записки маленькой гимназистки»**: «Записки ведутся от лица маленькой гимназистки; в них девочка наивным детским языком рассказывает, как она осиротела, была увезена в Петербург в чужой для нее до тех пор дом дяди, и как протекала ее сиротская жизнь среди родственников и подруг. Как и все повести талантливой на редкость и весьма чутко понимающей детскую душу писательницы, и эти записки гимназистки представляют большой интерес и весьма ценную книгу для детского чтения. Во всех трех отмеченных нами книгах иллюстрации исполнены с

[1] Как нетрудно заметить, отзыв скопирован отсюда: [*Автор не указан*]. Что нового в детской литературе? // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1911. № 12. Стб. 330–344.

большой художественностью и очень интересны по компановке(sic!); все три книги в прекрасных роскошных переплетах; печать и бумага выше похвал».

Rossica // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1911. № 4. Стб. 60.

«Повесть для детей Л.А. Чарской “Первые товарищи” переводится на польский язык г-жою Вандою Кнобляух.»

Rossica // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1911. № 8. Стб. 124.

«У Вилимека в Праге, издавшего уже пять книг Л.А. Чарской, выходят в чешском переводе **“Сказки голубой феи”** того же автора. Перевод сделан чешским педагогом Ладиславом Ришавым. **“Евфимия Старицкая”**, исторический роман Л.А. Чарской, переводится на немецкий язык г-жею Луизою Тлухор, переводчицею Толстого, Чехова, Боборыкина, Гаршина, Потапенко и др. русских писателей.»

Σ. Книги для подарков. Издания товарищества М.О. Вольф // Россия. 1911. № 1875. 24 дек. (6 янв. 1912). С. 4.

«Задушевное Слово. Чтение для детей младшего возраста. Том LI, ноябрь 1910 октябрь 1911. 8°. Со многими рисунками. Цена в пер. 5 р. 25 к.

Едва ли нужно говорить о достоинствах “Задушевного Слова” и о том, как любят дети читать его. В этом томе помещены, между прочим: **“Щелчок”**, большая повесть для детей Л.А. Чарской, “Собака-докторша”, рассказ К. Лукашевич, “Синие головки”, рассказ С.Ф. Либровича и “Большое путешествие вокруг маленького стола”, рассказанное Н. Антоновским.

«Задушевное Слово. Чтение для детей старшего возраста. Том LI, ноябрь 1910 октябрь 1911. СПБ. 1911. 8°. Со многими рисунками. Цена в пер. 5 р. 25 к.

В этом томе интересного журнала помещены, между прочим: **“Сестра Марина”**, повесть для юношества Л.А. Чарской, с рисунками, Е. Самокиш-Судковской, “Дочь железного рыцаря”, историческая повесть Е.Е. Грина, “Целый мир на стекле”, очерк А.А. Умнова, “Дирижабль “Сан Марино”, путешествие по воздушному океану Л. Вагнера и “Похождения Данилки”, рассказ В. Цеховской. <…>

Записки маленькой гимназистки. Повесть для детей Л.А. Чарской. С 12 илюстр. (sic!) А. Бальдингера. Изд. 2-е. СПБ., 1911 г, 8°, 168 с. Цена в коленкор. перепл. 2 руб. 50 коп.

Интересная для детей младшего возраста повесть талантливой писательницы.»

Сведения об авторе:

Мария Михайловна Громова,
мл. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Mariya M. Gromova,
Junior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
marija.gromova@list.ru

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-133-137

Д. Пандев (Скопье, Республика С. Македония)

О книге «Македонская литература: Лекции» Аллы Шешкен (Ала Шешкен. «Македонистички предавања». Диалог, 2025)

Д. Пандев (Скопје, РС Македонија)

Кон книгата «Македонистички предавања» од Ала Шешкен (Ала Шешкен. «Македонистички предавања». Дијалог, 2025)

D. Pandev (Skopje, RN Macedonia)

On Alla Sheshken's Book "Macedonian Lectures" (Alla Sheshken. "Macedonian Lectures". Dialogue, 2025)

Се потсетуваме и се упатуваме кон иднината, се разбира, на македонскиот јазик на Московскиот државен универзитет меѓу традицијата и иновацијата, што би рекол нашиот професор Конески. Тоа значи 50 години Катедра за македонски јазик на Московскиот државен универзитет «Ломоносов», гнездото на славистиката, потем на Четвртиот конгрес на славистите. И сега прославуваме, според мене, 40 години континуирана настава по македонска книжевност на Катедрата за македонски јазик основана во 1975 година од која изминале 50 години врз основа на 60 години од основањето на лекторатот по македонски јазик на Московскиот државен универзитет во 1965 година и ќе истакнам 80 години од програмската идеја тој лектorат да се отвори. Сѐ се тоа јубилеи кои денес ни се вкрстуваат во книгата на Ала Шешкен «Македонистички предавања». Јас би одел уште подалеку до 1885 и 1933 до Петар Драганов и Афанасиј Метвеевич Селишчев односно 140 години и 100 години, би рекле, во пресрет на отпочнувањето на курсот по македонистика што го отворил во Москва, но не на МГУ, Афанасиј Метвеевич Селишчев. Сѐ се тоа јубилеи коишто спојуваат и од кои секако ја имаме книгата под наслов «Македонистички студии». Македонистиката на сите овие претходно споменати, можеби тогаш неостварена или завиена под други номенклатури и на други универзитети како онаа на Селишчев, но сепак македонистика. Но, еве нѐ денес пред и со една книга со помпезен наслов «Македонистички предавања». «О колку тоа гордо звучи» што би рекол Горки, а по него и многумина. Но тоа е факт навистина оваа книга го има тој наслов и тоа гордо звучи. И се разбира во оваа книга сепак го има и Горки. Овие предавања се одржани на МГУ и знаеме точно кој ги одржал, а тоа секако е Ала Шешкен, и знаеме и сите ние пред кого ги одржала, како ги одржала и било ли лесно да се одржат. Ќе почнам од последното. Не. Но

се одржале, исто онака како што на МГУ ги држела своите предавања Рина Усикова, не било лесно, но ги држела. Рина Усикова е една од најзначајните имиња во историјата на филолошкиот факултет на Московскиот државен универзитет. Позначајно, би рекол, дури и од името на Самуил Борисович Бернштејн ако ја читаме архивата на овој универзитет. Но, за тоа сега нема да дискутираме, ќе зборуваме за влогот на Ала Шешкен во предавањата на македонската литература на Московскиот државен универзитет низ нејзините македонистички предавања. Што значи тоа? Литературата низ призмата на јазикот и историографијата во контекст на југословенските, но и словенските книжевности во контакт со руската и со советската книжевност. Да се знае сето тоа не е лесно. Тоа значи да се знаат, пред сè, врвните имиња на македонската книжевност, на југословенската книжевност, особено на српската. Важни се Добрица Цесарич и неговата врска со Кочо Рацин и тоа се имиња што се застапени во оваа книга. Треба да се знае и Шолохов кој починал во 1984 година, значи бил жив во она наше време. Треба да се знае сето тоа, но во секој случај од каде да почнеме и каде да завршиме. Дали да почнеме како Ала Шешкен од преводите на Блаже Конески на руската литература стигнува до рецепцијата на Милан Ѓурчинов на руската литература? Оваа книга на Ала Шешкен може да се збие во таа верига или во таа врска. Она што го направил Блаже Конески во почетоците, во преводите на руската литература независно колку бил вљубен во неа и што правел, би рекле, по директива или во она што било рецепција на Милан Ѓурчинов како еден од врвните слависти по литература во македонската книжевна средина. Или пак да почнеме од «Мостот» на Блаже Конески до «Јазлите» на Владо Малески. Не верувам дека повеќе од десетмина го прочитале «Јазли» на Владо Малески. Но еден од тие десетмина е Ала Шешкен. Да се прочита Владо Малески и неговите «Јазли» значи да се вклопат почетоците на македонската литература во една целина од еден неговите основачи, а Ала Шешкен го направила тоа. И не верувам дека некој му посветил повеќе внимание на «Мостот» од Блаже Конески од Ала Шешкен. Зошто? Не мора да се прашуваме – треба да одговориме. Шешкен ја имала храброста да се соочи со «Јазли» на Владо Малески и да го одгатне «Мостот» на Блаже Конески. А тоа се едни од најтешките задачи во македонската литература. А ниту Владо Малески им останал верен на «Јазли», ниту Конески го претпочиташе «Мостот», но ги напишаа. Секој во своето време. Конески на својот почеток, Малески на својот крај. Ала Шешкен навлезе во македонската литература со спокојството на руски истражувач на една литература што според неа во определен период од својот развој се потпирала и на руската, но тоа секако треба да се знае, треба да се знае одлично руската литература, да се знае Есенин, да се знае Мајаковски и сето она, би рекле, мнимо, што би рекол некој од нашите претходници, влијание што тие го извршиле макар и во еден момент во македонската литература. Исто така, Ала Шешкен секогаш наоѓала паралели кои, според мене, не се толку руско-македонски колку што се светски совпаѓања со големите теми на литературата. Ала Шешкен длабоко навлегла во сите пори на македонската литература и совршено контактирала со најзначајните дела на руската и на македонската поетика. Таа тргнува од Охридската книжевна школа и нејзиното влијание врз руската книжевност. Тоа беше тема на Владимир Мошин, еден од оние руски, јас би го нарекол, полу-емигранти кого руската средина го прифати, а југословенската и македонската уште повеќе. Но тоа не е толку важно колку што беа прифатени неговите тези и тоа е за нас уште поважно што тие се и вовед во проучувањата на Ала Шешкен, независно

дали овдека се споменува Мошин или не. И тоа има смисла, Ала Шешкен има смисла за книжевни скокови, а скокот е особено карактеристичен за македонската литература, тоа е она според кое Шчепкин, Ѓурчинов, вели Гачев, и оди по таа теорија, за оној забрзан развој на македонската книжевност и слободно би рекол оној скок што Ала Шешкен го прави – тоа е скок од Охридската книжевна школа до «Евангелие на Итар Пејо» на Славко Јаневски. Можеме ли да си претпоставиме што значи тоа – векови и векови, правци и правци во литературата. Ала Шешкен знае од апокрифите да стигне до Живко Чинго, таа знае и умее да ги открие обединувачките фактори на македонските поколенија. Оние концепти што се нарекуваат оро или «Тешкото» или везот односно «Везилка» на Блаже Конески. Ала Шешкен знае да ги состави традицијата и авангардната лирика. Што значи тоа? Јас би се запрашал и би прашал постои ли авангардна лирика? Можеби постои и авангарда, но лирика? А можат ли да се одделат или не можат да се одделат лириката од авангардата? Бидејќи лириката ја создаваат авангардистите. Тоа го направија и руските авангардисти, тоа го направија и македонските авангардисти. И Шешкен ја доловува таа врска. Ги открива формулите што Конески ги сфаќа како нагорени места. Но без нив нема развој во литературата. Во литературата мора да постојат пароли, мора да постојат нагорени места или изветвени места по кои што литературата се развива по свои патишта или едноставно се лизга. Шешкен ги открива темните места на развојот на македонската литература со поглед на објективен истражувач. И тоа не погледот на Димитар Митрев, не погледот на Другговац, не погледот на Милан Гурчинов. Тоа е нејзин поглед зашто има во тој поглед нешто што не го согледуваат ни Јован Бошковски, ни Александар Спасов, ни Димитар Солев. Јас споменав шест од најзначајните имиња во македонската книжевна критика. Но, секако Ала Шешкен со ова дело од една страна се надминува над нив, ги превозмогнува независно дали ги синтетизира, независно дали сето тоа го апсорбира во својот труд, зашто јазичната и книжевната апсорпција е една од најзначајните теми и во лингвистиката, и во поетиката. Начинот на кој што Шешкен го открива модернизмот во македонската литература е чисто нејзин. Независно од фонот на кој што го поставува. Македонистичките предавања на Ала Шешкен се предавања на еден од врвните универзитети во светот. Таму сè се предава сериозно од времето кога студенти биле Константин Миладинов и Рајко Жинзифов, независно кои им биле професори, а им биле Буслаев, Ламански и други. Преку времето на Крсте Мисирков, кому професори му биле Бодуен де Куртене, Петар Лавров, до времето на Олга Панкина, студент на првата генерација македонисти, и Елена Верижникова, на втората генерација, Ала Шешкен ја презеде успешно третата генерација на студенти на Московскиот државен универзитет на Катедрата за македонски јазик. Таа генерација изработија, сега го употребувам во множина, одлични теми од македонската книжевност. А како залог ги имаа овие предавања, кои Ала Шешкен прецизно ги обработи низ македонската литература. Теориски, историографски, водејќи сметка и за книжевните врски, но и за типолошките процеси, зашто не е лесно да се воспостави граница меѓу сродноста во литературата и типот на литературата. Што се однесува до програмата на Московскиот државен универзитет по македонска книжевност, таму прво влегоа писателите што отпосле влегоа на нашата Катедра за македонска книжевност, односно сериозно се работеа, а подоцна тие станаа, би рекле, доблест на нашата Катедра. Ала Шешкен ја проследи македонската литература низ нејзините развојни фази. Восхитува нејзиниот поглед на македонската литература низ призмата на руската и на советската книжевност.

Го знаеме ли денес Есенин, Мајаковски или Шолохов, е друго прашање. Но нашите предци солидно ги знаеме. Ги забораваме ли, е друго прашање. Но тука е книгата на Шешкен да нѐ потсети, и руските студенти, и нас – македонистите за почетоците на современата македонска книжевност. Оваа книга сега излегува во Македонија во издание на «Дијалог» во која стои уредникот Веле Смилески. Јас се сеќавам на она време и бев дел од тоа време кога книгите на Рина Усикова излегуваа во Македонија во изданија на «Македонска книга». Тоа беше некаде 1986 година, а потоа излегоа и во Москва во мошне убави и прекрасни изданија. Во очекување на руското издание, при сѐ што Ала Шешкен има значаен број книги, публикации и статии на руски јазик, од кои некои овдека се преведени, ја имаме оваа книга. Впрочем, како да се зборува за македонската литература, ако не на македонски? Некогаш тоа е и врвот на наставата по македонски јазик на универзитетите во странство, на универзитетите во светот, особено на Московскиот државен универзитет, каде студентите одлично го совладуваат македонски јазик и напишале одлични теми, меѓу другото и докторски дисертации, токму од тема на македонската литература. Се разбира, овој пат не зборувам за оние теми од областа на македонски јазик, кои што се особено значајни за развојот на македонистиката. Пред нас имаме една книга, во која има сѐ, нема македонски автор што не е споменат, особено од она значајно време за развојот на македонската книженост. Јас се обидував да најдам некое име што го нема, но сепак некаде и тоа ќе се најдеше, провлечено во тие, би рекол, книжевни вкрстувања и јазични вкрстувања во онаа смисла во која што темата за јазичните и за книжевните вкрстувања била една од клучните во руската славистика и во руската лингвистика. Ала Шешкен им припаѓа на врвните патеки во македонистиката и во славистиката воопшто. Таа е една од најзначајните македонистички имиња на Московскиот државен универзитет, по сите оние имиња кои што оставија значајна трага во развојот на македонистиката од она далечно време од кое нѐ делат повеќе од еден век. И она што е најзначајно, Ала Шешкен е активна и таа е присутна меѓу нас, таа постои и тоа е она што нас нѐ радува. Од неа очекуваме многу нови и нови остварувања. Од неа очекуваме многу нови и нови остварувањеа што ќе се надоврзуваат токму на овие македонистички предавања, на овој наслов во којшто нема само литература, има и лингвистика, има и историографија, има и податоци до кои што тешко се доаѓа, но Ала Шешкен доаѓала до нив, независно дали преку разговори, преку дијалог, дали преку истражување. Но факт е дека македонската литература отсекогаш била присутна на Московскиот државен универзитет. Јас би рекол од она време на Јулија Белјаева, која што го проучувала Кочо Рацин и го преведувала, или од она време кога Афанасиј Метвеевич Селишчев кажал дека вакви писатели како Крчовски и Пејчиновиќ нема никаде во Европа. И сега слободно ќе истакнам – вакви писатели какви што има во Македонија, нема никаде во друга земја, бидејќи тие ја имаат Македонија, а ние ја имаме Ала Шешкен.

Сведения об авторе:

Димитар Пандев,	Dimitar Pandev,
доктор филологии	Doctor of Philology
профессор	Professor
филологический факультет имени Блаже Конески	Faculty of Philology “Blazhe Koneski”
Университет св. Кирилла и Мефодия	University “Ss. Cyril and Methodius” in Skopje

Димитар Пандев,
доктор PhD
редовен професор
Филолошки факултет «Блаже Конески»
Универзитет «Св. Кирил и Методиј» в Скопје

d.pandev@flf.ukim.edu.mk

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-1-138

STEPHANOS

2025

№ 5 (73)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2025
Сентябрь – September